91
С173

В. А. САМОЙЛОВ

СЕМЕН ДЕЖНЕВ
И ЕГО ВРЕМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ • 1945

91:92
С-173

В. А. САМОЙЛОВ

СЕМЁН ДЕЖНЕВ
и ЕГО ВРЕМЯ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ОТПИСОК и ЧЕЛОБИТНЫХ
СЕМЁНА ДЕЖНЕВА
О ЕГО ПОХОДАХ
и ОТКРЫТИЯХ

68213

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
МОСКВА 1945

Обложка,
титул, заставки
и концовки
худ. В. С. ЖИТЕНЕВА

Библиотека АП РФ
2 010003 79775 1

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПРЕДЛАГАЕМАЯ вниманию читателя работа В. А. Самойлова посвящена одному из заключительных этапов завоевания Сибири, походам на крайний северо-восток Азии.

Массовое проникновение казаков, служилых и промышленных людей в Сибирь явилось естественным продолжением поступательного движения русского народа на севере и востоке великой европейской равнины, начавшегося в XI—XII вв. В 1582 году Сибирское царство было присоединено к Московской Руси. А к середине следующего столетия русские достигли уже Тихого океана — Охотского побережья (1639), Приамурья (1644), Чукотки (1648).

В неудержимом стремлении вперед, в новые «земли изобильные», ватаги казаков и промышленников, во главе с передовщиками, неустанно перебирались из одних речных бассейнов в другие. По большим и малым рекам и разделявшим их волокам проникли они с Оби на Енисей, с Енисея по Нижней Тунгуске на Вилюй, а оттуда на великую реку Лену.

Заложенный в 1632 г. сотником Бекетовым Якутский острог стал центром обширной, вновь обретенной области, а вместе с тем опорным и исходным пунктом дальнейших походов на восток. Тягу ратных людей в неведомые земли

Крайнего северо-востока усиливали вести об их богатствах и близком соседстве с загадочными странами — Америкой и Японией.

Но там, на краю Азии, ждали землепроходцев не только обильные, нетронутые богатства, но и самые грозные опасности. Вместо рек и волоков, этих уже привычных путей проникновения в сибирские «дебри плодовитые», пришлось преодолевать бурные воды океанов, недоступные хребты и необозримые тундры. Там они оказались совершенно отрезаны от своего дальнего тыла — России и встретили наиболее упорное сопротивление коренного населения.

Все эти препятствия были, однако, преодолены. Вслед за открытием «сторонних» якутских рек — Яны и Индигирки, Алазеи и Колымы, Михайло Стадухин проникает в 1647 г. по сухопутью с Колымы на Анадыр, а оттуда в Землю Корякскую, на Пенжину реку. В следующем 1648 г. герой повествования Семен Дежнев добирается до Анадыра морским путем и разрешает этим величайшую географическую задачу эпохи.

В итоге за десять лет (1639—1649) русские земле-мореходцы побывали на всем Охотском побережье, от Амура до Пенжины, и на Колымско-Чукотском, от Колымы до Анадыра.

К исходу девяностых годов относится завоевание последней дальневосточной окраины — Камчатки (1697). Вторая половина следующего столетия знаменуется проникновением русских на тихоокеанские острова (Командорские, Алеутские и пр.) и в северо-западную Америку.

Это занятие — на протяжении семидесяти лет — одной из величайших стран света показывает исключительные способности русского народа и представляет небывалое в истории событие. Трудно в кратких словах оценить в полной мере его значение для дальнейших судеб России. Сошлемся лишь на следующие слова одного из отечественных историков прошлого века: с занятием Сибири

«исторической деятельности русского народа открылось новое великое поприще, явились новые неиссякаемые источники материальных средств, и еще неведомая образованному миру значительная часть азиатского материка выступила из мрака неизвестности. Сибирь стала частью всемирной культурной области, и это событие имеет такое же всемирно-историческое значение, как и открытие западноевропейскими народами новых земель в конце XV и в начале XVI в.» (Замысловский, 1882). Прибегая к такому же сопоставлению, один из крупнейших европейских географов указывает, что, в то время, как в Северной Америке европейцы после трех с половиною веков все еще не достигли окраины страны, — казакам понадобилось только полстолетия для преодоления пространства от Оби до Тихого океана (Peschel, 1865).

Возвращаясь к настоящей книге В. А. Самойлова, нужно отметить, что описание походов в Заленье (на Яну, Индигирку, Алазею, Колыму), а оттуда на Анадыр, Пенжину, Чукотку дано автором на широком историческом фоне Сибири в эпоху ее завоевания — от первого знакомства русских с Зауральем до середины XVII в. Автор вводит читателя в общеисторическую обстановку повествуемых им событий, показывает в доступной в историко-географическом отношении форме процесс постепенного проникновения русских на восток, разные направления этого движения, роль отдельных групп землеискателей в занятии Сибири, значение ее для Московской Руси и т. д. Все стороны устройства и жизни вновь приобретенной страны: административное управление, взимание ясака, снабжение и торговля, положение туземного и русского населения и пр. и пр. — нашли отражение в книге, и это помогает читателю понять должным образом эпоху.

На большом историческом материале рассказывается не только о походах, но и обо всей жизни Дежнева, которую удалось восстановить по источникам. Самые походы описаны не так односторонне, как это делают в нашей историче-

ской литературе. Показаны не только бои и объясачание туземцев «жесточью», а вся обыденная жизнь казаков, служилых и промышленных людей — и в походах, и в острожках, добрососедские отношения с замиренным населением...

Все это выгодно отличает работу В. А. Самойлова и от старой литературы историко-документального порядка, содержащей лишь отрывочные сведения о походах Дежнева, и от немногих имеющихся популярных изданий, ограничивающихся описанием наиболее выдающегося эпизода жизни Дежнева — плавания на Анадырь и умалчивающих о предыдущей и последующей жизни участников.

Работа справедливо уделяет много внимания тем людям, которым обязана наша родина приобретением грандиозных по размерам и природным богатствам территорий северной Азии. Со страниц книги встают изумительные образы русских людей XVI—XVII вв., потомков предприимчивых новгородских ушкуйников и поморов, выходцев из древних русских земель — Устюга Великого, Соли Вычегодской. Исключительное мужество, нечеловеческая выносливость и стойкость сочетались у них с горячей любовью к родине и редкой скромностью. Скупыми, без всякого бахвальства, словами рассказывают они в своих отписках, как приходилось им «многие годы всякую нужу и бедность терпеть, сосновую и лиственную кору есть и всякую скверну принимать». В самых тяжелых условиях, голодные и холодные, замерзая и помирая голодной смертью, израненные в боях, несли они десятками лет свои «дальние службишки», проявляя высокое сознание долга перед родиной и беспримерную ревность в искании государевой прибыли.

Все эти — действительно национальные — качества присущи были не единицам, не передовщикам и героям-одиночкам, а всей, в целом, массе этих ненасытных искателей новых земель.

Автор показывает убедительно, что сибирская история творилась не в недрах московских приказов, а потом и кровью, трудами и страданиями этих настоящих сынов

русского народа. Становится ясно, что только такими людьми и могла быть совершена поразившая мир эпопея присоединения Сибири

Землепроходцы были пионерами цивилизации в Сибири. Завоеватели и их потомки явились во многих местах и первыми засельщиками. С ними началось проникновение в далекие углы культуры великого русского народа. Появились лошади и рогатый скот, стали развиваться земледелие, промышленность, торговля. В глухие, чрезвычайно отсталые районы проникали новые формы производства, создавались новые типы хозяйства и быта. Примитивные племена, не вышедшие из стадии родовых отношений, начали воспринимать новую высшую культуру: узнали новые средства производства, увидели новое жилище, одежду, пищу...

И наконец, тем же русским — пионерам Сибири — отечественная, а за нею и европейская наука обязана первыми географическими и этнографическими сведениями о неведомой Татарии, первыми чертежами-картами страны.

Отсюда видно, что книга В. А. Самойлова послужит ценным вкладом в общедоступную литературу по отечественной истории, нужным и своевременным напоминанием о великом землепроходце XVII в., а вместе с ним и о других героях сибирской эпопеи. Сибирь — ее природные ресурсы и социалистическое хозяйство — сыграла выдающуюся роль в победоносной Отечественной войне 1941—1945 гг. Люди Сибири показали в этой войне образцы непревзойденного мужества, преемственного в русском народе с древних времен.

Несколько слов, в заключение, о недавно скончавшемся авторе книги.

Вячеслав Александрович Самойлов родился в 1889 г. в семье сельского учителя Владимирской губернии. Несмотря на тяжелое семейное положение и вечную нужду, ему удалось получить высшее образование в Московском техническом училище, Университете и Петровско-Разумовской

академии. Журналист в прошлом, он после революции был у себя на родине народным судьей, учителем, редактором местных газет и журналов. Большую долю своей жизни после Великой Социалистической революции В. А. отдал Дальнему Востоку, работая по поручению Краевого исполнительного комитета в различных областях культурного строительства. Его трудами созданы в Хабаровске краевая научная библиотека и краевой художественный музей, разработаны архивные материалы о производительных силах края, подготовлена монументальная «Библиография Дальневосточного края». Последние годы В. А. вернулся к литературной деятельности и сотрудничал в «Историческом журнале», «Нашей стране» и других изданиях. Занимался он преимущественно историей допетровской Руси. К этому же времени относятся и посмертные его работы «Семен Дежнев и его время», «Ямская гоньба в допетровской Руси» и «Афанасий Никитин» (повествование о замечательном русском путешественнике, посетившем Индию до Васко-де-Гама).

В годы Великой Отечественной войны В. А. отдался весь лекционной работе. Сотни прочитанных им лекций на темы о героическом прошлом русского народа всегда были насыщены горячей любовью к родине и глубоко волновали аудиторию.

Скончался он на своем скромном посту — через несколько часов после прочитанной лекции — в Шадринске Курганской области в мае 1943 г.

М. А. Сергеев

ГЛАВА I

СТРАНА СИБИРСКАЯ

В ЛЕТОПИСИ, составленной архиепископским дьяком Саввой Есиповым в 1636 году, под названием «Сказание о сибирской стране» мы находим следующее красочное ее описание:

«Сия убо страна полунощная; стоит же от России царствующего града Москвы во многих расстояний, яко до трию тысящ поприщ суть. Межи сих же государств российского и сибирские страны земли — облежит Камень, превысочайший зело, яко досязати верхом и холмом до облак небесных... На сем же Камени растяху древие различное, кедри, лиственичие и прочая, в них же жительство имеют звериe различнии, овии подобнии на снедение человеком, овии на украшение и на одеяние ризное... Многия же и сладкопеснивыя птицы, паче же много различныя травныя цветы. Из сего же Камени реки многия истекоша, овии поидоша к российскому царству, овии же в сибирскую землю... и бысть реки пространны и прекрасны зело, в них же воды сладчайшия и рыбы различ-

ныя множество... И на исходищах же сих дебрь плодовита на жатву и скотопитательная места пространна зело» (№ 19, Приложение стр. 2—4) [1].

Далека была эта «страна полунощная»! Почти три тысячи верст отделяли ее от царствующего града Москвы. Но эту страну давно знали русские и давно начали пробираться туда. «Можно назвать детски наивным то представление, что Сибирь открыли Строгановы», — пишет С. Ф. Платонов (№ 31, стр. 72).

Еще за четыреста лет до Ермака новгородцы начали осваивать Север. Они ходили за Камень, то есть за Уральские горы, на великую реку Обь. Правда, угрюмы были земли по нижнему и среднему течению реки Оби. Не похожа была Югра, или Югорская земля, на места со «сладкопеснивыми птицами, многоразличными травными цветами», где «дебрь плодовита на жатву». Не это манило новгородцев.

Еще в глубокой древности на Руси был известен рассказ «О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных» (№ 37, стр. 3—6). В нем передавалось много чудес о сибирских «человецех, самоедь зовомых». «Сии ж людие не великии возрастом (то есть ростом. — *В. С.*) плосковиды, носы малы, но резвы велми и стрелцы скоры и горазди». Говорилось, что «линная самоедь» — летом живут в море, на земле им жить нельзя — тело трескается. Есть «самоедь» — у ней рты вверху на темени, еду крошеную кладут под шапку «и как почнут ясти, и они плечима движуть вверх и вниз». В другом описании мы читаем о самоеди «в пошлину (наполовину — *В. С.*) аки человеци, но без голов; рты у них меж плечима, а очи в грудех... А не говорят. А стрельба ж у них такова: трубка железна в руце, а в другой руце стрелка железна, да стрелку ту вкладывает в трубку да бьет молотком в трубку ту».

Передавали, наконец, о существовании в Сибири людей, живущих в подземных городах. Их никто не видел, только слышали шум их подземной работы.

Путь к этим «человецем» был страшен. В летописной записи, относящейся ко времени первого знакомства русских с Уралом, говорится:

«Суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небеса».

Правда, местные жители сообщали, что в этих горах

---

[1] Здесь и всюду дальше в круглых скобках ссылки на литературные источники, список которых дан в конце книги.

есть проход, но он «непроходим пропастьми, снегом и лесом». Зато у этих «человецех незнаемых» была масса драгоценных мехов: «платье носят соболие... а товар их соболи». Наконец, в верховьях реки Оби, в стране, именуемой Балд, даже «ядят мясо соболи; а иного у них звери никоторого нет, опроче соболиа. А носят платие соболие и рукавицы и ноговицы, а иного платиа у них нет, ни товару никоторого». Говорили, что соболи «черны велми и великы; шерсть жива соболи по земли ся волочит».

Вот в эти — пусть угрюмые и страшные, но богатые — земли, где жители носят собольи рукавицы, и стремились, начиная с XI столетия, храбрые новогородские ушкуйники.

Из кратких летописных записей мы видим, как предприимчивые новгородцы, освоив север старой Руси, начинали подбираться к Уральским горам.

В 1032 году новгородцы под начальством Улеба ходили к Железным воротам, видимо к какому-то из проходов через Уральские горы.

В 1079 году погиб на Северном Урале новгородский князь Глеб Святославович (№ 20, стр. 3). Это еще не были походы в Югру, за Камень, а лишь первые попытки проникновения за Урал, поиск путей в Сибирскую землю.

В летописях не сказано, когда и каким путем прошли новгородцы в Югорскую землю, какие вели там битвы. Известно, однако, что во второй половине XII столетия новгородцы уже ходят в Югру за данью.

В 1167 году в Югру за сбором дани отправился Даньслав Лазутиниц с дружиной. В 1187 году в Югре снова появляются сборщики (№ 20, стр. 14 и 19).

В 1193 году новгородцы предприняли большой поход в Югорскую землю, окончившийся для них печально. Под начальством воеводы Ядрея (Андрея) туда отправился большой отряд. Обираемая Югра возмутилась. Свыше ста новгородцев было убито. Оставшиеся восемьдесят человек прорвались с боем, восемь месяцев шли они назад и еле добрели до родного города, отощав от холода, голода и лишений. Почти целый год не было в Новгороде никаких известий об этом отряде, летописец замечает: «печяловахуся в Новгороде князь (Ярослав Мудрый — *В. С.*), и владыка, и весь Новгород» (№ 20, стр. 21—22).

После этого печального происшествия долго нет никаких известий о походах в Югру. Но это совсем не значило, что новгородцы отказались от них. Несомненно, походы в

Югру продолжались, но они не сопровождались какими-либо выдающимися событиями, и потому летописцы умалчивали о них, как о привычных делах.

Новгородцы издавна считали Югорскую землю своей. Об этом говорят договорные грамоты «Господина Великого Новгорода» как с русскими князьями, так и с польским королем Казимиром IV. И в договорной грамоте 1265 года с великим тверским князем Ярославом Ярославичем, и в ряде других договорных грамот вплоть до 1471 года новгородцы упоминают Югру в числе новгородских волостей (№ 29, стр. 440—443).

В XIV столетии снова мелькают в летописях известия о походах новгородцев за данью в Югру. Один поход состоялся в 1323 году, второй в 1329 году. В 1357 году вместе со всей своей дружиной в Югорской земле гибнет Самсон Колыванов. Видимо, чтобы отомстить за эту неудачу, в 1364 году в Югру направляется большой отряд под командой двух воевод: Александра Абакуновича и Степана Ляпы. Поход закончился удачно. В летописи за этот год мы находим сообщение о возвращении из Югры боярских детей и другой молодежи, которые страху нагнали на всю землю, так как одна часть отряда «воеваша по Оби реке до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша». Перехватить победителей, возвращавшихся с большой добычей, хотели двиняне, но и тут повезло новгородцам — они наголову разбили двинян (№ 21, стр. 64—65).

В XV столетии упоминается только один поход новгородцев в Югорскую землю. В 1446 году два новгородских воеводы — Василий Шенкурский и Михайло Яковлев собрали громадный отряд, почти целую рать в три тысячи человек, и направились в Югру (№ 21, стр. 124). Для чего был собран отряд, чем кончился этот грандиозный поход, осталось неизвестным. Поход 1446 года — последний новгородский поход в Югру.

Во второй половине XV столетия инициатива проникновения в Сибирскую землю переходит к московскому князю.

Своими походами в Югру новгородцы добились очень малого. Считая Югорскую землю своей, они, однако, не завоевали там прочной власти. Во всех других новгородских волостях были правители, присланные из Новгорода. Ни в одном из источников за двести с лишним лет нет упоминания о каких бы то ни было «мужах новгородских» на

Югре. Все сведения, как мы видим, говорят лишь о походах за данью.

Дань была не установлена, не определена, и сборщики захватывали все, что могли. По существу, это был ничем не прикрытый грабеж, сопровождавшийся кровавыми расправами с местным населением. Югричи — ханты (остяки) и мансы (вогулы) не оставались в долгу и не раз уничтожали новгородские отряды. Таким образом, называя Югорскую землю своей волостью, новгородцы указывали этим только на свое право предпринимать туда походы для сбора дани.

В 1478 году Господин Великий Новгород окончательно пал. «Вечью колоколу во отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а господарство нам свое держати», — заявил Иван III, и Новгород со всеми своими волостями стал вотчиной московских князей.

Однако еще до формального присоединения новгородских земель, Москвой был организован поход в Югру для вытеснения оттуда новгородцев. Иван III не посылал за Урал своих воевод. Он использовал частную инициативу.

Архангелогородский летописец сообщает:

«Лета 6973 велел князь великий Иван Васильевич Василью Скрябе Устюжанину Югорьскую землю воевати, а шли с ним хотячие люди...» (№ 30, стр. 252).

В мае 1460 года Скряба из Устюга Великого вместе с охочими людьми направился за Камень. Поход был удачный. «Они же шедше, да Югорскую землю воевали, и полону много вывели, и землю за великого князя привели». Любопытно, что, кроме обычного полону, приведены были в Москву пленными два князя югорских — Калпак и Течик.

Иван III их «пожаловал Югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую, а Скрябу пожаловал». Видимо, уже тогда Москва решила присоединить Югру к своим владениям.

Но остяки отнюдь не были тронуты великокняжеской милостью. Они не собирались считать себя даньщиками Москвы. Да и Москве пока что было не до них.

Шла еще борьба за Новгород. Только в 1480 году было окончательно свергнуто татарское иго. Вот тогда Иван III снова вспомнил о Югре. 9 мая 1483 года, по велению великого князя, московские воеводы князь Федор Курбский-Черный и Иван Салтык-Травин с большим отрядом устюжан, вологжан, вычегжан, сысолечей и пермяков пошли на Югру.

Первое сражение произошло с вогулами. При устье реки

Пелыма вогулы были наголову разбиты. Русские потеряли в сражении семь человек, а «вогуличь, — по словам летописи, — паде много» (№ 30, стр. 253).

От устья реки Пелыма русская рать спустилась вниз по течению Тавды до Иртыша, миновала места, где ныне расположена Тюмень, и пошла вниз по течению Иртыша до впадения его в Обь. Так была достигнута Югорская земля. «...воевали идучи, добра и полону взяли много» (№ 30, стр. 254).

Придя в Югру, воеводы захватили в плен несколько югорских князей, в том числе главного князя Югорской земли Молдана. Потери русских были незначительны, но многие умерли от неизвестной болезни.

Поход продолжался пять месяцев, и в сентябре 1483 года победители с большой добычей и пленными возвратились домой.

На жителей северо-западной Азии этот поход произвел громадное впечатление. Не только многие югорские и вогульские князья, даже один татарский князь поспешили изъявить свою покорность Москве

В 1484 году прибыло в Москву посольство от кондинских князей и всей земли Югорской с богатыми дарами. Оно било челом об освобождении главного югорского князя Молдана. Верный своей политике, Иван III отпустил Молдана и других захваченных в плен князей. Однако все они были приведены в подданство великому князю Московскому и обязались платить дань.

И на этот раз отпущенные югорские князья быстро забыли о своем подданстве московскому великому князю. Решено было снова напомнить им об этом. В 1499 году устраивается грандиозный поход за Урал. Воеводами были назначены князья Семен Курбский и Петр Ушатый и Василий Гаврилов (Заболоцкий-Бражник).

Войска собрались на Печоре и здесь «осеновали» (провели осень). По первопутку двинулись к Уралу. От Печоры до Камня шли две недели. «Щелью» — так образно назван один из лучших перевалов, открывающий путь с Печоры на Обь к «Ляпину городку», — участники похода перевалили через Уральские горы. Отбиваясь от нападений «каменных» (живущих в горах) самоедов, спустились в долину Оби. Ратные люди ехали на собаках, а воеводы — на оленях.

Перебравшись через Урал, войско разделилось на две части. Одна, большая, под командой Курбского и Ушатого

направилась на север, к низовьям Оби, вторая под командой Гаврилова — вверх по течению. Они опустошили страну — взяли более сорока поселений, захватили в плен около пятидесяти туземных князьков. Затем обе рати соединились «и пришли к Москве на велик день (пасха 1500 года — *В. С.*) к государю, все дал бог здорово» (№ 4, стр. 248).

Вскоре после этого похода Московский князь к многочисленным своим титулам присоединил наименование Югорского, а с разделением Югры на две области—Кондинского и Обдорского. Но одно дело титул, вычурно написанный золотом и киноварью на пергаменте, другое — настоящее владение. Московская политика по отношению к Югре если и была шагом вперед по сравнению с новгородской, все же шаг этот очень незначителен. И это несмотря на то, что москвичи пытались установить более ясные взаимоотношения с Югрой, заставить остяков и вогулов признать себя подданными. Эти попытки долгое время попытками и оставались. Так же как и Новгород, Москва не вводила своего управления на Югре и интересовалась ею лишь от случая к случаю. Местные князья оставались вполне самостоятельными, и верность этих новых подданных Москве обеспечивалась только их клятвой, даваемой перед отпуском из плена. Присоединяя Югорскую землю к своим владениям, правительство Ивана III по существу ограничилось теми же военными походами.

После похода 1499—1500 годов сведения о попытках русских проникнуть за Камень отсутствуют целых восемьдесят лет. Не сохранилось и известий о сношениях Московского князя с Югрой в последующие 40—45 лет. Однако после падения в 1522 году Казанского ханства освободился Волжско-Камский путь за Камень. На берега Камы хлынула волна поселенцев, и русские почти вплотную подошли к Уралу.

В середине XVI столетия между Камой и Уралом поселились богатые сольвычегодские промышленники и смелые предприниматели Строгановы. Они поднимались все выше и выше по Каме. Правительство предоставило им льготы: освободило поселенцев на некоторый срок от государственных податей, предоставило Строгановым право вести суд над населением. Так образовался свободный рынок на перепутье между Европой и Азией, возникло своеобразное «частновладельческое государство», почти независимое от центра и всецело подвластное «именитым людям» Строгановым.

Строгановы занимались не только добычей соли, — не последнее место в их хозяйственной деятельности занимала пушнина, которой была так богата Сибирь.

В 1574 году Строгановы официально испросили у правительства разрешение «беспенно» посылать войска «на сибирского салтана», собирая для этого охочих и своих людей. Был выдуман и предлог: воевать Строгановы будут не для своих прибытков, а чтобы «сибирским людям обиды своя мстити». Иван IV внял просьбе и государевой грамотой пожаловал Строгановых, чтобы им в Сибирской стране за Югорским камнем «на Тахчеях и на Тоболе реке... на Иртыше, и на Оби, и на иных реках, где пригодится... крепости им поделати... и около крепостей... и у рыбных ловель и у пашен... дворы ставити...» (№ 19, стр. 60—61).

Строгановы не сразу использовали свое право. Лишь в 1581 году начался знаменитый поход Ермака. В поход с Ермаком пошли казаки и крепостные люди Строгановых. Строгановы хорошо снабдили рать «из своих пожитков». Дали ружья, свинец, порох, несколько небольших пушек, «одеяние ратное» — шлемы, кольчуги, брони, — продовольствие, все средства передвижения. Для экспедиции были подготовлены проводники и даже «толмачи бусурманского языка».

Поход Ермака не имел целью завоевание Сибирского царства, могущество которого в то время было в представлении русских преувеличено. Скорее всего этот поход был предпринят с грабительскими целями — взять ясак и вернуться с добычей.

Однако Сибирское царство, где ханом в то время был Кучум, неожиданно распалось от первого удара небольшой кучки храбрых казаков, вооруженных невиданным для сибирских туземцев огнестрельным оружием. После первых неудач подвластные татарам остяки и вогулы покинули Кучума и принесли победителям ясак. Им было безразлично, кому платить дань — сибирскому ли хану или пришлым завоевателям. Вскоре стали отпадать от Кучума и татарские вассалы — мурзы и баи, правители полузависимых татарских княжеств. После поражения под Чувашевым Кучум бросил свою столицу Кашлык и убежал в Барабинскую степь. Казаки заняли покинутый жителями город.

Так совершенно неожиданно экспедиция, снаряженная Строгановыми, закончилась полным разгромом Сибирского царства, и из случайного военного набега поход Ермака

Город Мангазея на реке Енисее.

Из „Чертежной книги Сибири 1701-го года“, С. Ремезова.

Город Мангазея.

Макет из экспозиции музея Арктики в Ленинграде.

68213

превратился в предприятие огромного государственного значения.

И Ермаку, и Строгановым была ясна невозможность удержать завоеванные земли своими силами. Заняв Кашлык, Ермак поклонился Сибирским царством Ивану IV, прося у него помощи и поддержки. Царь милостиво принял поклонные земли «под свою высокую государеву руку», и «Новая Сибирская земля» была включена в Русское государство.

Первые шаги по закреплению новой земли были неудачны. Попавший в засаду, Ермак погиб. От цынги вымер почти весь отряд Болховского, посланный на помощь Ермаку. Стало ясно, что для удержания сибирских завоеваний нужны более широкие действия.

Прежде всего следовало закрепить путь, связывающий Сибирь с Московской Русью. Во всех наиболее важных местах начали строить остроги — крепости: «для береженья». Они должны были стать опорными пунктами для дальнейшего движения на восток. Результат такой политики сказался очень быстро: через 20—25 лет русские прочно утвердились в Западной Сибири. Захвачена была, правда с большими трудностями и потерями, и баснословная Мангазея (местность по Тазовской губе и реке Таз) с ее громадными пушными богатствами, которая давно уже была открыта смелыми поморами, промышлявшими там драгоценные меха.

ГЛАВА II

ПОХОДЫ ..ВСТРЕЧ СОЛНЦА..

Покорением бассейна средней и нижней Оби заканчивается первый период русской колонизации Сибири. В этот период руководство завоеваниями почти всецело находилось в руках центральных правительственных органов. Общий замысел и отдельные задачи — все вырабатывалось в Москве. Оттуда на места шли тщательно разработанные инструкции. Из дошедших до нас наказов воеводам видно, как предусматривались все детали намечавшейся кампании. Как правило, диктовался план каждого похода.

Долго так не могло продолжаться. Опека центра становилась невозможной. При отдаленности Сибирской земли, крайней трудности связи, полном бездорожье, центр практически был лишен возможности направлять деятельность своих сибирских воевод. Вместо детальнейших наказов теперь из Москвы идут стереотипные предписания о необходимости

— 17 —

«радеть о государевом деле» и поступать «смотря по тамошнему делу». Организованное наступление сменяется беспорядочным, порой случайным, но безудержным, могучим стремлением русских на восток.

С самого начала XVII столетия начались эти «походы встреч солнца». С какой-то сказочной быстротой русские доходят от Урала до Великого океана. Ермак двинулся за Камень в 1581 году, а в 1639 году томские казаки из отряда Дмитрия Копылова под началом Ивана Московитина уже рубили зимовье в устье реки Ульи на берегу Охотского моря. За неполных шестьдесят лет были преодолены тысячи верст.

Эти тысячи верст были пройдены с боями против «не мирных народцев», пройдены теми, кто были «холодны, голодны, наги и босы». Ни дикие просторы непроходимой тайги, ни широкие многоводные реки, ни цепи горных хребтов, где никогда не ступала нога человека, — ничто не в силах было остановить этого великого и стремительного расселения русских людей по просторам Сибирской земли.

В результате походов «встреч солнца» русские подвели под высокую государеву руку Московского царя земли от «Студеного моря» до китайских рубежей — территорию, в несколько раз превышающую территорию Европы со всеми ее государствами.

В десятых годах XVII столетия русские появляются на Енисее. Они проникают туда двумя путями: южным — притоком Оби — Кетью, и северным — через Мангазею.

В 1619 году на Енисее заложен Енисейский острог, через несколько лет — Красноярск.

Движение русских на юг было остановлено сопротивлением монголов. Но движение на восток продолжалось. Продвигаясь по Ангаре (Верхней Тунгузке), русские строят в 1630 году Илимский острог, послуживший позднее одной из важнейших исходных точек для открытия пути на Лену. В 1631 году основан в верховьях Ангары Братский острог. Острог уничтожают буряты, но русские в 1636 году снова его отстраивают.

Из Мангазеи русские пробрались на Енисей еще за несколько лет до основания Енисейска. В начале XVII столетия на реке Турухане, притоке Енисея, возникает небольшой населенный пункт — Туруханск, который впоследствии стал резиденцией мангазейского воеводы.

Из Туруханска служивые и промышленные люди разбрелись за пушниной и ясаком вниз и вверх по Енисею. Они

проникли к правым притокам Енисея и Нижней Тунгузки, перевалили на Вилюй, добрались до «великой реки Лены». Для защиты русских людей от «сыроедов» снаряжаются военные экспедиции на Нижнюю Тунгузку и Лену. Одна такая экспедиция состоялась в 1629 году, вторая в 1633 году.

Основываясь на сообщениях экспедиций и рассказах тунгусов, мангазейский воевода Андрей Паладвен по возвращении в Москву представил проект завоевания Лены. К проекту он приложил описание и чертеж пути и обещал распространить русские владения «до восток солнечных, до переходу великого царя Александра и до превысокого холма Каракура», туда, где «обитают люди единоногие и единорукие» (№ 2. стр. 35).

Завоевание Лены началось с разведки десятника Василия Бугра. В 1630 году атаман Иван Галкин с тридцатью казаками построил в верховьях Илима, у начала Ленского волока (с реки Илима на приток Лены — реку Куту), Илимский острог. Оставшись с 24 казаками в остроге, Галкин послал на Лену Ермолина с пятью казаками для разведки. В 1631 году Галкин сам пошел по реке Куте и при ее впадении в Лену заложил Усть-Кутский острог. Сменивший его сотник Петр Бекетов, закончив постройку Усть-Кутского острога, спустился по Лене и в 1632 году заложил Якутский острог. Затем против устья Олекмы (выше Якутска) енисейские казаки построили Олекминский острог, а по нижнему течению Лены — Жиганский.

Обследовали енисейские казаки и притоки Лены. Велико было их неудовольствие, когда на реке Вилюе они встретились с мангазейцами, уже выстроившими там острожек. Между двумя русскими отрядами сразу начались крупные ссоры, доходившие до стычек. Никто не хотел делиться богатствами «великой реки Лены».

Слухи о богатствах «великой реки Лены» разнеслись по всей Сибири. Ее сравнивали с Мангазеей, некогда сказочно богатой мехами. «...та великая река Лена угодна и пространна, и людей по ней розных земель кочевных и сидячих и соболей ...много ...славнее и люднее тое реки нет... и будет та Лена река другая Мангазея», — с восхищением писали современники (№ 33, стр. 962 и 965).

Эти вести взволновали искателей легкой добычи даже в далеком Томске. В 1636 году из Томска на Лену был отправлен отряд под начальством Дмитрия Копылова. Несмот-

ря на протесты енисейских людей. Копылов пробрался на Алдан, поставил там зимовье и стал обирать туземцев. В 1639 году с частью своего отряда он поднялся вверх по реке Мая и ее притоку Юдоме, перевалил через горы и рекой Ульей спустился к Охотскому морю.

Первой из русских до моря, где «рождается солнце», дошла группа отряда Копылова во главе с Иваном Московитиным.

Ринулись на Лену и из других уголков Сибири. Во вновь открытом богатом крае столкнулись служилые люди большинства крупных сибирских городов. Эта встреча была совсем не дружеской. Между отдельными партиями промышленников и казаков, претендовавших на добычу, разыгрывались настоящие сражения.

«...меж себя у тех тобольских и у енисейских и у мангазейских служилых людей, для тое своей бездельные корысти, бывают бои, друг друга и промышленных людей, которые на той же реке Лене соболи промышляют, побивают до смерти, а новым ясачным людем чинят сумненье и тесноту и смуту». Так с возмущением характеризует взаимоотношения охотников за добычей одна царская грамота (№ 33, стр. 966—967). Эта «бездельная корысть» служилых людей и заставила Московское правительство изъять в 1638 году все вновь открытые земли из ведения сибирских воевод и учредить самостоятельное якутское воеводство, при этом енисейским, мангазейским, томским и другим служилым людям было запрещено ходить на Лену.

С образованием самостоятельного Якутского воеводства была создана прочная база для дальнейшего завоевания восточной Сибири. В сороковых годах XVII столетия ленские служилые люди вместе с енисейскими казаками вышли на берега «Святого моря» бурят — Байкала и, несмотря на отчаянное сопротивление «братских людей» (бурят), прочно обосновываются там.

В эти же годы знаменитый письменный голова Василий Поярков и не менее знаменитый прибыльщик Ерофей Хабаров проникли на Амур и завоевали его. Одна за другой открываются реки Восточной Сибири — Яна, Индигирка, Алазея, Колыма. В 1648 году русские доходят до самого северо-восточного конца Азии — Чукотки, а на рубеже нового века завоевывают Камчатку. В итоге к концу XVII столетия русские владения в Сибири достигли: на севере и на востоке Ледовитого и Тихого океанов, на юге окаймлялись Ябло-

новым и Становым хребтами, предгорьями Саян и Алтая, в верховьях Иртыша и Ишима — степями, населенными многочисленными воинственными кочевыми племенами, которые пока сдержали напор русских. Колоссальнейшая страна, сравнительно с которой Московское государство занимало незначительную территорию, стала московской колонией.

Огромную территорию Сибири населяли народности, находившиеся на различных ступенях развития.

В Восточной Сибири от Енисея до Охотского моря обитали племена эвенков или тунгусов, как их называли русские. Эвенки жили родовым строем. Между родами часто происходили кровавые столкновения. Эвенки вообще отличались большой воинственностью. Все соседи их боялись. Эвенки занимались охотой. Для перевозки имущества они пользовались одомашненными оленями. Некоторые племена, жившие по берегам Охотского моря, промышляли исключительно рыбной ловлей. Жили эвенки в разборных чумах, покрытых летом берестой, зимой шкурами. С железными изделиями, которые эвенки доставали у соседей, они познакомились еще до прихода русских, но изделий этих было у них очень мало.

По среднему течению «Великой реки Лены», от Олекмы до Вилюя жил многочисленный народ якутов (саха). Язык, на котором они говорили, принадлежал к группе тюркских. В культурном отношении якуты в XVII столетии стояли выше окружавших их народов. Они были скотоводами — разводили рогатый скот и лошадей. Охота в хозяйстве скотоводов играла второстепенную роль.

Жили якуты в деревянных избах и только летом, выезжая на пастбище, устраивали шалаши, покрытые берестой. Им было известно кузнечное и примитивное гончарное ремесло. Ножи и панцыри якутов ценились даже русскими. Родовой строй у якутов в этот период уже разложился. Во главе племен стояли тойоны — князья, владельцы больших стад. У тойонов были рабы — кулуты. В экономической зависимости от тойонов находились якуты бедняки, совершенно лишенные скота, и малообеспеченные скотоводы.

По «дальним рекам»—Яне, Индигирке, Алазее, Колыме — жили юкагиры (одулы), а еще дальше на северо-восток, на Чукотском полуострове и в соседних районах — чукчи (лоуроветланы), коряки (нымыланы), эскимосы, ламуты (эвены). Эти племена к моменту прихода русских не знали железа.

Оружие у них было из камня, рога и кости. Кое-где существовало примитивное гончарное производство.

Все дальше и дальше на восток гнала русских надежда захватить новые «угожие соболиные места», стремление добыть как можно больше дорогой «мягкой рухляди». За мехами с незапамятных времен ходили в Югру новгородцы, за мехами в более позднее время шли в далекую Мангазею смелые поморские мореходы и промышленники, за мехами кинулись толпы искателей приключений и добычи на Енисей и вновь открытую «великую реку Лену».

Получение «мягкой рухляди» было основной заботой и местных сибирских властей. «Ясак» — дань, взимаемая с туземцев мехами в натуре, «десятая пошлина» — отчисление в казну натурой десятой части добычи звероловов, — вот, в сущности, то, что привлекало в то время Московское государство в Сибирь. Ради драгоценной пушнины Москва захватывала все новые и новые земли, ради получения ее строились поселения, содержалась администрация, набирались войска, начиналось земледелие.

Из доклада Сибирского приказа видно, что вплоть до девяностых годов XVII столетия из Сибири поступало ежегодно «соболиной казны» в среднем на 80—110 тысяч рублей по московским ценам того времени. Приблизительно эту же сумму называют Токарев (100 тысяч рублей в 1647 году, 104 тысячи рублей в 1648 и 1691 годах) и Милюков (143 тысячи рублей в 1698 году). Основываются они на записях в книгах поступления пушнины из сибирских городов и острогов (№ 24, часть 2 или кн. 1, стр. 113; № 38, стр. 89; № 18, стр. 113) [1]. Громадная для того времени сумма «соболиной казны», поступавшей из Сибири, составляла восьмую часть всего окладного доходного бюджета и была весьма заметна в бюджете государства. В финансах XVII столетия меха играли роль современного золотого фонда. В случае недостатка золота и серебра мехами платили жалованье служилым людям. Меха шли на награды боярам, их посылали в качестве подарков иностранным «потентатам». На меха поку-

[1] Следует отметить, что Котошихин по памяти (он не утверждает, что совершенно точен) приводит гораздо более крупную сумму поступлений из Сибири: «чаят, — говорит он, — тое казны приходу в год больши штисот (шестисот) тысячь рублей». Едва ли такой деловой и знающий человек, как этот подъячий посольского приказа, мог сильно ошибаться. Встает вопрос, достоверны ли сметные списки, которыми пользуются исследователи?

пались заморские вина и сласти для царского стола, разноцветные кафтаны, которыми щеголяли при дворе, золото и драгоценные камни, наполнявшие царскую казну и приводившие в изумление иностранцев. Соболями и лисицами платил царь за молитвы о своем здоровье и за упокой предков.

Громадное значение фонда «мягкой рухляди» заключалось еще в том, что он давал возможность правительству сосредоточить в своих руках всю внешнюю торговлю мехами, ссужать московских купцов пушными товарами. Московское правительство и высшие слои купечества сделались наиболее крупными поставщиками мехов для всего мира.

С середины XVI столетия Московская Русь завязала непосредственные торговые связи с Западной Европой. Этому способствовало открытие англичанами морского пути в Россию и создание в 1585 году торгового порта в Архангельске. К неизменному спросу на меха Востока (Хивы, Бухары, Ширванского ханства, Персии) прибавился все возраставший спрос Запада. «А дорогие соболи... по всем землям в цене», — с удовлетворением говорили в Москве. По свидетельству Флетчера, бывшего в Москве в 1588—1589 годах, «купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и из разных христианских стран» вывозили мехов на 400 тысяч или 500 тысяч рублей, а Олеарий, посетивший Россию в 1634 и 1636 годах, указывает еще большую сумму. По его сведениям, были годы, когда русские купцы продавали за границу мехов более чем на миллион рублей — сумма совершенно баснословная, если принять во внимание ценность тогдашних денег (№ 15, стр. 297).

Московское правительство очень ревниво охраняло свое монопольное право эксплоатировать меховые богатства Сибири. Иностранные купцы не раз просили разрешения допустить их в Сибирь. Они всегда получали вежливый, но решительный отказ, мотивированный тем, что «русским людям изъян будет». Когда же московское правительство дозналось, что иностранные купцы все же пытаются проникнуть в Сибирь морским путем, оно под угрозой смертной казни потребовало от своих воевод охраны сибирских путей. По этому поводу был издан специальный указ, в котором говорится:

«Чтобы немецкие люди в Мангазею отнюдь дороги не проискивали, а будет кто с немецкими людьми ездити или в

Мангазею дорогу учнет указывати, и тем людям быти от нас в великой опале и в смертной казни».

ГЛАВА III

ЗЕМЛЕПРОХОДЦЫ

По мере продвижения на восток, русские «для береженья и охочим людям на опочив» строили укрепленные города — остроги. Первоначально эти остроги преследовали исключительно стратегические задачи. Часть из них строилась наспех и бросалась по миновании надобности, часть превращалась в постоянные военно-административные центры и поселения.

Почти все сибирские города выросли из укрепленных зимовий. Во вновь завоеванных областях сначала строилась где-нибудь «на угожем месте» небольшая крепостица, военный лагерь. Скоро в нем, кроме служилых людей — казаков, начинали селиться промышленники — звероловы и торговцы. Острожек становился центром часто громадной территории. Из экспедиций по сбору ясака сюда приходили отряды служилых людей. Сюда съезжались торговые люди. Сюда стремились звероловы-промышленники отдохнуть от своих скитаний по тайге, продать добытые меха, запастись нужными припасами. Из воеводского центра присылался в острожек «прикащик» — управляющий «новоприисканых землиц» и финансовый агент правительства — целовальник, на обязанности которого лежало взимание государственных пошлин.

Острожек рос, обстраивался, кругом его открывались новоприисканые землицы и подводились под высокую государеву руку. Его значение росло, он превращался в острог — центр воеводского управления. Приезжали назначенный из Москвы воевода и его заместитель. Приезжал дьяк, появлялись приказные, атаманы, палачи, попы и т. д.

Долго еще вновь созданный город сохранял вид военного лагеря на неприятельской земле. Он был окружен деревянным палисадником. На углах и над воротами строились деревянные башни, на которых на случай «шатости» (восстаний местных жителей) стояли пушки. Обычно такой город бывал очень невелик. В его деревянных стенах с трудом вмещались административные учреждения области: воеводский двор, съезжая изба, амбары для хранения хлебных запасов и соболиной казны, пороховые погреба, тюрьма, церковь, тесно сбитые в кучу дворы служилых людей.

Город Енисейск.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария", Амстердам, 1785 г. (N. Witsen. Noord en oost Tartarien: behelzende eene beschryving van verscheidene tartarsche en nabuurige gewesten, in den noorder en ooster-lykste deelen van Azien en Europa).

Город Якутск.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".

Жители Сибири.

Гравюра начала XVIII века. Собрание Государственного исторического музея в Москве.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".

Житель Тобольска.

Раскрашенная гравюра XVIII века. Собрание Государственного исторического музея в Москве.

С замирением области город обстраивался. Домишки появлялись за пределами стен, в посадах. Там селилось неслужилое население — торговцы, промышленники, ямщики, ремесленники и «пашенные люди».

Гарнизон в таком городе был невелик. Даже в столице Сибири, Тобольске, он насчитывал не больше двух тысяч человек. В одном из важнейших пунктов Восточной Сибири — Якутске, которому подчинялась громадная область площадью около пяти миллионов квадратных километров, гарнизон имел не больше шестисот человек. В других городах он был, конечно, меньше. Так, в Мангазее даже в период ее расцвета число служилых людей не превышало ста человек.

Вначале переводились в сибирские города гарнизоны из городов Европейской России. В дальнейшем они создавались путем набора добровольцев в русских городах и уездах. Главным источником пополнения служили все те же промышленные люди, зашедшие в Сибирь на промыслы.

Были среди служилых люди «в государевой опале», сосланные в Сибирь, и какая-то часть военнопленных — литовцев, «черкас» (украинцев). Попадались даже уроженцы Западной Европы. В окладных книгах среди служилых людей можно найти имена немцев, греков и даже «француженина из Брабанта». Впрочем, «француженин», видимо, был в Сибири не один, так как Ламартиньер, посетивший Березовский уезд в царствование Алексея Михайловича, необычайно удивился, услыхав французскую речь и увидав знакомого лотарингского дворянина. Но таких были, конечно, единицы. Основная масса служилых людей — казаков — была русской и, как мы увидим дальше, даже из определенных мест Московской Руси.

Служба казацкая в Сибири была очень тяжела. Не раз казаки жаловались: «таких служб нужных (от слова «нужа» — нужда) и жестоких во всей государевой отчине нет». Жаловались на малолюдство, дороговизну, недостаток продовольствия. «А едим то, — с обидой писали казаки, — чего на Руси и скотина не ест».

Вместе с тем казаки знали, что Сибирь покорили они, что они «землицы очищали своими головами и кровью», они наполняли царскую казну драгоценной «мягкой рухлядью» и, прося льгот, не раз напоминали, что при отказе как бы «не умалился сбор ясачной казны», «которая сбиралась нашей кровью и работою» (№ 24, часть III, стр. 117 и 119).

Однако силами немногочисленных казаков без помощи промышленных и торговых людей Сибирь никогда не была бы завоевана.

Вместе с новгородскими отрядами с незапамятных времен шли на восток промышленники. Добывая зверя, они добрались до Урала, перевалили через Камень в Югру и с каждым годом проникали все дальше и дальше на восток. При первом своем появлении в Березовском уезде московские воеводы уже нашли там промышленных людей. Особенно много промышленников кинулось в Сибирь после открытия богатой соболями Мангазеи. Даже в 1629 году, когда слава Мангазеи уже начала меркнуть, там все же побывало 928 промышленных людей.

Промышленники ходили туда северными проходами через Урал. Они выходили из Северной Двины в «большое море окиан» и «бежали парусом» в Карскую губу. Сюда впадала речка Мутная, которая на своих верховьях сближалась с речкой Зеленой, впадающей в Обскую губу. Перетащив лодки, промышленники спускались по Зеленой в Обскую губу, не огибая полуострова Ямал и шли дальше в Тазовскую губу, в Мангазею.

По своему происхождению эти промышленники были главным образом потомками славных новгородских ушкуйников, выходцами из русского Поморья. В Сибирь шли холмогорцы, мезенцы, онежане, живущие близ моря и по большим северным рекам. Еще в XVI столетии англичане встречали этих бесстрашных мореходов, из года в год ходивших на морские промыслы, открывших Новую Землю, не боявшихся пускаться в плавание на плоскодонных кустарных кочах по страшному «Студеному морю», «бежать парусами» на своих утлых суденышках на Обь-реку. При расспросах оказалось, что они великолепно знают берега Карского моря и не впервые идут в эти походы. Туда уже ходили их отцы, деды и прадеды.

Второе место среди промышленников занимали жители крупных центров торговли пушниной на Печерском пути — Устюга Великого и Соли Вычегодской с их уездами.

С освоением Сибири тяга на восток настолько усилилась, что от поморских воевод летят непрерывные жалобы. «Пахотные многие крестьяне, — читаем в одной из таких жалоб, — покиня свои тяглые жеребьи впусте выехали сибирских городов в уезды и ныне едут-же». В восьмидесятых

годах XVII столетия, чтобы хоть несколько приостановить это движение на восток, учреждаются «заставы крепкие». Но и это не помогло — царская грамота 1687 года снова с тревогой отмечает, что все-таки «из поморских городов бегут всяких чинов жители и уездные пашенные крестьяне в разные сибирские города». Это «бегство» принимает такие размеры, что, судя по жалобам поморских воевод, в конце концов «учинилась в Устюжском и Усольском уездах великая пустота».

Попадая в Сибирь, торговые и промышленные люди, особенно в дальних северо-восточных областях, по словам проф. Вернадского, «несут все обязанности служилых людей, так что иногда трудно установить грань между теми и другими» (№ 7, стр. 337).

При недостатке военных сил, даже походы, снаряжаемые администрацией, производились с участием промышленных людей. Обычно на покорение какого-нибудь «не мирного народа» отправлялись всего десяток служилых людей, к которым присоединялись довольно многочисленные промышленники, зверовавшие в округе, и торговые люди. Так собирались силы, которые распространяли власть Москвы на все новые и новые земли.

Впрочем, и сама администрация почти не делала разницы между служилым и промышленным человеком. В любой отписке о сражении воевода, перечисляя, кто из служилых людей отличился, кто ранен, обязательно отмечал и промышленных людей с теми же пометками: такой-то Офоня промышленный отличился — «мужика ихнево убил», такому-то не повезло — «ранен в брюхо», «в рожу»...

О совместной службе казаков и промышленных людей сохранилось много документов. Вот одна из отписок якутского воеводы Ивана Приклонского:

«...в прошлых же, государь, годех, отпусканы были из таможенной избы за море на Индигирку и на Алазейку и на Ковыму [1] реки многие промышленные люди для соболиных промыслов и торгов, и те, государь, промышленные люди на тех реках с служилыми людми на немирных иноземцов в походы ходили и под твою великого государя царскую высокую руку тех немирных иноземцов приводили вместе за одно» (№ 12, стр. 365).

В расспросных речах промышленников Енисейска записа-

[1] В актах XVII столетия реку Колыму обычно называли Ковымой.

но, что албазинский «прикащик» — управитель округа — послал «албазинских служилых людей Гришку Степанова сына Мылникова с товарищи, 20 человек, да с теми служилыми людьми отпустил он их промышленных волных людей 47 человек... для (ввиду — *В. С.*) малолюдства» (№ 13, стр. 80).

Из этого видно, что сибирская администрация использовала промышленных людей в походах так же, как и служилых.

При убыли служилых людей обычно на их место вербовали промышленников. В наказе якутскому воеводе Москва пишет в 1651 году:

«...а учнут бити челом на выбылых служилых людей место в службу промышленные ...люди, а в службу они пригодятца... а пронятца без них не мочно (сказано в смысле — без них не обойтись — *В. С.*) и тех... промышленных людей на выбылые выморочные места верстати...» (№ 10, стр. 311).

Воеводы так и поступали. Впрочем, иного выбора у них и не было — или «верстай» на службу промышленного человека, или оставляй места пустыми, — в людях ощущался острый недостаток. Якутский воевода пишет своему приказному Тарасову, чтобы тот, приехав на Индигирку и на Алазейку, и на Ковыму реки велел «прибрать из промышленных вольных людей на ту великого государя службу на Пенжину и на Омолон реки, сколко человек сберетца» (№ 12, стр. 139). Так происходила, по приказу воеводы, своеобразная мобилизация «на ту великого государя службу». Бывало и так, что в разгар отчаянных схваток с неприятелем кто-нибудь из промышленников заступал место убитого служилого человека. Тогда подавалась краткая справка: «Петрушка Соболев зарезан, в его место промышленой человек Васка Пархачов».

Были промышленники, промышлявшие на свой риск и страх, — «своеужинники» [1], были и «покрученники», не имевшие ни собственного снаряжения, ни продовольствия. Они «крутились» — нанимались (отсюда и слово «покрученник» — нанятый) на промыслы к богатым предпринимателям — купцам больших городов, торговавшим пушниной. Из таких покрученников приказчики торговых людей сбивали большие «ватаги», от пятнадцати до тридцати человек в каждой, и под руководством опытного «передовщика» посылали на про-

[1] «Ужина» — охотничье снаряжение, «своеужинник» — промышленник с собственным охотничьим снаряжением.

мыслы «в сторонние реки». Эти экспедиции промышленных людей много способствовали открытию и завоеванию Сибири. Предприниматель снабжал своего «покрученника» соболиной снастью, вооружением, одеждой, средствами передвижения, получая за это две трети добычи. Бедному «покрученнику», на долю которого выпадали все тяготы в борьбе с негостеприимной природой, оставалась лишь одна треть.

Но в этих еще не вполне покоренных землях промышленника ждали не только тяготы в борьбе с негостеприимной природой и многочисленные лишения. Часто занимаясь звероловством, они теряли свои головы. До нас дошел очень интересный рассказ промышленного человека Федьки Недострела о его злоключениях на промысле.

«...в нынешнем, во 184 (1675 — *В. С.*) году, — начинает свой рассказ Недострел, — осенью с Чичюйского волоку плыли на соболиной промысел по Лене реке он Федка с промышленным человеком с Васкою Коретиным, сам-друг, на плоте, и де они пришли в старое промышленное зимовье».

В зимовье они прожили два дня, а на третий, рано утром, явились к ним незваные гости — шесть вооруженных якутов. Памятуя стародавний обычай гостеприимства, промышленные люди предложили якутам угощение и дали им два каравая хлеба и вареной рыбы. Но гости пришли совсем не для угощения. Плюнув на хлеб, они бросились неожиданно на хозяев и связали их, причем для верности привязали Федьку к столбу.

Начался грабеж, все имущество вынесли из избы. Взломали даже пол. Один из якутов развязал шелковый пояс Федьки, на котором висел нож, ударил хозяина в правое плечо, потом в грудь.

Раненому Федьке удалось развязать зубами узлы. Он схватил с шестка печи нож, которым очищал от теста кашни, бросился и «боясь де смерти, учал тем ножем тех якутов резать».

Раненый с ножом, видимо, был так страшен, что «якуты побежали из зимовья все». Не рискуя подступиться к вооруженному «отскребышем» Недострелу, якуты «приперли» зимовье и подожгли его. Васька погиб под обрушившейся горящей крышей, а Федьке удалось выскочить в одной обгорелой рубахе. Выбравшись, он бросился бежать вниз к реке, за ним кинулись в погоню трое якутов с луками. Опере-

див преследователей, Федька прыгнул в лодку и успел оттолкнуться от берега. Один из преследователей выстрелил и ранил его железной стрелой под левую пазуху, так что «он де Федка, от той раны упал в лодку и в той-де лодке его Федку стреляли и ранили в ногу трижды, и он, Федька, от тех ран обмер».

Видимо, лодку отнесло от берега настолько, что стрелы уже не долетали, и понесло вниз по течению. Мы не знаем, как долго продолжалось его плавание, прежде чем «промышленные де люди, которые сидели пониже их в особном зимовье, увидя его Федку, переняли и взяли его Федку и в зимовье принесли» (№ 12, стр. 29 и 30).

Всех этих служилых и промышленных людей роднит одна черта. В Сибирь шли люди наиболее энергичные и предприимчивые, которым на родине было тесно от гнета приказного московского строя, которые хотели добиться для себя чего-то лучшего — подвигом ли или преступлением... В тяжелых сибирских условиях, «от великих тягот и нужи (нужды) великой», когда людям приходилось голодать неделями, слабые гибли, оставались и жили только богатыри, которые, по красочному выражению проф. Бахрушина, «поражают нас и своей беспечной удалью и нечеловеческой выносливостью и вместе с тем алчностью к добыче и хладнокровной жестокостью (№ 2, стр. 76—77). Только одно может служить им некоторым оправданием: если они никого не жалели, то не жалели и своих голов. Много их сложено в этих походах «встреч солнца».

Это были прирождённые бродяги, наделенные ненасытной жаждой передвижения на новые и новые места, в поисках «неведомых землиц», готовые итти хоть на край света. Через века смотрит на нас удивительный образ русского землепроходца — служилого человека, казака и промышленника, сурового, беспощадного, но и бесконечно выносливого, стойкого, отважного, не останавливающегося ни перед бескрайными сибирскими пространствами, ни перед негостеприимной природой, ни перед тысячью неизвестных, но неизбежных опасностей в этих страшных, но увлекательных «дальних службишках», при встречах с воинственными туземцами. Эти-то черты землепроходцев и объясняют нам, почему, несмотря на малочисленность, им удалось в сравнительно небольшой период времени, с ничтожными материальными средствами «заполонить целую Сибирь», пройти и закрепить

после упорной борьбы за Москвой громаднейшие пространства земли от Урала до Великого океана.

ГЛАВА II

АНИАНСКИЙ ПРОЛИВ

Много славных имен среди сибирских землепроходцев. Недаром в одной сибирской истории мы находим такие строки:

«Греция, Рим, Старый и Новый Свет могут хвалиться ироями своими, сколько хотят; я не знаю отважились ли бы они на то, что сибирские наши ирои Буза, Перфирьев, Бекетов, Нагиба, Хабаров, Степанов и многие еще другие действительно учинили; осмелились ли бы они с малым числом людей напасть на толь сильных народов, каковы были калмаки, монгалы, манжуры и китайцы; и удалось ли бы им покорить чрез осмьдесят лет не только осмую часть земли, да при том еще неудобнейшую и опаснейшую между всеми частями, где голод и стужа вечное свое имеют жилище, но и утвердить за собою» (№ 40, стр. 630—631).

И, пожалуй, одной из наиболее интересных фигур среди земплепроходцев является Семен Дежнев, открывший пролив между Азией и Америкой.

Вопрос о существовании пролива между двумя континентами волновал европейских географов и ученых давно, чуть ли не с самого открытия Америки. «Соединяется ли Азия к Северо-востоку с Америкою или нет? — важной всегда был вопрос, между описателями земноводного нашего шара. С одной стороны казалось, что по изображенному на разных географических и морских картах Анианскому проливу никакого соединения быть не должно; с другой стороны, принято и то в рассуждение, что никто не мог показать с достоверностью, когда и кем оной пролив найден», — писал в середине XVIII столетия знаменитый русский историк Герард Миллер (№ 17, стр. 3).

На старых картах (например, карта мира Гастольди, 1550 года) Северная Америка вплотную соединена с Азией. Однако уже в 1562 г. впервые появляется пролив между Америкой и Азией. Есть он и на знаменитой карте Меркатора 1569 года и на карте «Тартарии» Абрагама Ортелия 1570 года, есть и в популярном атласе Гондия 1606 г. и на карте Северной Америки Зальтиери 1566 года, причем на

всех этих картах у пролива имеется даже название: Stretto di Anian — Анианский пролив.

Но никаких достоверных сведений у западных географов о существовании пролива между Азиатским и Американским материками не было. До сих пор остается загадкой появление этого пролива на картах: то ли сыграли свою роль слухи, передаваемые сибирскими землепроходцами (нужно сказать, что на многих европейских картах очертания северных берегов Азии основывались исключительно на русских данных, которые добывались всякими путями), то ли сказалось желание географов, чтобы этог пролив существовал.

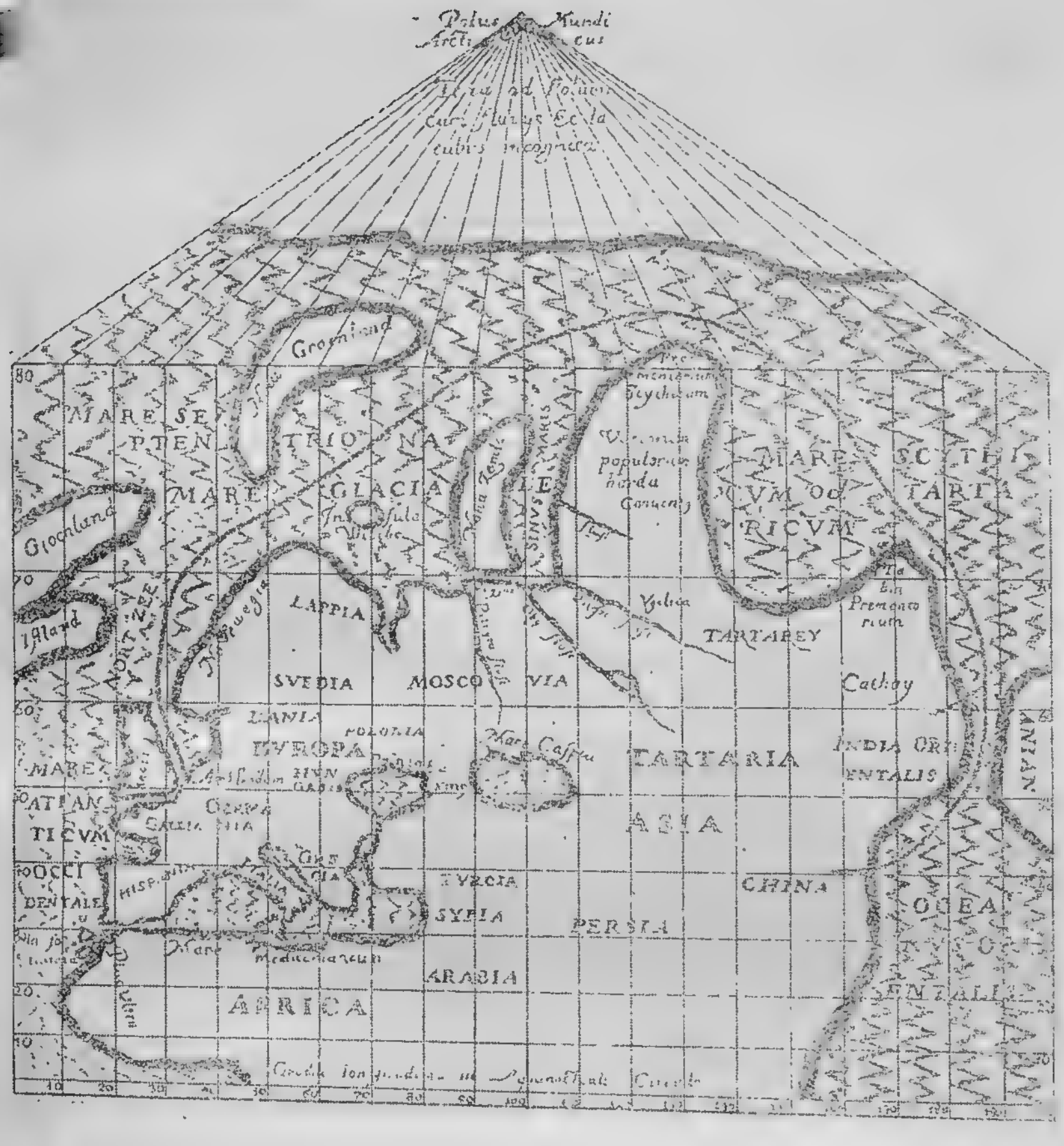
Следует напомнить, что еще в конце XV столетия знаменитый португальский адмирал Васко-де-Гама открыл морской путь в богатую Индию. Конечно, по сравнению с сухопутным морской путь явился громадным облегчением, хотя переход кругом Африки двумя океанами на утлых корабликах того времени был страшен. Немало их, разбитых бурей или прибрежными скалами, пошло на дно. О размерах Азии тогда не имели никакого представления. Начали рыться в старой географической литературе, и, натолкнувшись у Марко Поло (вера в географические откровения храброго венецианца тогда уже сильно поколебалась) на подходящее место, географы второй половины XVI столетия начертили между Азией и Америкой Анианский пролив (№ 5, стр. 80—85).

Добросовестные ученые не уверяли, что им доподлинно известно существование Анианского пролива. Они только предполагали, что такой пролив должен существовать. Географическая загадка, так и оставалась загадкой, несмотря на все надписи, постоянно встречавшиеся на географических картах.

Заинтересовался Анианским проливом и наш неугомонный Петр Великий. Впрочем, интерес Петра к Тихому океану, Дальнему Востоку и Америке возник давно, еще во время каспийских описей. Занятый войной с Швецией, он не мог уделить много внимания разведке Дальнего Востока и занялся этим лишь незадолго до смерти.

В воспоминаниях А. К. Нартова — знаменитого изобретателя-самоучки, состоявшего при Петре учителем токарного искусства и механиком, — читаем:

«В начале генваря 1725 года, в самый тот месяц, когда



Ранняя карта северо-восточного прохода.
Из книги Е. Реслина, 1611 г.

судьбою всевышнего определен был конец жития Петра Великого и когда уже его величество чувствовал в теле своем болезненные припадки, все еще неутомимый дух его трудился о пользе и славе отечества своего — ибо сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая долженствовала проведывать и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкой, отдал оный наказ генерал-адмиралу Апрак-

сину, назначив сам к сему испытанию флотского капитана Витуса Беринга, а в помощь к нему Мартына Шпангенберга и Алексея Чирикова.

Я, будучи тогда беспрестанно при государе, видел самим своими глазами то, как его величество спешил сочинять наставление такого важного предприятия, и будто бы предвидел скорую кончину свою, и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Призванному к себе генерал-адмиралу, вручив, говорил следующее:

«Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно и что другие дела предприять мешали, то есть, о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. На сей морской карте проложенной путь, называемый Аниан, проложен не напрасно. В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностию от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских? О сем то написал инструкцию; распоряжение же сего поручаю, Федор Матвеевич, за болезнию моею, твоему попечению, дабы по сим пунктам, до кого сие принадлежит, исполнено было» [1].

Долгое время многие наши историки ошибочно считали, что экспедиции Беринга снаряжались главным образом для изыскания Анианского пролива. Только в последнее время со всей полнотой удалось обнаружить широту планов Петра Первого.

Еще задолго до экспедиции Беринга Петр заинтересовался поисками непосредственных торговых путей в Америку и Индию. Они явились частью петровских замыслов по укреплению экономики и расширению международных связей Русского государства. Само собою, что Петр не мог пренебречь и северным вариантом, то есть возможностью проложить морской путь в Индию и Америку вдоль северных берегов Азии во внутренних русских водах. Для этого настоя-

---

[1] Цитирую по работе Л. С. Берга, «Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука». Полностью записки Нартова см. Майков Л. Н. «Рассказы Нартова о Петре Великом». Записки Академии Наук, т. XVII, прил. № 6, 1891 г. Данный рассказ — под № 149, на стр. 98—99.

тельно необходимым было установить, существует ли пролив между Азией и Америкой.

Еще в 1719 году с этой целью была снаряжена экспедиция геодезистов Евреинова и Лужина. До пролива геодезисты не добрались, зато Евреинов доставил Петру сведения о западной Камчатке и шестнадцати японских островах, причем на шести он побывал лично. Так закладывалось первое звено пути в таинственную Японию, лежащую на пути в Индию.

Еще не закончилась эта экспедиция, как в 1720 году была отправлена вторая с целью найти проход на восток из устья Оби. И новая попытка оказалась безуспешной.

Во время персидского похода, по словам Ф. И. Соймонова, в сущности разрешались те же задачи установления торговых связей с Индией, через Персию, а сам Соймонов тогда и подсказывал Петру мысль об экспедиции через Камчатку в Америку.

В конце 1723 года Петр намечал экспедицию на Мадагаскар, который интересовал его как удобная промежуточная станция к манящей своими богатствами Индии.

На следующий день после издания указа о «Сибирской экспедиции» Петр подписал указ об отправке летом 1725 года целой эскадры в Испанию также для установления с ней прямых торговых отношений. Позднее отплытие эскадры было перенесено на 1726 год.

Так преобразователь России пекся о благе государства. Поиски Северного морского пути были составной частью его далеко идущих планов. Увидеть хотя бы частичное осуществление этих планов Петру не пришлось.

Последние открытия наших историков установили, таким образом, что поиски Анианского пролива были одной из задач — хотя и очень важной, — снаряжаемой по мысли Петра экспедиции.

Назначенный Петром начальником этой экспедиции капитан-командор Витус Беринг был датчанин, состоявший с 1704 года на русской службе. Но выехать в эту экспедицию (получившую название Камчатской) Витусу Берингу удалось лишь после смерти Петра.

В 1728 году он отплыл из устья реки Камчатки на боте «Святой Гавриил». Обогнув Чукотский мыс и проходя проливом, экспедиция не обнаружила из-за туманов американского берега и вернулась обратно. Ею были открыты острова Лаврентия, Диомида. Все же теперь с большей уверен-

ностью можно было сказать, что пролив между Азией и Америкой действительно существует.

В 1733 году снаряжается так называемая «Великая северная экспедиция». Ее главе — Берингу ставится задача «подлинного известия, есть ли соединение Камчатской земли с Америкой, также имеется ли проход Северным морем».

В этом путешествии Беринг достигает берегов Америки. Позднее, по предложению знаменитого мореплавателя Джэмса Кука, пролив назван Беринговым.

Но не Беринг открыл этот пролив. Еще в 1648 году проливом между Азией и Америкой проплыл якутский казак Семен Иванов Дежнев или, как он себя называл, Семейка Дежнев.

ГЛАВА V

ПРИЕЗД В ЯКУТСК

В 1638 году в «Окладную книгу денежного, хлебного, соляного жалованья ружников и служилых людей» только что построенного Якутского острога был вписан казак Семен Иванов Дежнев.

Родом Дежнев был из Устюга Великого. Точных данных о его происхождении нет.

В челобитной 1665 года Дежнев просит отпустить к нему в Сибирь его племянника Ивашку, живущего в Устюге Великом, который там «скитаетца меж двор и с женою своею Татьянкою Григорьевой дочерью» (№ 25, стр. 306. Четвертая челобитная Дежнева).

Из той же челобитной выясняется, что Ивашка происходил из посадских людей. К ним же, очевидно, следует причислить и его дядю [1].

В Сибирь ушло немало предприимчивых и энергичных жителей Устюга Великого. Напомним хотя бы о знаменитом письменном голове Пояркове, не менее известных «опытовщике» Хабарове, Атласове и многих других землепроходцах. Предприимчивые устюжане вдоль и поперек прош-

[1] Н. Иорданский («Русский биографический словарь», статья о Дежневе) указывает, что «Дежнев родился 25 февраля 1665 г. в г. Великом Устюге». Каким образом установлена эта фантастическая дата рождения Дежнева — неизвестно. Правильнее отнести рождение Дежнева к 1605 г., что более подходит к последующим достоверным датам его жизни.

ли всю Сибирь, побывали на всех ее реках, излазили все горы, плавали по «Студеному морю». Кто был служилым человеком, кто промышленником, кто торговцем.

Кипучая и неуемная энергия, безумная смелость роднит Дежнева с знаменитыми землепроходцами его времени — с Елесей Бузой, Иваном Посником, Михайлой Стадухиным и другими буйными головами. Но вместе с тем Дежнева отличает необычная для того сурового времени черта: он всячески, где только может, старается действовать не «жесточью» (жестокостью), а лаской.

Семейка, когда он «поверстался» в якутские казаки, не был новичком в Сибири. До Якутска он служил сначала в Тобольске, позже в Енисейске. Сравнительно спокойная служба в этих городах не удовлетворяет предприимчивого Дежнева. Его тянули «неведомые землицы», «дебри плодовитые», «камени превысочайшие яже досязати до облак небесных».

В своих челобитных он жалуется, что «на тех... государевых службах в те многие годы всякую нужу и бедность терпел», «помирал голодной смертью», «сосновую и лиственную кору ел», «голову свою складывал, раны великие принимал и кровь свою проливал холод и голод великий терпел» [1]. На более тихую и мирную службу, куда-нибудь поближе к Уралу, Дежнев, однако, не шел.

А сколько раз он был ранен в боях! Кажется, места живого не осталось на человеке. И все же желаннее этих увлекательных, пусть опасных, «дальних службишек» он ничего не находит.

Дежнев прибыл в Якутск из Енисейска в отряде боярского сына Петра Бекетова в 1638 году и через некоторое время перешел под начальство боярского сына Парфена Ходырева. Дежневу повезло. Ему пришлось знакомиться с очень нелегкой государевой службой в далеком Ленском краю под руководством таких опытных и энергичных служилых людей, как Бекетов и Ходырев.

Видимо, Семейка был уже на примете у начальства как предприимчивый, ловкий человек. Через год после прибытия в Якутск, в 1639 году, Парфен Ходырев дает ему очень серьезное поручение.

---

[1] Из челобитных, найденных Н. Н. Оглоблиным.

ГЛАВА VI

ЯСАК

Завоевание и покорение туземцев проходило по определенной системе. Сначала, обычно по собственной инициативе, появлялись маленькие партии служилых и промышленных людей. В этих «далеких от века неведомых землях» такие партии частенько забывали о «высокой государевой руке» и занимались самым беззастенчивым грабежом и разбоем в свою пользу. Московское правительство не раз жаловалось, что служилые и промышленные люди, «пристав под которою землицею приманивали тех землиц людей торговать, и имали у них жон и детей, и животы их и скот грабили, и насилства им чинили многие, и от государевы высокие руки тех диких людей отгонили, а сами обогатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства малое» (№ 33, стр. 964).

За этими разведывательными партиями шли уже более крупные отряды, накладывавшие на туземцев ясак.

Впрочем, далеко не все первые партии забывали о государевой казне. В ряде челобитных служилых людей говорится о том, что нашли они «неведомые землицы, иноземцев войной смирили, подвели их под государеву руку и ясаку с них взяли столько-то сороков соболей». Подчас забывая о себе, служилые люди стремились скорее «как бы тебе, великий государь, прибыль учинить».

При взимании ясака обычно старались использовать сложившиеся к тому времени у сибирских туземцев социальные отношения [1]. Хотя в Сибири в начале XVII столетия сохранилась в общем родовая организация, но во многих местах родовая община уже распадалась, развивались отношения неравенства и эксплоатации. Система взимания ясака отличалась большой запутанностью. Брали ясак с каждого ясашного, причем в различных уездах по-разному: в одном — пять, в другом — десять, в третьем — одиннадцать соболей и т. п. Взимали ясак сразу с целого рода. В одной из ясачных книг читаем: «Тунгусы Лучаханда Мунуруй принесли ясаку с роду своего два сорока четырнадцать (94 — *В. С.*) соболей с пупками» (учетным числом соболей в XVIII столетии была связка в сорок штук).

---

[1] Вопрос о ясаке изложен по статье С. В. Бахрушина, «Ясак в Сибири в XVII веке». Новосибирск, 1927 г. (оттиск из журнала «Сибирские огни»).

Примерно с 1626 года сибирское население начали «верстать в оклад». Производились периодические переписи ясачного населения, в которых «верстали в оклад» все мужское население от восемнадцати- до пятидесятилетнего возраста. «Верстанье» затянулось до конца XVII столетия, но система взимания ясака оставалась попрежнему запутанной. Появились окладные ясачные люди, окладные и неокладные волости. Не следует забывать, что завоевание новых «землиц» продолжалось. Для них устанавливали особые размеры ясака, а иногда просто «хто что ясаку и какою мягкою рухлядью дасть, то у них емлют».

Кроме ясака, ясачные люди платили государевы и воеводские поминки (подарки). Первоначально эти поминки были более или менее добровольными приношениями. Позднее они стали вноситься в оклад в качестве обязательного дополнительного сбора, причем воеводские поминки тоже шли в казну. Помимо официальных поборов в пользу государства, воеводы негласно брали себе «поклонных соболей» — «в почесть».

Единицей измерения ценности всех сибирских мехов был соболь, представлявший как бы натуральные сибирские деньги. Какие бы меха ни представил ясачник в качестве подати, они обязательно переводились на соболей. Так, если туземец при окладе в 11 соболей приносил 7 соболей и две шкурки бобра, то он считался уплатившим ясак, так как две шкурки бобра, более ценного, чем соболь, засчитывались за четыре шкурки соболя. С другого «ясашного человека» при том же окладе в 11 соболей взяли пять соболей и шкуру чернобурой лисицы без хвоста и лап, у третьего — приняли одну целую шкуру чернобурой лисицы, посчитав ее за все 11 соболей.

Впоследствии ясачный оклад стал исчисляться в деньгах, хотя и взыскивался мехами. Эта перемена усилила налоговые тяготы туземцев. При денежном налоге получалось, что ясашные люди должны приносить мехов больше, чем прежде, так как воеводские чиновники оценивали приносимые в ясак меха как можно дешевле.

Чтобы получить ясак сполна, у туземцев обычно брали аманатов — заложников. В аманаты старались взять человека познатнее — «князца» — родового старейшину, его близкого родича.

Про аманата служилые люди говорили: «...а где я с ним

сяду — тут его род придет, и я с них ясак возьму». «Аманат, — пишет проф. Бахрушин, — не столько был заложником, обеспечивающим уплату ясака туземцами, сколько средством привлечь их к ясачному зимовью. ...Побег или смерть аманата отражалась пагубным образом на результатах сбора. Наоборот, поимка одного или двух лишних аманатов повышала сбор» (№ 3, стр. 115).

Те из «ясашных людей», которые жили недалеко от города и более или менее привыкли к русскому владычеству, сами привозили в город свой ясак. Приезд «ясашных» был большим событием для сибирского города. «Ясашные» располагались лагерем за стенами острога, отдельными родами. В назначенный день князцы в сопровождении «лутчих» (лучших) мужиков несли торжественно ясак в город. Там их ожидал воевода в «цветном» парадном платье, со стен для торжественности, да и для острастки палили пушки, а служилые люди стояли «на стойке». Прием заканчивался угощением «ясашных» и служилых, участвовавших на параде.

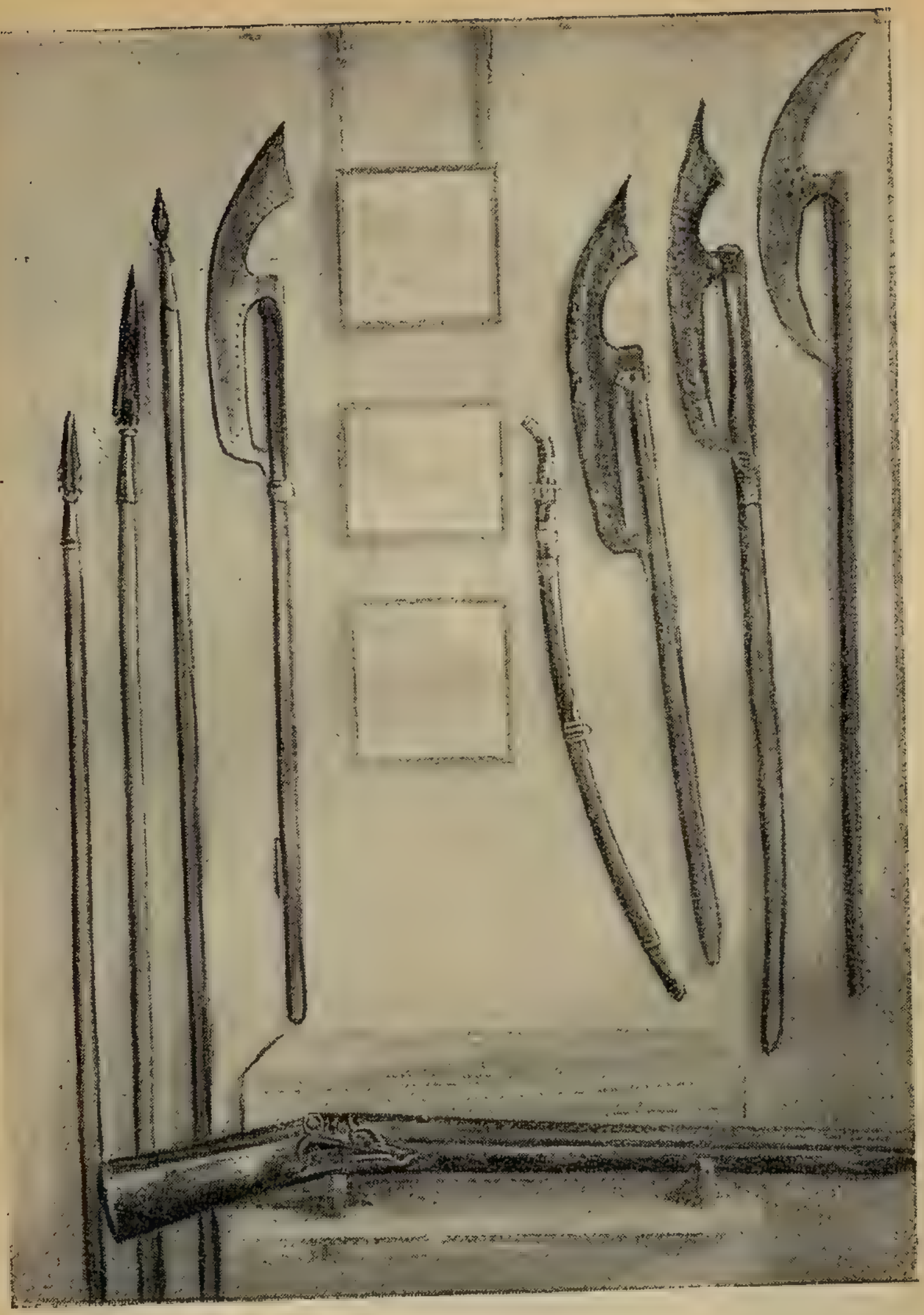
В городе ясак платила лишь небольшая часть туземцев. С остальных он взыскивался на месте. Каждый год воеводы сибирских городов снаряжали вооруженные отряды ясачных сборщиков, отправляли их по волостям, юртам и зимовьям для сбора ясака и поминок.

Отряд брал с собой аманата. Приехав на место, сборщики располагались или в острожке или в ясачном зимовье — избушке, построенной обычно в устье какой-нибудь реки. Туземцам показывали их аманата, и те вносили ясак. Если туземцы были еще плохо «замирены», закованного аманата показывали только в окошечко, в окошечко принимали от них и ясак.

Московское правительство было заинтересовано в сохранении сибирских туземцев от истребления, поскольку в их лице оно видело плательщиков ясака. Из Москвы идут приказы «имать с инородцев ясак ласкою, а не жесточью» (жестокостью), но вместе с тем «на вся годы с прибылью, без недобору». Воеводам настоятельно внушалась необходимость «мягкую рухлядь собирать неоплошно, с великим радением, и служилым, которых учнете посылать в ясачные волости, в наказы писать и сказывать на-крепко, чтоб ясачные люди наш великого государя ясак приносили по окладу сполна». Чтобы эти внушения не остались только

Аманаты

С картины художника Романишвили. Собрание музея народов Союза ССР.



Оружие сибирских казаков XVII века: рогатина, копья, берданки, внизу пищаль затинная.

Экспозиция Государственного исторического музея в Москве.

на бумаге, они подкреплялись обещанием «доправить» допущенную недоимку на самом воеводе. По отношению к Сибири московское правительство вело по существу типичную колониальную политику, грабя туземцев и истощая богатства края.

Посылаемые воеводами сборщики ясака вымучивали его с туземцев. До нас дошло много горьких жалоб.

Вогуличи писали об одном из сборщиков: «Бил на правеже палкою и смертью мучил». В отдельных случаях насилия были таковы, что от них «ясашные люди с судов металися в воду и тонули» (№ 24, часть I, стр. 181).

Народы Сибири, насколько хватало сил, сопротивлялись поборам. Они «нещадно приступали» к острожкам, при удаче сжигали их, громили маленькие отряды, убивали сборщиков ясака и, если видели, что сил для борьбы нехватает, уходили в глубь тундры.

Но, завоевывая необозримые пространства Сибири, покоряя и объясачивая немирных туземцев, нередко огнем и мечом, русские люди несли туда новую, высшую культуру. От русских отсталые народы Сибири получили новые средства производства (огнестрельное оружие, невод, различные инструменты), домашних животных (лошадь и рогатый скот). От них узнали они земледелие, восприняли новое жилище (рубленую избу), разную утварь, новые продукты питания. От русских получили они кое-где зачатки грамотности.

В этом состоит величайшее прогрессивное влияние, оказанное русскими людьми на народы Сибири, в частности ее Крайнего Севера.

К моменту приезда Дежнева в Якутск произошел разгром одного отряда ясачных сборщиков. «Кангаласково роду князец Сахей» убил двух якутских сборщиков — Федота Шиврина и Ефима Зипунка и со всем своим родом, как пишет Дежнев, «збежал с своих жилищ в дальние места — в Оргутцкую волость». За ним в погоню отправили служилого человека Ивана Метлеха с отрядом. Но и его, заманил в засаду и убил сын Сахея Тоглойко. Надо было во чтобы то ни стало отыскать Сахея. Для мести? Нет, не месть была главной причиной рьяных поисков. В Якутске, видимо, хорошо знали и Шиврина, и Зипунка, и Метлеха, знали, как жестоко те собирали ясак. Неудивительно, что насильники получали по заслугам. В Якутске не могли примириться с мыслью, что исчезли «ясашные люди». Ведь сколько ушло мужчин, столько уплыло десятков соболей.

Нужно было припугнуть Сахея, чтобы он «покоялся во всех своих предерзостях» и вместе с тем сделать так, чтобы его от «государские милости не отогнать».

С этим-то трудным поручением управлявший тогда якутским острогом боярский сын Парфен Ходырев и послал в 1639 году с небольшим отрядом Дежнева. Мы, к сожалению, не знаем, как действовал Дежнев; какими способами ему удалось сломить Сахея. Известно только о блестящем результате этого поручения: не только Дежнев и весь его отряд возвратились из Оргуцкой волости в целости и невредимости, но Семен Иванович сумел даже взыскать ясак. «...с того князца Сахея и с ево детей и с его родников (членов его рода — *В. С.*) и с иных Оргутцких якутов взял с них твоего государева ясаку 3 сорока 20 (140 — *В. С.*) соболей) (№ 25, стр. 300—301, Первая челобитная Дежнева, 1662 года).

ГЛАВА VII

НА ЯНУ РЕКУ

До 1629 года Сибирью управлял тобольский воевода. Ему были подчинены городовые воеводы, которые не имели права без согласия Тобольска посылать войска против неприятеля, даже вторгшегося в пределы их уездов. В 1629 году получил самостоятельность томский воевода. Под управлением Тобольска остались города: Верхотурье, Пелымь, Туринск, Тюмень, Тара, Тургут, Березов и Мангазея, а в ведение томского воеводы перешли Нарым, Кетак, Енисейск, Красноярск, Кузнецк. По мере продвижения русских на восток все труднее становилось управлять новооткрытыми землями. В 1638 году учреждается самостоятельное воеводство в Якутске. В его ведение вошли громаднейшие пространства Восточной Сибири. Но воеводы еще в Якутск не приехали. Областью временно управлял письменный голова Василий Поярков.

Удачное выполнение Дежневым трудного поручения в Оргуцкой волости обратило на него внимание.

В 1640 году Поярков назначил Дежнева товарищем старого, опытного служилого человека Дмитрия Михайлова Зыряна для сбора ясака на реке Яна. Им дан был отряд в пятнадцать человек. Так началось знакомство Семейки с реками, впадающими в «Студеное море».

Яну-реку русские знали уже лет за восемь до этого. Открыл ее Иван Ребров. «... а преж меня, — пишет Ребров, — на тех тяжелых службах, на Янге и Собачьей (Яне и Индигирке — *В. С.*) не бывал никто — проведал я те дальния службы».

История этого открытия такова.

Ребров был послан в 1631 году из Тобольска в Мангазею, а оттуда рекой Вилюем пробрался на Лену. Перезимовав в Жиганском острожке, Ребров и енисейский служилый человек Илья Порфирьев с товарищами и с «охочими промышленными людьми» подали в 1633 году челобитную енисейскому приказному управляющему Жиганским острожком Андрею Иванову о разрешении итти «в новое место, морем, на Янгу реку». На Яне они захватили в аманаты юкагирских князьков и собрали ясак, который Порфирьев увез в Енисейск. Ребров с остальными служилыми и промышленными людьми отправились «по морю на новую стороннюю на Индигирскую реку, а Собачья тож» для «прииску новых землиц». На Индигирке тоже «поймали» аманатов и собрали ясак. На Яне было поставлено зимовье, а на Индигирке два острожка. Ребров уверял, что «лутче тех янских соболей — на великой реке Лене и в сторонних реках таких добрых соболей нет» (№ 22, стр. 44—45).

Вторым пробрался на Яну известный землепроходец казачий десятник Елеса Буза. Он отправился в 1636 году осмотреть все реки, впадающие в «Студеное море». Взявши десяток казаков, а в Олекминском острожке около сорока промышленных людей, Елеса весной 1637 года спустился по Лене и, направившись морем к западу, открыл реку Оленек.

На другой год, как рассказывает в своей челобитной один из спутников Бузы — Друганко, они пошли морем на восток, но тут их «замороз взял, не дошед Янского устья» Сделав нарты, они тронулись дальше, а сети и груз ввиду трудности пути принуждены были бросить. Шли они «через Камень (горы — *В. С.*) до Янской вершины (верховьев Яны — *В. С.*) 8 недель, и пришли на верх Янги в якуты (якутские зимовья — *В. С.*)... к князцу к Тузуке, для государева ясачного сбора».

Князец Тузука платить ясак не захотел. Тогда Елеска с товарищами вступил в бой с якутами. Отряд попал в осаду и просидел в ней шесть недель. Во время вылазок якуты убили двух служилых людей. В конце концов Буза со сво-

ими товарищами «тех якутов войною смирили, и их под государеву руку привели, и ясаку с них взяли» [1].

В 1639 году, по просьбе якутского князца Селбука, русские приняли участие в борьбе якутов против юкагиров, которые «якутские звериные гонбища и лучные ловли и соболиные промыслы отняли». Юкагиры потерпели поражение.

Плавали казаки и вниз по реке Яне, тоже для защиты ясачных якутов от юкагиров (№ 22, стр. 52—53).

Направляясь на Яну, отряд Михайлова и Дежнева шел, таким образом, в «ведомые края».

Государева жалованья почти никогда нехватало для жизни служилых людей, было оно малым. Семейка Дежнев, например, будучи простым служилым человеком, получал в год пять рублей деньгами, $5^1/_8$ четверти ржи, 4 четверти овса и $1^3/_4$ пуда соли. Но и уплату этого небольшого жалованья задерживали по нескольку лет, а иногда, как часто жаловались казаки, оно просто не доходило до них. Приходилось «подыматься» на государеву службу «своими силами», входя в «великие долги» и «безысходные кабалы».

«Служебной завод» (снаряжение — *В. С.*) обходился им (казакам — *В. С.*) страшно дорого: пуд муки покупают по

---

[1] Многие исследователи — Огородников, Садовников, Маныкин, Невструев и другие неточно описывают поход Елесы Бузы. Они передают его по акту, напечатанному с бумаг Миллера в «Дополнениях к актам историческим» (т. II, № 86, стр. 240). Акт этот — расспросные речи Прокофия Козлова, участника похода Бузы — сокращен и изменен Миллером, причем смысл сильно искажен. Гоздаво-Голомбиевским найден в 1888 году и Оглоблиным опубликован (№ 23, стр. 1—11) подлинник расспросных речей Козлова. Из многих допущенных Миллером искажений приведем хотя бы одно. В редакции Миллера рассказывается, будто Буза дошел морем до «усть Янги реки» и с устья поплыл вверх по реке «до якутов». В подлиннике читаем, что Буза не дошел морем до Янского устья, так как кочи его погибли. Он высадился на берег и двинулся к Яне, по берегу «Зимним путем — нартами». Дойдя до Яны, Буза пошел вверх также «нартным ходом» и через десять дней дошел до якутов. Излагая поход Бузы, мы пользовались, помимо подлинника расспросных речей Козлова, рассказом другого участника похода — Друганко, челобитная которого найдена Оглоблиным (№ 22, стр. 50—51).

В следующие годы на Яне побывали другие русские.

В 1638 году красноярский казак Иван Ерастов, перешедший на якутскую службу и получивший звание боярского сына, бил челом об отпуске его «в Новую Землю на Яну реку и по иным сторонним речкам» вместе с направлявшимся из Якутска отрядом в 30 человек под начальством Посника Иванова. В том же году они добрались сухим путем до Яны, где часть якутов добровольно стала платить дань, а остальные, как сообщается в большой челобитной Ерастова и его товарищей, «учали с нами дратися». Якуты были разбиты и разбежались.

2—4 р..., «лошаденки», цена которым «на Руси» 2—3 р., на Лене стоят 20—30 р., лыжи по 2 р., нарты 1 р.,... «шубы одевальные» — 4 р.,... рубашки холщевые по рублю,... топоры по 1 р.,.. ножи по полтине». Цены, по тем временам, исключительно высокие. Немудрено, что «подъем» — закупка всего необходимого в походе, который иногда растягивался на несколько лет, — обходился казакам в шестьдесят, восемьдесят и даже полтораста рублей.

Чтобы приобрести «служебный завод», казаку приходилось занимать деньги под большие проценты. Во многих казачьих челюбитных читаем: «одолжилися... великими долги для того, чем бы нам холопем твоим твоя государева служба служить... и голодною смертью не помереть... и от тех великих и неискупных кабальных долгов стоим, государь, на правеже».

Как же расплачивались казаки с этими долгами, как жили они, а иногда и «богатели многим богатством»?

При сборе ясака и государевых поминок казаки брали «поклонных соболей» не только воеводе, но и в свою пользу. Никаких окладов для «поклонных соболей», конечно, не было, и казаки, естественно, умалчивали об этих доходах. Но из одного наказа якутского воеводы видно, что воеводство знало о поборах. Служилые и промышленные люди на реке Колыме, — говорится в наказе, — которые «живут по ясачным зимовьям и великого государя службу служат у ясачного соболиного сбору и у аманатов, наживают по тем ясачным зимовьям нажитков себе... в нижнем зимовье... по штидесят и по семидесят (60—70 — *В. С.*) и на малую статью на год по сороку соболей...» В верхних зимовьях эти «нажитки» меньше (№ 11, стр. 404).

Другим источником дохода служилых людей была торговля. «Служилый человек в Сибири XVII века — особенно в восточной Сибири, — говорит проф. Вернадский, — по своей психологии, по своим интересам и образу жизни часто очень похож на промыслового дельца и лишь с трудом может быть от него отличен» (№ 7, стр. 346). Из челобитных видно, что казаки, собираясь в поход, набирают для торговли с туземцами медные котлы, топоры, одежду, бусы, железные изделия и т. д.

Начальство знало об этой торговой деятельности казаков и смотрело на нее сквозь пальцы. Когда служилые люди приезжали со сбора ясака в Якутск, их только расспрашивали, откуда у них собственные меха («соболиная рух-

Ценность „мягкой рухляди"/пушнины/ собранной в Якутском воеводстве за первые 4 года его организации 1642-45 гг/

	1641-2 г.	1642-3 г.	1643-4 г.	1644-5 г.
„Ясак"	13.460 с. с.	15.907 р. 21 ал. 4 д.	18.786 р. 9 а. 4 д.	22.778 р. 1 а. 4 д.
„Поминки"	3.149 р. 13 а. 2 д.	3.407 р. 23 а. 2 д.	3.497 р. 21 а.	3.920 р. 10 а.
„Издоимки" за прошлые годы	—	0	195 р. 28 а. 2 д.	1.978 р. 10 д.	1.399 р. 21 а. 4 д.
„Неокладная рухлядь" „Судные пошлины" „Печатная пенная"/штрафы/ Погромная, награбленная при набегах/ Покупная и т. п.	3.243 р. 20 а.	6.568 р. 2 а.	2.654 р. 1 а. 4 д.	2.233 р. 24 а. 1 д.
„Десятинный сбор"/с русских промышленников/	20.172 р. 14 а.	21.715 р. 3 д.	15.305 р. 5 д.	9.321 р. 13 а. 1 д.
Всего	40.026 р. 6 а. 3 д.	47.741 р. 29 а. 7 д.	42.221 р. 2 а. 1 д.	39.653 р. 4 а.

Итого за 4 года **169.642 р. 8 а. 3 д.**

В переводе на довоенные деньги нач. XX в. ок. 850.000 р.

Всего вывезено из Якутского воеводства за эти годы:

102 131 соболь	9 наполников
36 недособолей	13 бобров
90 шуб пластинных собольих	7 кошляков
1 кафтан соболий	1 россомаха
1 " „недособолий	103.100 пупков собольих
4 " пунчатых	830 хвостов собольих
464 пластин собольих	49 горностаев
4 полупластины собольих	1.810 лисиц красных сиводушных и пр.

Всего на 169.545 р. 23 а. 4 д.

лядь»). Наказ из Москвы якутскому воеводе 1651 года приказывал, если соболи взяты, или «в посулех за ясачную поноровку» (взятка за поблажку при сборе ясак), или «насилством», или куплены у ясачных людей «преж (прежде — *В. С.*) государева ясачного сбору», они отбираются в пользу государя безвозмездно. Если же «ту рухледь они сами уловили, или на запасы и на платье выменяли после ясаку... та мягкую рухледь отдавати тем служилым людям, для их службы и большие их сибирские нужи» (№ 10, стр. 305—306).

«Наказная память для сбора ясака», выданная якутским воеводой в 1644 году служилому человеку Осипу Боярщине с товарищами, говорит, что если они на «свои запасишки, и на одежишко, и на саблишка, и на топоришка у ясачных тунгусов мягкой рухлядишка что невеликое купят, после государева ясачного сбору», то после уплаты десятинной пошлины эти меха будут считаться их собственностью (№ 9, стр. 178).

Напрасно воеводские наставления называют так скромно («мягкой рухлядишка что невеликое») торговые операции служилых людей. В действительности эта «невеликая купля» была большими торговыми операциями, в которых казаки, на соблазнительные для туземцев товары, приобретали лучшие меха. Словом — «снимали сливки»!

Об этом знали в Москве и всячески старались прекратить такое «воровство». «Не так бы делали, — поучает, например, один из московских наказов якутскому воеводе, — что наперед сего воровали енисейские служилые люди атаман Иван Галкин и сын боярский Парфеней Ходырев», кстати, сказать, ближайшие начальники Дежнева.

Галкин и Ходырев ходили с товарищами на Лену для сбора ясака и «имали с собою товары свои многие, и не те свои товары и на деньги, будучи в ясачных волостях и в улусех и в землицех, у ясачных людей покупали и выменивали многую мягкую рухледь, лутчие соболи, и лисицы, и бобры..., а государева ясаку привозили мало», и поэтому естественно «была в государеве казне большая убыль (№ 10, стр. 305).

Прибыльность торговли казаков объясняется тем, что она велась по принципу: «Покупай, а не то...». В одном из воеводских наказов подьячему Аврамову рассказывается, как торговали служилые люди на Колыме.

«Учал на них иноземцов, — пишет воевода, — порознь наметывать железные свои товары сильно (силком — *В. С.*),

полмишка (длинный нож, насаженный на древко — *В. С.*) по полуаршина по пятнадцати соболей, а которые полмишка в три чети (три четверти — *В. С*) аршина, и те по двадцати соболей, а прут железной в три чети по пятнадцати соболей, топор по десяти соболей» (№ 11, стр. 382).

При такой торговле можно было платить в Якутске за топор рубль — цену, по тогдашним временам небывалую, если была надежда получить за него, применяя силу, десять соболей.

Так торговал сам колымский приказчик Константин Дунай. А раз начальство показывало пример, нечего было зевать и казакам. Большинство из них насильно навязывали юкагирам свои железные товары. Приняв подать, они брали заложников, запирали их в баню или в казенку, а родовичей заложников «взбивали на баню» и требовали соболей за навязанные товары. У кого не было лишних соболей или было их недостаточно, служилые люди «правили соболей», причем во время этого правежа «били батоги на смерть». Если даже после этого туземец не мог заплатить за железо, казаки насильно забирали жен, дочерей, сестер, племянниц и продавали «промышленным людем на соболи».

Такие же, а зачастую даже худшие методы применяли и промышленные люди. Как сообщает тот же наказ, «в ясачном зимовье чинят обиды и насильства (туземцам — *В. С.*) большие, пуще служилых людей, и ходят по их юртам, за свои железные войсковые недоплатные товары за соболи емлют сильно (берут силой — *В. С.*) парки и постели, и чюмы одирают, и всяким борошнем (пожитками — *В. С.*) емлют».

Из этого документа мы узнаем, что юкагиры с Нижней Колымы платили в год ясаку девять сороков двадцать девять (389) соболей, а служилым и промышленным людям за насильно навязанные железные товары пришлось им отдать тридцать один сорок тридцать пять (1275) соболей. Другие юкагирские роды с Нижней Колымы, вместе со среднеколымскими, после выплаты ясака, принуждены были отдать еще «за наметные железные товары»... «по тридцати по шести сороков (1440) соболей в год».

Дальше строго говорится: «И по указу великого государя, приехав тебе Семену на Ковыму реку, учинить заказ крепкой всем служилым и торговым и промышленным людем, чтоб вперед отнюдь иноземцом ясачным людем никаких товаров в неволю не давали... А будет кто учнет тем иноземцом давать всякие свои товары в неволю.., и тех лю-

Охота на тюленей зимой.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".

Рыбный промысел в Сибири летом.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".

дей, сыскав до пряма... бить батоги нещадно при тех же иноземцах, чтоб неповадно было иным так делать».

Авторы наказа не столько заботились «об иноземцах», над которыми чинились такие «обиды и насилства», сколько опасались, как бы от такой торговли «какого дурна и убойства не учинилось», тем иноземцев «от великого государя царские высокие руки не отогнати», следовательно, не уменьшилось бы число плательщиков ясака.

Конечно, одно дело дать наказ, другое — заставить его исполнять. В далеких землицах представитель администрации — приказчик — сам торговал с туземцами. Несмотря на все грозные воеводские наказы, казаки долго еще прибегали к таким «торговым приемам».

По существу торговля являлась простым обирательством. Правительство метало громы по адресу служилых людей, которые «имали у людей тех дальних землиц и жен, и детей, и рухлядь и скот грабили и насилия им чинили многие».

Вполне естественно, что служилые люди не особенно распространялись о своих «подвигах». Все же дошло несколько челобитных, в которых казаки рассказывают о дележе захваченной ими военной добычи. Частью добычи «били челом» царю — отдавали ее в казну, какая-то часть оставалась в собственности отряда, остальная делилась на паи между участниками похода. На эти-то доходы казаки и существовали и снаряжались в поход.

Однако далеко не всегда служба была прибыльна. Не раз случалось, что «служилый человек» не имел возможности расплатиться с долгами. Возвратится он в воеводский город, а «в прибытках» вместо дорогих соболей — «пять ран на теле, да рана стрельная в голову, да кость спинная перерублена». С семью ранами вернулся из одного похода Иван Ребров, открывший Яну и Индигирку. Не велика была пожива и другого морехода-землепроходца, о котором мы говорили, — Ивана Ерастова. Он и его товарищи «поднимались на службу собою», весь походный «завод» покупали «на свои деньги дорогою ценою». «Подъем» обошелся им больше ста рублей каждому. С 1637 по 1646 год ни один из них не получал жалованья. Только Ерастов, собираясь в поход, выклянчил у воеводы один рубль.

В походе коней потеряли и всего натерпелись: «нужу и бедность принимали и всякую скверну ели». Возвратились благополучно. Однако привезенной «мягкой рухлядишки» не-

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".

хватило для расплаты с долгами. Казаки жаловались царю-государю, что: «обнищали и задолжали великими долги и стоим на правеже; а долгу на нас рублей по сто и больше». Они просили у царя немного: «пожалуй нас — за нашу службу, и за раны, и за аманатские имки (поимку заложников), и конное убийство, и за голодное терпение своим царским денежным и хлебным заслуженным жалованием и послугою» (наградой).

В Москве холодно отнеслись к просьбе. На челобитной сохранилась сухая и лаконичная пометка: «В столп»—в архив.

До нас дошло немало таких казачьих жалоб. Приведем несколько слов из донесения об обследовании жизни казаков на Индигирке в 1656 году. Его автор — сын боярский Ванюков. Донесение адресовано якутскому воеводе. Ванюков сообщает, что на Индигирке все служилые люди «стали нужны, обнищали, государевы службы служить не за чем», потому что «многие годы государю служим по неволе, а не по охоте, и жалованья нам государево за те годы не дают» (№11, стр. 57).

И все же, несмотря на постоянную задержку и неплатеж государева жалованья, несмотря на «нужи и великие тяготы», несмотря на раны и увечья, на голод (приходилось есть сосновую и лиственную кору и всякой «ядью сквернои» питаться), казаки тянут служебную лямку и чуть не десятилетиями ищут по «дальним рекам гдеб государю прибыль учинить».

В поход на Яну Дежнев тоже снаряжался на собственный счет.

«И я холоп твой, — пишет он в своей челобитной, — для твоей государевы службы купил 2 лошади, дал 85 рублев, и платьишко, и обувь и всякой служебной завод, покупаючи в Якутцком остроге у торговых и у промышленных людей дорогою ценою: стал подьем мне, холопу твоему, больши 100 рублев» (№ 25, стр. 301. Первая челобитная Дежнева, 1662 года).

В путь двинулись зимой. Путь до реки Яны, по сибирским понятиям, был недалеким. В «Списке с чертежа Сибирския земли» [1] расстояние от Якутска до Яны указано не в верстах, а в «днищах» (днях пути). «...а от Якуцкого же острогу до Алдана реки до перевозу езду сухим путем

---

[1] «Список с чертежа Сибирския земли» — помещен в книге Титова (№ 37, стр. 52).

неделя... А с перевозу до Верхоянского зимовья езду 4 недели: а то зимовье стоит на Яне реке».

Добравшись до Яны очень быстро и удачно, — видимо, благодаря качествам организаторов похода — Дежнева и Зыряна, — собрали большой ясак: восемь сороков двадцать (340) соболей и две чернобурых лисицы.

Дмитрий Михайлов Зырян решил итти дальше «проведать, гдеб на которой реке государю прибыль учинить», а Дежнева с тремя казаками отослал с ясаком в Якутск.

Вскоре по округе побежал слух о движении маленького отряда, везущего много дорогих мехов. Сорок «ламуцких тунгусов, а может и больше», — эпически сообщает Дежнев, — решили напасть на отряд и завладеть богатой добычей. Ламуты устроили засаду, но Семейка был достаточно опытен, двигался вперед опасливо и неожиданное нападение встретил «огненным боем». Битва продолжалась недолго. Несмотря на два ранения стрелой в левую ногу, Дежневу удалось метким выстрелом свалить «лутчево мужика» — предводителя, «иных тунгусов мы, холопи твои, многих ранили». Нападавшие разбежались.

«Государева казна» была доставлена в Якутск в целости и сохранности и сдана только что приехавшим туда первым якутским воеводам — Петру Головину и Матвею Глебову, которые затратили на путешествие из Москвы не больше и не меньше как два с лишним года.

Ехали они не торопясь. В тогдашней столице Сибири — Тобольске запаслись казною, запасами, «прибрали» на службу в Якутск 302 казаков и на 39 дощаниках отправились дальше. В Енисейске добавили еще 43 казака. Так сколачивалась большая по тем временам рать в 345 тобольских, березовских и енисейских служилых людей. Некоторое время воеводы с сопровождавшим их дьяком Филатьевым и письменным головой Бахтеяровым прожили в Усть-Кутском остроге. В общем, выехав из Москвы в 1638 году, они прибыли в Якутск лишь в начале 1641 года.

ГЛАВА VIII

НА ИНДИГИРКУ

«Воеводы XVII в. были сыновья или внуки наместников XVI в. — пишет В. О. Ключевский. — На протяжении одного-двух поколений могли измениться учреждения, а не нравы и привычки. Воевода не собирал кормов и пошлин

в размерах, указанных уставной грамотой, которой ему не давали; но не были воспрещены добровольные приносы «в почесть», и воевода брал их без уставной таксы, сколько рука выможет. В своих челобитных о назначении соискатели воеводских мест так напрямик и просили отпустить их в такой-то город на воеводство «покормиться»... Не определенная точно широта власти воеводы поощряла к злоупотреблениям. Стеснительно-подробные наказы, какими снабжал воеводу отправлявший его приказ, однако предписывали ему в конце концов поступать «как пригоже, смотря по тамошнему делу, как Бог вразумит», предоставляя ему полный произвол. Понятно, почему земские люди XVII в. в последствии с сожалением вспоминали времена, когда не было воевод» [1].

Если жители ближних к Москве областей еще иногда жаловались на воевод, то в далекой Сибири они стоном стонали от воеводского управления. Жаловаться некуда — воевода в Сибири был полновластным хозяином.

Злоупотребления воевод, да и других приказных в Сибири, — не случайность, а общее явление. Достаточно сказать, что несмотря на большую снисходительность центральной администрации, редкий воевода не оставлял после себя «сыска» об его управлении. В этих сыскных делах развертывается картина тяжелого гнета, под которым жило сибирское население [2].

Главнейшей обязанностью сибирского воеводы был сбор ясака. Сибирь считалась колонией, она любой ценой должна давать доход, и добыть этот доход — обязанность воеводы. Недаром один из исследователей говорит, что сибирский воевода «посылался, собственно говоря, не для управления, не как администратор, а скорее как главный приказчик. На обязанности его лежали не интересы населения, не заботы о последнем, о его благе, а выполнение наказа «искать государю прибыли», делать, чтобы этой казне «никоторой порухи не учинилось» (№ 16, стр. 16). С интересами населения считались лишь постольку, поскольку нельзя бы-

---

[1] Ключевский В. О., Курс русской истории, ч. III, 1912 г., стр. 190—191.

[2] Специальный раздел о сыскных делах см. Оглоблин Н. Н. Обзор столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I — Документы воеводского управления. М., 1895 г., стр. 179—192, и ч. III — Документы по сношению местного управления с центральными. М, 1900 г. (дела о злоупотреблениях, дела сыщиков), стр. 164—193.

ло разгонять людей и тем наносить ущерб опять-таки государевой «казне».

Иногда «рвение» воевод при взыскании ясака доходило до того, что область, в которой они побывали, имела вид страны, разоренной неприятелем.

Взимая ясак в государеву казну, воеводы не забывали и себя — «имали у сибирцев в посулех соболи и лисицы черные» в качестве так называемых поклонных соболей, о которых уже говорилось, занимались торговлей с туземцами, применяя те же методы, что и служилые люди. Зная о злоупотреблениях воевод, Московское правительство пыталось ввести их в своеобразные рамки. Так, оно разрешило вывоз из Сибири мехов воеводам больших городов на 500 рублей, а мелких городов — на 300 рублей. Остальные меха должны были отбираться на Верхотурской заставе и поступать в казну.

На деле оказывалось, что, возвращаясь после «сибирского кормления», каждый воевода всякими хитростями провозил мехов на значительно большую сумму.

Сибирский воевода был не менее грозен и по отношению к служилым людям. Об издевательствах воевод над казаками говорят десятки челобитных. «Как учнет кого бить батоги, без вины, измещаючи сердце свое, так до смерти забьет»...

Отбудет воевода два года в Сибири, уедет в Москву, и у служилых людей начинает теплиться надежда, что при новом воеводе жизнь станет легче. Приезжал новый воевода, и прахом рассыпались мечты. «Терпели мы и от прежнего воеводы, терпели напрасно и кнут, и огонь, и всякий позор, наготу и голод, а от нонешнего терпим горше».

С. В. Бахрушин сообщает, что мангазейский воевода Кокорев собрал однажды подчиненных ему служилых людей и, чтобы запугать их, заявил, что «он у государя ближним человеком и хотя из-под коленок кожу сдерет, никто ему ничего не сделает».

Фирсов приводит следующую сцену. Тобольский воевода Сулешев христосовался в церкви на Пасху со своими подчиненными. Служилые люди целовались с воеводой, а потом прикладывались к его руке. Боярский сын Низовцев поцеловал его мимо губ в руку. Сулешев испугался, так как руку при христосовании целовали только у царя и ему могли поставить в вину узурпацию царской почести.

Недолго думая, тут же, в церкви, воевода «зашиб» боярского сына.

Другой воевода ходил с толстым батогом и, чтобы внушить почтение, бил им своих подчиненных, приговаривая: «я, воевода, — всех изподтиха выведу и на кого руку наложу, ему от меня свету не видать и из тюрьмы не бывать».

И если восставали, не раз обираемые туземцы, то не раз восставали и служилые люди. Бывали убийства особенно злобных воевод.

«Нигде кроме Сибири, — пишет Н. Н. Оглоблин, — злоупотребления воевод не доходили до той грандиозной степени, когда населению становилось совершенно «не можно жить» и оно после бесплодных воплей к великому государю о смене воевод открыто поднимало против них бунт и пыталось своими силами и средствами оградить себя от «воевод — разорителей, грабителей, мучителей» [1].

Насколько грандиозны были злоупотребления сибирских воевод, настолько же поражают своими размерами и вызванные ими бунты, — говорит далее тот же автор. Иногда бунты длились по нескольку лет, принимая формы военных действий против воевод и их сторонников, которых восставшее население держало «в осаде» и всячески преследовало. Воеводам «отказывали от воеводства» или изгоняли их из городов. На место упраздненной воеводской власти или совместно с ней служилые люди избирали свои выборные органы — «выборных судеек», «мирские круги», «советы», «думы», руководившие борьбой с воеводами. При отсутствии воевод эти органы брали на себя функции воеводской власти и исполняли различные «государевы дела».

Конечно, такие восстания бывали только временными, и редко сибирским служилым людям удавалось надолго ог-

---

[1] Оглоблин Н. Н., Красноярский бунт 1695—1698 годов. Очерки из истории народных движений в Сибири. Томск, 1902 г., стр 1—2. Он же дал ряд других ценных исследований о сибирских бунтах: «Нерчинский заговор о побеге на Амур и на острова Восточного океана» («Русская старина», т. 88, 1896 г.), «Бунт и побег на Амур воровского полка Сорокина» («Русская старина», т. 85, 1896 г.), «Томский бунт 1637—38 гг.» («Исторический вестник», т. 85, 1901 г.), «Заговор томской «литвы» в 1634 г. («Чтения в Историческом о-ве Нестера летописца» книга 8, 1894 г.), «К истории томского бунта 1648 г. («Чтения московского о-ва истории и древностей», книга 3, 1903 г.), «Народная смута на Вятке из-за кормления воевод» («Исторический вестник», т. 49, 1892 г.). Укажем также книгу Ф. Д. Кудрявцева «Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири XVII века» (Иркутск, 1939 г.).

радить себя от «лихих воевод». На место изгнанных населением или смененных по его челобитьям воевод приезжали из Москвы другие, которые жили первое время «с опаской», ввиду местных «воровских людей», потом все забывалось, и снова начинались злоупотребления, завершавшиеся новым взрывом народного негодования, новым изгнанием или сменой зарвавшихся воевод.

Из всех сибирских городов наиболее несчастливым на воевод был отдаленный Якутск. Почти все последовательно сменявшиеся здесь воеводы обязательно заканчивали свою службу сыском. Началось это со стольника Петра Головина, прогремевшего своими бесчинствами и злоупотреблениями на всю Сибирь. По сообщению Оглоблина, в архивах о нем сохранилось громадное сыскное дело. Для характеристики деятельности Головина достаточно рассказать об одном эпизоде (№ 10, стр. 33—37).

Другие якутские администраторы — второй воевода Матвей Глебов, дьяк Ефим Филатов и письменный голова Бахтеяров — мешали, очевидно, Головину, и он приказал схватить их и посадить в тюрьму. Придумано было и дело — Глебов, Филатов и Бахтеяров якобы подговаривали якутов убить русских, не платить ясак и т. д. В тюрьму бросили также жен и детей обвиняемых, попов, подьячих, целовальников, десятки служилых, промышленных и торговых людей. У них добивались показаний, которые доказали бы измену Глебова, Филатова и Бахтеярова. Так как допросы «добром» не привели к желаемым результатам, начались пытки. От пыток, голода и «всякой тюремной нужи» умерло немало заключенных. Было схвачено много и якутов. Их тоже пытали, жгли огнем, били кнутом «в три палача, без пощады», чтобы вымучить наговор на обвиняемых.

То, что Головин проделывал над промышленными и торговыми людьми, не поддается описанию. В мирской челобитной на Головина, поданной в 1645 году, они пишут:

«И пытал он нас, холопей и сирот твоих, и жен наших позорил многими разными пытками, и давал ударов кнутных на одной пытке ста по полутора и больше, и на костре огнем жег, и стряски многим давал, и воду на голову лил со льдом, и пуп и жилы клещами горячими тянул, и у рук мышки огнем жег, и голову клячом воротил, и по естеству по тайным удом прутьем стегал, и ребра ломал, и свечами спину жег, и угольи и пепел горячий на спину сыпал, и за ногти спицы колотил».

Никого не обеспокоил бы арест казаков и подьячих, даже ужасные пытки — и те бы не вывели из равновесия центральное правительство. Но дело Головина было из ряда вон выходящим, тем более что у Глебова и Филатова в Москве оказались друзья. 20 июня 1645 года в Якутск прибыл Галкин и, по царскому приказу, выпустил всех арестованных. Правда, Головин 22 июня вновь распорядился многих арестовать и посадить в тюрьму, но в конце концов самодура удалось смирить, и его отозвали из Якутска.

«Дальние службишки» были трудны — голодны, полны лишений и невзгод. В схватке с «немирными народцами» можно было, конечно, потерять свою голову, но потерять в бою, защищаясь. А чем и как защищаться от воеводы? Долго ли можно терпеть «и кнут, и огонь, и всякий позор, наготу и голод»?

У Семейки Дежнева столкновений с воеводами не было, но, видимо, и ему не сиделось в Якутске. Едва отдохнув несколько месяцев после похода на Яну, он идет в новый дальний поход, на только что открытую реку Индигирку.

«И в прошлом же, великий государь, во 150 г. (в начале (1642 года — *В. С.*) стольник и воевода Петр Головин с товарищи, — пишет Дежнев в своей челобитной, — послал меня, холопа твоего, из Якутцкого острогу на Оемокон реку (верховья Индигирки — *В. С.*) для твоего, государева, збору с служилым человеком с Михаилом Стадухиным, с товарищи 14 человек» (№ 25, стр. 301. Первая челобитная Дежнева, 1662 года).

Снова Дежнев не получил ни денежного, ни хлебного жалованья, снова для этого похода пришлось затратить свои средства, притом немалые: «...и мы, холопи твои, — пишет он, — покупаючи кони дорогою ж ценою и платьишко, и обувь, и всякой служебной подьем стал нам, холопем твоим, по сту по пятидесяти рублев».

Русские уже побывали на Индигирке. И на этот раз Дежнев шел в «знаемые» земли.

Незадолго до этого прибыл в Якутск с Индигирки Ивашка Ребров, проживший там три года. Вторым прибыл с Индигирки Посник Иванов со своими спутниками.

Мы уже говорили о походе Посника Иванова на Яну. С наступлением весны 1639 года Посник Иванов с двадцатью семью спутниками, среди которых были Иван Ерастов, Федор Чюкичев, Терентий Алексеев и Афанасий Сте-

фанов, оставившие описание этого похода, двинулись с Яны на конях в Индигирский поход.

По дороге Поснику попались четыре юкагира, которых он сделал своими проводниками. Шли по правому притоку Яны, Адыче и впадающему в нее справа Тостаху, через отроги хребта Тас-Хаях-Тах. Дошли до верховьев Индигирки, где кочевал тунгузский род князца Чоны, и берегом реки продвинулись вниз.

Недели через четыре отряд добрался до южной границы Юкагирской земли. При первой встрече с юкагирами, с которыми казаки уже дрались в низовьях Яны, защищая от них своих «ясашных», между ними начались свары. Юкагиры упрекали русских, «что-де вы пришед на нашу землю, да лутче промыслы рыбные отняли, и у нас-де вы о том не доложились». В ответ русские «дралися целой день» с ними. Юкагиры старались прежде всего убивать поразивших их лошадей, считая, что эти необычайные животные гораздо опаснее всадников.

Не выдержав огненного боя казаков, юкагиры бежали, оставив двух пленных. Посник Иванов построил на Индигирке недалеко от «шиверов» (порогов) Верхнеиндигирское зимовье, получившее потом название Зашиверского. По свидетельству Ерастова, «зимовье с косым острожком» было поставлено «в 2 днищах» выше реки Уяндины, левого притока Индигирки. Юкагиры скоро оправились от страха и напали на зимовье. Целый день русские с большим трудом отбивались от неприятеля. Только понеся большие потери и потеряв пленными одного князца и шамана, нападавшие не выдержали и бежали вверх по реке. Русские погнались за отступившими юкагирами, догнали их и взяли первый ясак — пять сороков (200) соболей.

С мехами и вестями о богатствах Юкагирской земли и прибыл в Якутск Посник Иванов с одним из своих спутников — Афанасием Стефановым. На Индигирке осталось всего шестнадцать казаков, остальные были убиты в боях, умерли от ран и лишений. Оставшиеся, как пишет Ерастов, выбрали себе начальником Кирилла Нифантьева.

Новая река заинтересовала воеводство. Сразу же на смену отряду Кирилла Нифантьева был послан Дмитрий Михайлов Ерила с отрядом. Кирилл Нифантьев сдал острожек и аманатов, а соболиную казну увез в Якутск. Ерастов, Чюкичев и Алексеев были насильно оставлены в Индигирском

зимовье, «потому что-де вам здешняя Индегерская служба за обычей».

Вскоре вторично на Индигирку был послан Посник Иванов. В начале 1641 года, «соединившись в Уяндинском зимовье с зимовавшим здесь отрядом Ив. Ерастова, П. Иванов повел дальнейшее наступление на немирных юкагиров. На нижнем течении Индигирки служилые люди имели кровопролитное сражение с ними, причем юкагиры были разбиты, а один из князцов их, Бурулга, взят в плен» (№ 27, стр. 313).

В том же 1641 году Ерастов, Чюкичев, Алексеев и другие, всего пятнадцать человек, под командой Ерилы, отправились вниз по Индигирке, где «не дошед до моря за полднища», тоже встретили юкагиров. На требование об уплате ясака юкагиры «отказали невежливо». За эту «невежливость» они были разбиты в бою, после чего согласились платить ясак.

Русские поставили здесь «зимовье с косым острогом». Оставив в нем казака Онисима Иванова «с невеликими людьми», Ерила вернулся зимовать в Верхне-Индигирское зимовье, где собрал на 1642 год громадный ясак — девять сороков двадцать (380) соболей.

Все прибывшие в Якутск служилые рассказывали о великих богатствах «дальних рек». Особенно переполошилась якутская администрация после расспросных речей трех юкагирских аманатов, привезенных Елесой Бузой. Они рассказали о существовании реки Нерога, на которой недалеко «от устья морского» в горе, в утесе, находится серебряная руда. Сразу была снаряжена экспедиция, в наказе которой строго приказывалось:

«И тебе б, Дмитрею, одноконечно государю службу и раденье свое показать, про ту реку Нерогу проведовать накрепко у всех иноземцов, всякими мерами, впрям и заводом, из ума выводя и жесточью роспрашивать, есть-ли такова река Нерога? и будет есть, и прямо-ль на ней есть серебреная руда» (№ 9, стр. 262).

Разведывая серебро, якутские власти не забывали и о «соболиной казне». Было ясно, что открыты места богатые, но там явно нехватало людей. Спешно снаряжается партия Максима Телицина. В наказе, данном Телицину 26 августа 1641 года, говорится:

«Да преж сего послан в Юкагирскую землицу... служилой человек Митка Михайлов Зырян да Посничко Иванов с товарищи: и ему Максимку послать к ним, Митке и Посничку

служилых людей; и будут они Митка и Посничко от них неподалеку... и ему, Максимку, где доведется, с ним Миткою и Посничком поставить острог, всем собча» [1].

Попутно ему накрепко заказывалось давать рассматривать юкагирам пищали и, само собой разумеется, учить из них стрелять. Правительство великолепно понимало, что при тогдашнем малолюдстве только «огненный бой» приводил к победам русских.

Телицину поручалось навести справки о новых землях, реках, жителях, их обычаях (с кем воюют), зверях и рыбах. Наказ требовал, помимо этого, составления карты всех посещенных мест: «А приехав ему, Максимку, с товарищи явитися и роспросу своего роспись и землицам и рекам и всяким местам чертеж подать в съезжей избе стольником и воеводам Петру Петровичю Головину с товарищи» [2].

До нас не дошли подробности похода Максима Телицина. Известно только, что в основном наказ он выполнил и помощь доставил, так как ряд пришедших с ним служилых людей видели потом в других отрядах.

Но этого начальству показалось мало. Якутский воевода Головин организует вскоре посылку второго отряда со Стадухиным и Дежневым во главе на верховья Индигирки — на Оемокон реку.

Как мы уже говорили, Дежнев снова пошел в поход «без государева денежного и хлебного жалованья». До верховьев Индигирки можно было добраться из Якутска в лучшем случае в два с половиной месяца.

Вот как исчисляет путь на Индигирку «Список с чертежа Сибирскня земли»: «...а от Якуцкого же острогу до Ал-

---

[1] Отметим здесь ошибку П. Н. Оглоблина, который в своем исследовании (№ 25, стр. 39 и 40) пишет, что Дмитрий Михайлов Зырян и Дежнев отправились в поход на Яну в 1641 году. Дежнев в своей челобитной 1662 года пишет, что на Яну он пошел в 149 году осенью, зимним путем. Так как 7149 год начался 1 сентября 1640 года и продолжался до 30 августа 1641 года, то осень с зимним путем 7149 года означает сентябрь—ноябрь 1640 года. Дата, указанная Оглоблиным, противоречит и только что приведенному наказу Телицину от 28 августа 1641 года. В нем определенно говорится, что «преж сего послан в Юкагирскую землю Митка Михайлов Зырян». Раньше августа 1641 года, осенью, зимним путем, Зыряи с Дежневым могли быть посланы только в 1640 году, как это и сказано у нас.

[2] Наказ Телицину напечатан в ДАИ, т. 2, стр. 256—258, с актов, извлеченных Г. Миллером. Поправки к нему с найденного подлинного наказа даны Н. Н. Оглоблиным («К вопросу об историографе Г. Ф. Миллере», «Библиограф», 1889 г., № 8—9, стр. 161—164).

дана реки до перевозу езду сухим путем неделя... А с перевозу до Верхоянского зимовья езду 4 недели, а то зимовье стоит на Яне реке. А от Верхоянского зимовья до Зашиверского зимовья езду 3 недели: а то зимовье стоит над рекою Индигирскою». К восьми неделям пути от Якутска до Зашиверского зимовья нужно добавить еще две-три недели, чтобы добраться до верховьев Индигирки.

До Оемокона дошли без всяких происшествий. Там жил род князца Чоны. Ясак с Чоны и с его «родников» собрали удачно. Дежнев даже хвалится, что «взяли твоего, государева, ясаку против прежнего с прибылью». Собрали его без насилий и грабежей, даря государево жалованье — одакуй (бусы), медные котлы и прочее, словом, строго следуя наказам, что надо «имать ясак не жесточью, чтоб им, иноземцам, было не в тягость, и тем бы их не ожесточить».

Дежнев, видимо, даже установил с туземцами дружеские отношения.

Эти отношения спасли отряд Дежнева, когда неясачные тунгусы собрали громадный по тем местам отряд в пятьсот человек и напали на русских. Превосходные стрелки, тунгусы перестреляли почти всех коней у русских и поранили всех людей. Дежнев получил две раны стрелами — в локоть правой руки и в правую ногу.

«...и мы, холопи твои,— пишет Дежнев, — с ними бились, из оружья стреляли». Но беда казалась неминуемой, полтора десятка казаков без всякого прикрытия вряд ли могли отбиться от нескольких сотен врагов. Помощь пришла неожиданно. Другие тунгусы и якуты, только что внесшие ясак, заступились за русских и вступили в бой с нападавшими.

Этот очень редкий случай в истории Сибири XVII столетия ярко свидетельствует в пользу Дежнева (именно его, а не Стадухина, как мы дальше увидим). Очевидно, он сумел установить с туземцами такие отношения, что те добровольно заступились за завоевателей и вступили в бой с другими племенами.

Благодаря этой помощи нападение было отбито, и неприятель понес большие потери. Досталось и русским, но больше всего пострадали заступившиеся за них тунгусы и якуты. Убили якутского князца Удая и многих ясачных, иных поранили. Нападавшие отомстили защитникам русских еще и тем, что, по свидетельству Дежнева, до основания разорили их юрты.

Бой кончился. Два менее всего пострадавших казака —

Денис Ерила и Иван Кислой — уехали на уцелевших лошадях с собранным ясаком в Якутск.

Наступило короткое северное лето. Раны зажили. Встал вопрос: что делать дальше?

Путь на «дальние заморские реки» полон опасностей и громадных трудностей. Огромные пространства с редким населением, реки, болота, почти непроходимые плоскогорья, высокие горные цепи, необычайно суровый климат — такой была «Юкагирская землица». Много нужно настойчивости, выносливости и отваги, чтобы предпринять путешествие туда. Когда все лошади погибли, итти по бесконечной тундре и тайге было совсем страшно. Русских снова выручил князец Чоны. Он посоветовал выстроить лодку и сплыть по реке к морю.

Умного совета послушались. И вот, как сообщает Дежнев, «для приску новых неясачных людей, гдеб нам, холопем твоим, мочно было вновь тебе, великому государю, в ясачном зборе прибыль учинить, зделав кочь, сверх Оемокону реки выплыли на Индигирку реку, всего тринатцатью человеки».

В это время по «Юкагирской землице» ходили и другие казачьи отряды.

Еще весной 1642 года, оставив в Верхнеиндигирском зимовье казака Лаврентия Кайгородца с соболиною казной и аманатами, отряд Дмитрия Ерилы «сплыл вниз» по реке Индигирке в Олюбенское зимовье. Там приступили с расспросами: «...ведаете-ли неясачных или захребетных юкагирей и иных родов, которые преж сего государева ясаку не платчивали и русских людей не видали?»

Аманаты сказали, что, выплыв на море, можно «бежать парусом» до реки Алазей, где живут и кочуют многие «алазейские юкагирские люди», которые до этого никому еще не платили ясака и с русскими людьми не встречались.

Взявши «вожа» (проводника) из ясачных юкагиров, отряд Ерилы летом 1642 года прошел в кочах морем на «Алазейскую реку». Дошли благополучно. Их встретили «многие алазейские люди» со своими князцами и новый для казаков народ — чукчи («с ними были с тундры чюхчи — мужики с своими роды и с улусными людьми»).

Ерило стал призывать их «под государеву высокую руку в прямое холопство», но «алазеи», видимо, не прельщенные такой перспективой, окружили с обеих сторон реки казачьи кочи «и учали нас стрелять». Девять казаков были

ранены. Все же бой кончился победой русских. У неприятеля были убиты князек Невгоча, несколько простых воинов, взят в плен «доброй мужик» «Мымыка. После разгрома «алазеи от нас убегом ушли, избиты и изранены».

Русские поплыли вверх по реке, дошли «до лесных мест», где «поставили зимовье, на край-тундры, с косым острожком».

Спустя некоторое время к острожку подъехал самый лучший алазейский шаман Олюганей и стал бранить русских: «почто-де вы поставили острожек на моей земле и меня-де вы о том не докладывались». Русским этот выговор показался «невежливостью», они схватили Олюганея и посадили в аманаты. Сопровождавшие шамана воины стали стрелять в русских и ломиться в острожек. Пришлось сражаться. Казаки «бились с ними многое время». «Нападение на острожек было отбито, и алазеи смирились и стали возить ясак, которого собрали на 1643 год — 4 сорока 20 (180 — *В. С.*) соболей да 20 «собольих пластин».

Вскоре Ерило отправил Ерастова (зимой 1642/43 года) «через гору на оленях» на Индигирку, чтобы «досмотреть Индегерской службы», а Чюкичева и Алексеева (весной 1643 года) — в коче морем в Якутск с собранным ясаком.

Ерастов сначала посетил Олюбенское зимовье. Там все было благополучно, но ясак не был собран. Гарнизон зимовья, состоящий всего из двух человек, не рискнул дробить силы и посылать человека на сбор ясака.

Здесь Ерастов узнал о нападении на Верхнеиндигирское зимовье, где оставался Лаврентий Кайгородец с товарищами. Юкагиры внезапно напали на зимовье, убили во дворе двадцать лошадей, караульного — промышленного человека Хаилина и «в зимовье вломились ночною порою». Русские едва отбились от неожиданного нападения.

Из Олюбенского зимовья Ерастов поднялся с мирными юкагирами «в стругу» до Индигирского зимовья и застал здесь своих товарищей Чюкичева и Алексеева, посланных Ерилой с ясаком. Чюкичев повез ясак в Якутск, а Ерастов с Алексеевым предприняли еще несколько походов «на непослушных юкагиров». Только в 1644 году «в коче морем» они повезли ясак в Якутск.

К концу 1642 или к началу 1643 года пробрался на Алазею и Дмитрий Михайлов Зырян, с которым в 1640 году Дежнев ходил на Яну. После того как Дежнев с янскими мехами уехал в Якутск, Зырян ушел с отрядом на восток

Здесь с ним встретился Иван Беляна. Беляна был послан с Посником Ивановым, когда тот во второй раз пошел «на дальние реки».

Отправленный в Олюбенское зимовье Беляна в 1643 году ходил морем на Алазею. В бою с юкагирами двое русских были убиты, все остальные ранены. Но казакам удалось захватить в аманаты князца Манзитина, и юкагиры временно покорились.

Беляна с шестью товарищами ходил вверх по Алазее. Был ли с ними Зырян или остался где-нибудь в нижнем течении реки, неизвестно. Вернее — последнее.

Так осваивали якутские казаки огромный и богатый край. Дежнев ничего не сообщает о встречах с земляками. О своем походе он кратко пишет, что «по Индигирке выплыли на море».

Отношения между начальниками отряда Дежневым и Стадухиным были, видимо, очень скверные, и Дежнев всеми способами старается отделиться от постылого товарища.

От туземцев, живущих на взморье, или, как он выражается, «по сказке иноземцев», Дежнев узнал, что восточнее их бродит еще одна партия русских, под начальством Дмитрия Михайлова Зыряна.

Дежнев взял Романа Немчинова, несколько служилых и пошел на поиски Зыряна. Судя по челобитной Ивана Беляна, встреча Дежнева с Зыряном состоялась на Алазее.

ГЛАВА IX

КОЛЫМСКИЙ ОСТРОЖЕК

Дежнев и Дмитрий Михайлов соединили свои отряды, «чтоб, — как пишет Дежнев, — нам, холопем твоим, с ним, Дмитреем, вместе служить твои государевы службы и в ясачном зборе прибыль чинить и непокорных и непослушных иноземцов под твою царскую высокую руку приводить».

Начались походы против «непокорных и непослушных иноземцев». На Алазее нашли юкагиров, не плативших ясака. Решили захватить у них в аманаты князца Манцита, сына Тойту, но юкагиры не захотели давать аманатов. Завязался бой. При этой «имке» (поимке) Семейку ранили еще раз. «...и меня, холопа твоего, стрелою ранили в левое плечо», — писал потом он в своей челобитной.

Исходив Алазею, Дежнев и Зырян двинулись даль-

ше на восток — на Колыму. Там они встретили Михаила Стадухина, который пробрался на Колыму морем. До Стадухина никто из русских не бывал в этом богатейшем крае.

«Колыма де река, — описывал ее Стадухин, — велика, есть с Лену реку, идет в море также, что и Лена, под тот же ветр, под восток и под север, а по тоїї де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики свой род оленные и пешие сидячие многие люди, и язык у них свой».

Хороши соболи на Колыме — «добрые», черные и зверь коренной», с восхищением рассказывал Стадухин. Есть там и лисицы, и песцы, «а иного опрично того никакого зверя на тех реках нет, потому что место студеное». Плохо с питанием на Колыме — одна рыба, но «рыбы всякой много», «потому что те реки рыбные» (№ 10, стр. 99—100).

Недалеко от устья Стадухин построил ясачное зимовье «с нагороднею» (огороженное частоколом), и на «досель незнаемой реке» возник еще новый русский острожек — Нижне-Колымский.

Придя в Нижне-Колымский острожек, Зырян с Дежневым согласились служить государеву службу вместе со Стадухиным.

Соединив свои отряды, они снарядили поход против «юкагирских мужиков омоков» [1]. В бою Дежнев отличился, убил у юкагиров «лутчево мужика Аллаева брата». Сам Аллай был одним из сильных князцев колымских юкагиров. Захватили также в плен Кениту — сын Аллая.

Но Дежнев получил новое, серьезное ранение. «А меня, — писал он, — холопа твоего, в левую руку по завити железницею (железной стрелой — *В. С.*) насквозь прострелили».

Три года бродили казаки по тундре. Соскучились по хлебу, обносились и в 1645 году решили, наконец, плыть с собранным ясаком и половиной служилых морем до Лены, а там подняться до Якутска.

В новом острожке остались тринадцать человек во главе с Дежневым и Вторым Гавриловым.

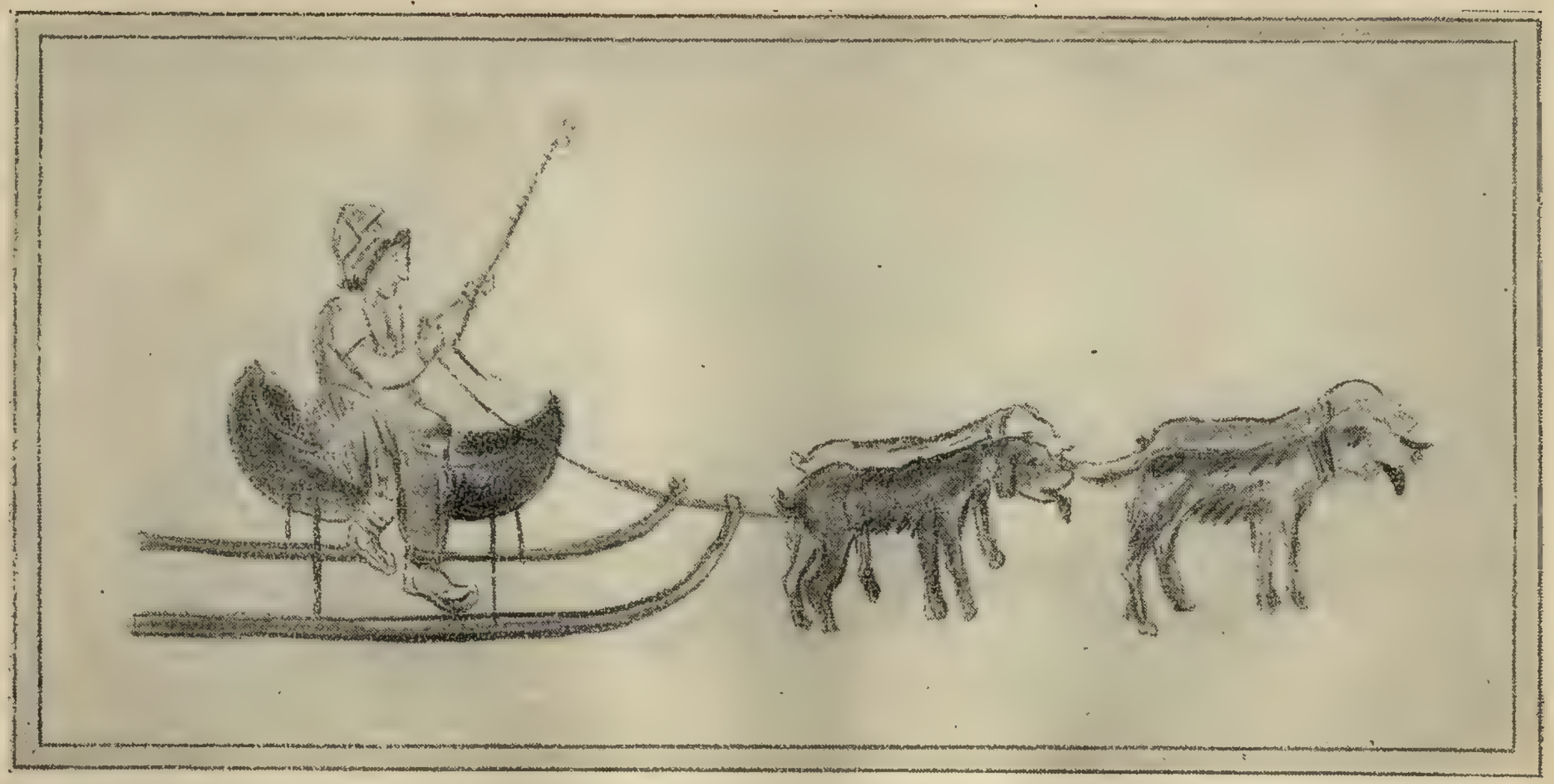
Ушли казаки, и острожек сразу опустел. Князец Аллай, брата которого Дежнев убил, скоро услышал, что в острожке осталось всего тринадцать человек. Больше пятисот туземцев «обсадили» острожек. «Огненный бой» не удержал нападавших. Они ворвались за частокол.

С безумной отвагой кучка казаков в рукопашную билась против сотен юкагиров. Казаки подобрались, очевидно, бога-

[1] Омоки, по предположению Огородникова, также юкагиры.

Нымылан (коряк)

Акварельный рисунок с рукописной карты начала XVIII века. Собрание Государственного исторического музея в Москве.



Ительмен (камчадал), едущий на собаках.

Акварельный рисунок с рукописной карты начала XVIII века. Собрание Государственного исторического музея в Москве.

Айн (курилл).

Акварельный рисунок с рукописной карты начала XVIII века. Собрание Государственного исторического музея в Москве.

Чукча.

Акварельный рисунок с рукописной карты начала XVIII века. Собрание Государственного исторического музея в Москве.

тырь к богатырю. Защищались они отчаянно. Железной стрелой Дежнев был ранен в голову. Все его товарищи тоже были изранены. Но отчаянный бой не на жизнь, а на смерть продолжался. Один из двенадцати казаков, имя которого осталось неизвестным, пробился к самому князцу Аллаю, сразился с ним и «твоим, великого государя, счастием, изменника Аллайка на съемном бою копьем скололи до смерти», — эпически сообщает Дежнев.

Отвага горсточки русских и гибель предводителя навели панику на нападавших. Они отхлынули, или, как скромно сообщает Дежнев, «убоясь смерти, отошли прочь от осторожку».

Большой и неожиданной радостью было возвращение Михайлова Зыряна. Он так и не доехал до Якутска. Где-то в море Зырян и его спутники встретились с партией Петра Новоселова, который был назначен целовальником (финансовым агентом правительства) «на дальние реки» и ехал туда с целой толпой служилых и промышленных людей. Новоселов передал Зыряну от якутских воевод наказную память. «...ему, Дмитрею, — писал Дежнев, в челобитной 1662 года, — велено быть на Ковыме реке приказным, до твоего государева указу, на тех новоприискных реках — на Индигирке, и на Алазейке, и на Ковыме, и на Собачье, и новые реки приискивать ему Дмитрею, с таможенным целовальником с Петром Новоселовым и с нами, холопи твоими, велено со всяким раденьем тебе, великому государю, прибыль чинить и вновь иноземцов под твою царскую высокую руку приводить и ясак с них искать» (№ 25, стр. 302—303).

Когда Зырян вернулся назад в Колымский острожек, Дежнев продолжал службу под начальством старого друга. О службе Дежнев сообщает очень скупо, всячески подчеркивая заслуги Зыряна, ставшего теперь приказчиком — управителем «новоприискных земелек».

Дежнев пишет:

«И он приказной Дмитрей Михайлов и целовальник Петр Новоселов тебе, государю, радели с великим раденьем — посылали нас, холопей твоих, на непослушников неясачных иноземцев, которые тебе, великому государю, не послушны и не покорны и твоего государева ясаку не платили, и мы, холопи твои, на твои, государевы, службы ходили на неясачных иноземцов, и голов своих не щадили, и кровь свою проливали, и голод терпели и всякую нужу принимали, и твой, государев, ясак мы, холопи твои, с неясачных людей збираем с великим раденьем» (№ 25, стр. 303).

Дежнев сообщает, что, по приказу Зыряна и Новоселова, отряд численностью свыше тридцати человек под его командованием ходил войной на государевых изменников — юкагирских мужиков. Юкагиры были смирены. В аманаты взят юкагирский мужик Аливин, сын Черма. Захвату заложника предшествовал бой, во время которого Дежнева снова ранили: «а меня, холопа твоего Сеньку, на той имке те юкагиры ранили в левую руку в мышку».

ГЛАВА X

В ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОХОД

Прошло года три-четыре после открытия Колымы. Понемногу она осваивалась. Строились зимовья и острожки в ее среднем и верхнем течении. Рос и Нижне-Колымский острожек. Толпами ринулись «на новоприискную реку» торговые и промышленные люди. Временно Нижне-Колымск стал как бы столицей северо-восточного угла Азии — резиденцией «государева прикащика» — управителя области и целовальника. Торговых и промышленных людей собралось столько, что Дмитрий Михайлов Зырян без труда нашел среди искателей наживы и приключений тридцать с лишним человек для похода Дежнева против юкагиров.

В 1646 году Нижне-Колымск был взволнован рассказом приехавшего с моря Исая Игнатьева. Этот предприимчивый мезенец вместе с группой промышленных и служилых людей ходил морем на восток, добрался до Чаунской губы и возвратился в Нижне-Колымск с большой и заманчивой новинкой — драгоценной моржевой костью, которая высоко ценилась тогда на рынке. Из расспросов выяснилось, что эту драгоценность Игнатьев выменял у прибрежных чукчей. Он сообщил также, что дальше на восток моржовой кости (ее называли «рыбьим зубом») еще больше.

Приезд Игнатьева послужил толчком. Торговые и промышленные люди начинают «сбивать» товарищество для добычи «рыбьего зуба». К лету 1647 года такое товарищество устроилось. Решили, помимо добычи моржовой кости, отыскать Анадырь реку, о богатствах которой среди русских уже давно ходили слухи. Главным организатором экспедиции был Федот Алексеев Попов, приказчик богатых устюжских торговцев Усовых.

Торговые люди в Сибири не отставали от служилых. Торговец являлся в каждую «новоприискную землицу» не

медля вслед за «подведеньем ее под высокую государеву руку». Не раз торговые люди шли вместе с казаками и промышленниками и вместе с ними «громили немирных иноверцев».

Почти вся торговля с Сибирью находилась в руках богатых купцов — «гостей». Торговали они, конечно, не сами, а через своих приказчиков. Одним из таких приказчиков и был Федот Алексеев Попов.

В Сибирь везли «товары на сибирскую реку» — топоры, таганы, котлы, ножи, полотно, кожевенные изделия, различные безделушки — бусы, зеркала, серьги и, наконец, по сговору с воеводами и приказными, «запрещенные товары» — табак и водку. Товары обменивались все на ту же валюту — на меха. «Мягкой рухляди» купцы вывозили из Сибири на громадные суммы. Так, в 1648 году одной десятинной пошлины они заплатили в четырех городах (Мангазея, Томск, Енисейск, Туринск) — 17 905 рублей. Это означает, что только через эти города вывезено мехов на 179 000 рублей, что равноценно примерно трем миллионам современных золотых рублей.

По просьбе торговых и промышленных людей, управители Нижне-Колымского острожка вместе с ними отправили Дежнева, который пользовался большим уважением за свою опытность и храбрость.

В своей челобитной 1662 года Дежнев писал:

«И после того торговые и промышленные люди ... на Ковыме реке таможенному целовальнику Петру Новоселову подали челобитную, чтоб их, торговых и промышленных людей, Федота Алексеева с товарищи, отпустили по твоему, государеву, указу на новую на Анандыр реку и на иные сторонные реки, для приску новых неясачных людей, гдеб, тебе великому государю, мочно было в ясачном зборе прибыль учинить. А обо мне, — продолжает Дежнев, — холопе твоем Семейке, те торговые и промышленные люди били ж челом, чтоб мне, холопу твоему, идти с ними вместе для твоего, государева, ясачного збору и для приску новых неясачных людей и для твоих, государевых, всяких дел» (№ 25, стр. 303. Первая челобитная Дежнева 1662 года).

Дежнев должен был хранить «государев» интерес — собирать десятую и другие пошлины с добычи, а ясак с туземцев. В товарищи ему дали Герасима Анкудинова.

Начали ладить для похода кочи плоскодонные — однопалубные лодки длиной около 25 метров. Ходили они под

веслами и парусами, причем вместо холста на паруса нередко употребляли выделанные оленьи шкуры. За недостатком железных изделий кочи обычно строили без единого гвоздя, без единой железной скобы. Плавать на таких кочах по немилостивому «Студеному морю» с его страшными «отдирными» ветрами, уносящими («отдирающими») несчастных мореходов от земли, с неменее страшными «прижимными» ветрами, когда пригнанные льды «прижимали» убогие суденышки и давили их, как скорлупки, могли только люди, мало ценящие свою жизнь.

Летом 1647 года четыре коча вышли в море. Вскоре они вернулись обратно — не пустили льды.

Первая неудача не остановила предприимчивых людей. Стали готовиться к плаванию на следующее лето.

Конечно, наши землепроходцы ничего не знали об изобретенном западноевропейскими географами Анианском проливе. Но, очевидно, они надеялись дойти до Анадырь реки.

Правда, на пути их ждал «Необходимый нос» (нос, который невозможно обойти). Проход был, но «камень протянулся в море, и около его обойти никто не может для того, что льды великие притискивают и растирают».

«Носа» не испугались, и 20 июня 1648 года шесть кочей[1] вновь направились из Нижне-Колымска к морю.

Экспедиция была многолюдная. В поход шла «сила» — девяносто человек. Смешно, конечно, говорить об отряде в девяносто человек, как о большой силе, но для людей, умевших вдесятером отбиваться от пятисот, а партиями в пятнадцать—двадцать человек завоевывать громадные области, девяносто участников похода казались, конечно, «силой».

В пути три коча пропали. Возможно, они утонули, возможно отбились. В. Берх сообщает, что впоследствии ходили у чукчей слухи, будто эти кочи были занесены к берегам Северной Америки. В 1779 году старшина одного из островов Гвоздева рассказывал, что на реке Хеуверене (в Северной Америке) живут какие-то неизвестные люди, похожие своим обличьем, платьем, языками и обычаями на русских (№ 6, стр. 87—90). Не исключено, что они просто испугались и вернулись. Если сейчас этот путь с опаской проходят пароходы и ледоколы, то итти по страшному «Студеному морю», да еще с обходом «Необходимого носа», на маленьких кочах могли только самые отчаянные смельчаки.

---

[1] Миллер говорит — семь, но мы придерживаемся сообщений самого Дежнева.

На счастье Дежнева и его спутников, лето выпало для плавания на редкость удачное, и в августе три коча, на которых находились Дежнев, Попов и Анкудинов, вышли в пролив между Азией и Америкой. Не зная того, Дежнев и его товарищи совершили великий научный подвиг, разрешили загадку, над которой бились не только их современники, но ученые и географы и последующего времени.

Очень тщательно Дежнев описал «Большой каменный нос», теперь названный его именем. Он писал, что в отличие от «первого Святого носа от Колымы» этот вышел в море «гораздо далеко». Дежнев очень верно определяет его направление: «а лежит тот нос промеж сивер на полуношник» (между севером и востоком), «заворачивает» к реке Анадырь «подлегло» (не круто). Против носа лежат два острова (Диомида или Гвоздева), на которых живут особой породы «зубатые чукчи» (эскимосы), у которых прорезаны нижние губы и в эти прорезы вставлены зубы [1].

Чтобы точнее определить положение «Большого каменного носа», Дежнев описал его береговую «признаку». С западной стороны носа «вышла речка», впадающая в море. По предположению Л. С. Берга: «Близ селения Увелен (на карте Угелен) (Уэллен — *В. С.*), расположенного на берегу Ледовитого океана, в трех милях к западу от мыса Дежнева, имеется лагуна, принимающая много пресной воды и соединяющаяся с морем узким протоком. Этот проток мог быть принят за речку. А кроме того... в 1912 году в пятнадцати милях к западу от м. Дежнева открыта довольно большая река, доступная в устье для судов средней величины. Местность при устье этой реки называется чукчами Сеймун» (№ 5, стр. 94).

Внимание Дежнева привлекали становья, «что башни из кости китовой». Повидимому, речь идет о полуподземных жилищах, которые раньше строили себе чукчи. Остовом для них служили ребра и челюсти кита.

Крепко запомнился «Необходимый» нос Дежневу. «...розбило у того носу судно служивого человека Ерасима Онкудинова с товарыщи, и мы, Семейка с товарыщи, тех разбойных (разбившихся — *В. С.*) людей имали на свои суды».

Не ладивший с Дежневым Анкудинов перешел на кочь Федота Алексеева.

20 сентября казакам пришлось высаживаться на берег,

---

[1] Изложение похода и дальнейшей жизни на Анадыре взято из отписки Дежнева и Семенова 1655 года (№ 11, стр 16—27).

видимо, за водой или провизией. Чукчи приняли их неласково. Произошло столкновение — «драка» по скромному выражению Дежнева, во время которой был ранен Федот Алексеев.

Дальше Дежнева и его товарищей поджидали еще большие напасти.

В конце сентября они вступили в Тихий океан. И, словно рассвирепев, океан встретил отважных пришельцев грозной бурей, разбросавшей в стороны оба коча и навсегда разлучившей их.

Долго «неволею» гонял разбушевавшийся океан дежневский коч. Только после 1 октября где-то южнее Анадыря его выкинуло на берег.

Взяв с разбитого коча все, что могли, главным образом оружие и инструменты, Дежнев с его спутниками пошли назад к устью Анадыря. Из всей экспедиции в живых осталось всего 25 человек.

Шли десять недель, шли, по горькому описанию Дежнева, «холодны и голодны, наги и босы». Наступила зима, начались морозы и метели. Реки замерзли, рыбу ловить нельзя, зверей нигде не встретишь. Чем питались путники дорогой, как хватило сил добраться до цели — неизвестно.

Дошли до Анадыря «внизу близко моря» во второй половине декабря и тут, пишет Дежнев, «с голоду мы бедные врознь розбрелись». Тринадцать человек, в том числе и Дежнев, остались на месте, стали строить из плавника зимовье, а двенадцать горемык пошли вверх по Анадырю искать пищи и людей.

Поиски продолжались двадцать дней. Ничего не найдя, пошли обратно. В трех днях пути от становища вконец обессилели, выкопали в снегу ямки и легли.

Только у одного из двенадцати взяла верх воля к жизни: «а с ними был промышленой человек Фомка Семенов Пермяк, учал им говорить, что-де тут нам ночевать нечего, пойдем-де к стану, к товарищам». Конечно, не один Пермяк, а все они понимали, что ночевка в снегу равносильна смерти. Но ослабевшие от голода, полузамерзшие люди не могли двигаться. Только двое — Сидорка Емельянов да Ивашка Зырянин, собрав остатки сил, поплелись вместе с Пермяком. «...а достальные люди тут остались, потому что с голоду итти не могут». Последняя их просьба, переданная через Пермяка Дежневу, чтобы он «послал им постеленко спальное и парки худые и чем бы де нам напитатися и к стану добрести».

До зимовья дошли двое — Пермяк и Емельянов [1]. Страшным, вероятно, был их путь.

Пришедшие передали просьбу о помощи. Немедленно Дежнев послал к ним партию, а с ней «последнее свое постеленко и одеялишко». Но посланные уже не нашли отставших. Пурга успела их заморозить и похоронить.

За зиму умерло еще несколько человек. Дежневский отряд уменьшился до двенадцати человек.

Немного осталось от экспедиции... Совсем немного... Но Дежнев, а за ним и все его товарищи не унывали. С наступлением лета 1649 года, построив коч из выкинутого морем леса, они поплыли вверх по Анадырю. Дошли до стойбищ анаулов, живших в то время по среднему течению Анадыря в перемежку с чуванцами и ходынцами [2]. Ясно, что добром эта встреча не кончилась. Был бой, на котором снова (в какой уже раз!) ранили Семейку. Но анаулов разгромили и ясак с них взыскали. Ясак, видно, был взыскан небольшой, так как Дежнев поясняет, что «те анаулские люди говорили, что-де у нас соболя нет, живем-де не у лесу, а приходят-де к нам оленные люди, и те оленные люди придут, и мы-де у них соболи купим и ясак государю принесем».

В среднем течении Анадыря казаки поставили зимовье, впоследствии — Анадырский острог. Зиму 1649/50 года провели в нем.

Дежнев понимал, что с таким маленьким отрядом взыскивать ясак с воинственных чукчей, коряков, анаулов и ходынцев нельзя. Больше всего тревожило Дежнева то, что порох и свинец были на исходе. Надо было пробираться назад. Он понимал, что необходимо либо пробраться назад на Колыму, либо дать знать туда об их тяжелом положении. Но в Нижне-Колымском острожке и без просьбы Дежнева снаряжался поход на Анадырь.

Летом 1649 года Михайло Стадухин, видимо, задумал, по примеру Дежнева, проплыть на Анадырь морем. Поход был неудачным. Стадухин дошел до реки, называемой им «Погычю», встретил там «небольших людей коряцких» и за-

---

[1] Почему-то все биографы Дежнева утверждают, что к зимовью добрались все трое, хотя сам Дежнев определенно пишет: «Фомка и Сидорко до стану дошли». О судьбе третьего, Ивашки Зырянина, он ничего не говорит. Вернее всего он умер в пути.

[2] Анаулы — скорее всего племя, родственное корякам. Чуванцы и ходынцы — юкагирские роды. Чуванцы жили в тот период по Анадырю и Пенжине, ходынцы — по Анадырю, Б. Анюю, Омолону.

хватил несколько человек в плен. Из расспросов пленных Стадухин узнал, что «впереде де людей много есть, а реки де они не знают никакой». Обескураженный, он повернул обратно и 7 сентября вернулся в Нижне-Колымский острожек.

Во время этого похода приказчик Нижне-Колымского острожка, сын боярский Василий Власьев с целовальником Кириллом Коткиным послали служилых и промышленных людей под начальством Никиты Семенова в верховья Анюя — правого притока Колымы. Они погромили там, как рассказывают в своей челобитной Никита Семенов и другой участник этого похода, Федор Ветошка (№ 11, стр. 12 и 16), «неясачных людей ходынцов», взяли у них аманата, какого-то «лутчево мужика». Ангара. Ангар рассказал, что «есть-де за Каменем (Анадырский хребет — *В. С.*) новая река Анандыр, а подошла-де та река Анандыр к вершине Анюя реки близко». Таким образом на эту давно манившую землепроходцев реку Анадырь можно было попасть и не морем, как Дежнев, а более легким и удобным речным путем — подняться к верховьям Анюя, перевалить горы и дойти до истоков Анадыря.

Сведения о новом пути снова всполошили население острожка. Быстро начал готовиться поход под началом Семена Моторы. «И по тем расспросным речам прибрались охочие промышленные люди, а били челом..., чтоб их государь пожаловал, отпустил в те новые места, на ту захребетную реку Анандырь, отпустил бы для приписку вновь ясачных людей и приводу под царскую высокую руку». С Семеном Моторой должны были итти промышленные и служилые люди.

К этому времени возвратился из своего неудачного похода Михайло Стадухин, давно уже стремившийся на эту «захребетную реку». Узнав, что на Анадырь реку открыт новый путь (он сам еще раз расспросил пленных, захваченных в верховьях Анюя) и что туда отправляется экспедиция под начальством Семена Моторы, Стадухин пришел в бешенство. Инициатива снова была у него перехвачена. Он всячески стал расстраивать экспедицию, желая стать во главе отряда.

Чего-чего только он не предпринимал, чтобы добиться своего. «Учал он Михайл с товарищи — пишет Ветошка, — на нас холопей и сирот твоих гритца (злобиться — *В. С.*), и угрожать, и всяко враждовать, и изгонять зависти ради..., подавал на Колыме реке... изветные челобитные... взводя на нас напрасное воровство».

Не удовлетворившись доносами колымским властям, Стадухин послал отписку якутским воеводам, причем писал, по уверению Ветошки, «по своему напрасному жестокосердию, на нас все ложно». Стадухин пытался запугать участников экспедиции, говоря, что он пойдет вперед и будет забирать, «где случитца быть корм и оружье и всякой завод и собаки и нарты». Наконец, двух участников не пожелавших перейти под его начальство, Матвея Калинина и Кирилла Проклова он вместе со своими товарищами, беглыми служилыми людьми, избил у себя на дому.

Убедившись, что ему не удастся сорвать намеченный поход, Стадухин создает новую партию. В конце февраля или начале марта 1650 года на Анадырь направились сухим путем два отряда — Семена Моторы и Михайлы Стадухина.

Стадухин «озоровал» уже дорогой. В верховьях Анюя 25 марта отрядом Моторы был захвачен «в аманаты ходынский мужик». Он послал наказ своим родичам, явиться «к нам на кош с государевым ясаком». Родичи пришли, но успели передать только девять соболей, так как расположившийся недалеко Стадухин «учинил стрельбу из оружия, не ведомо для чего, и тех иноземцев отогнал... а чаяли, — меланхолично добавляет Никита Семенов, — что мочно было с тех иноземцев государева ясаку и больше того взять, потому что иноземцев было немало, человек с полста и больше».

Перевалив через хребет и выйдя к верховьям Анадыря, Стадухин прислал в отряд Моторы двух послов — Василия Бугра и Василия Вилюя. «...а говорили они, — рассказывает Ветошка, — так: велел-де нам Михайло Стадухин говорить вам всем Семеновым товарищем, чтоб вы пошли и били челом в полк (отряд — *В. С.*), ему Михайлу, а буде-де не послушаете и к нему Михайлу в полк не пойдете, и вас-де Михайло велит побивать всех на голову».

Чтобы добиться признания себя главным начальником, Стадухин решился на явное беззаконие: он захватил в плен оплошавшего Мотору, девять дней продержал его в колодках и, как рассказывал потом Мотора, «вымучил де у меня в колоде он, Михайло, таково писмо, чтоб мне, Семену с товарищи на Анандыре государевы службы особне не служить, кроме его Михайла, и быть под началом у него, Михайла».

23 апреля 1650 года отряд Семена Моторы дошел до дежневского зимовья. Дежнев и Мотора соединили своих людей и «стали, — как сообщает Ветошка, — твою государеву

службу служить вместе». Но со Стадухиным отношения не наладились. Даже в то суровое время Стадухин выделялся своей жестокостью и жадностью, что претило Дежневу. Конечно, и Дежнев был небезгрешен, но он был умереннее, мягче остальных и уж, конечно, Стадухина.

Вскоре произошла крупная стычка со Стадухиным. Дежнев взял ясак с одного анаульского рода. Не обращая на это внимания, Стадухин бросился на тот же род, начал без пощады избивать туземцев и, наконец, осадил их острожек. Дежнев с отрядом пришел на выручку к своим подъясачным. У острожка Дежнев стал выговаривать Стадухину, что он «негораздо делает, побивает иноземцев без розбору». Стадухин с издевкой сказал, что эти люди не ясачные, а если они ясачные, так «ты-де поди к ним, и зови их вон из острожку и государев ясак возьми с них». Он считал, что после учиненного им погрома никто и носа не высунет из острожка.

Но Дежнева знали, и после его ласковых уговоров один из туземцев вышел с ясаком. Взбешенный Стадухин начал ругаться и, вырвав у Дежнева ясак, стал бить его по щекам.

Не любивший ссор Дежнев решил держаться подальше от Стадухина. Так же как и в индигирском походе, он снова уходит от него.

Летом 1650 года Дежнев вместе с Моторой направился с Анадыря на поиски новой «захребетной реки» Пенжины. «Ведомых вожев» (сведущих проводников) туда не было, и Пенжины не нашли. Пришлось, «видя нужную голодную смерть», возвратиться обратно на Анадырь.

Осенью того же года Стадухин послал отряд на анаулов, живших на Анадыре, ниже дежневского зимовья. Весь отряд анаулы перебили, а сами ушли в низовья Анадыря.

Забыв все свары со Стадухиным, Дежнев с Моторой решили итти в поход на анаулов, по словам Ветошки, «за их ослушание и за убойство русских людей».

Анаулы уже поставили на новом месте острожек. Дежнев хотел кончить дело миром. «...мы их из острожку вызывали,— пишет он, — чтоб они государю вину свою принесли и ясак бы государев с себя дали». Но мирные предложения кончились неудачей, и начался бой.

Вскоре казакам удалось ворваться в острожек и схватка перешла в рукопашную. «...и мы с ними бились на острожке ручным боем, друг за друга имаяся руками». Анаулы сражались отчаянно, убили служилого Прокопьева и трех про-

мышленников — Афанасьева, Материка и Проклова. Многих поранили: «Пашка Кокоулина на том приступе топором и кольем изранили в голову и в руку, и он, Пашко, немочен был всю зиму». Ранили Салдатку, Никитина, Фому Семенова и других. В конце концов, как пишет Дежнев, «бог нам помог тот их острожек взять и их анаулей смирить ратным боем». В аманаты взяли «лутчево мужика Когюню».

В январе 1651 года дежневский отряд сильно голодал. Кормились одной кедровой корой «да чем бог пошлет».

Было немного свежей рыбы, но ею кормили аманата, боясь как бы он не умер от голоду. Казаки, очевидно, считали, что их желудки выдержат любую «ядь сквернную», а аманат от нее может «оцынжав помереть». Эта необычная забота об аманате, по сибирским понятиям, считалась почти глупостью. О них заботились куда меньше, чем о собаках. Выживет — хорошо, не выживет — другого добудем. В одной из отписок рассказывается, как казаки набрали аманатов на Охотском побережье, сковали и посадили «в баньку». Иногда давали поесть и попить, иногда забывали. А однажды, когда пришли проведать аманатов после долгого перерыва, увидели, что в живых остался только один. А остальные — кто умер с голода, кто «сомлел от тяготы и духоты» маленькой полуподземной избенки.

К голодающей дежневской партии спешили на выручку товарищи. Услыхав об этом, Стадухин напал на эту партию, «пограбил корм, и оружье, и платье, и собаки и нарты, и всякой борошен», да еще и избил людей. Дежневский отряд был обречен на дальнейшую голодовку.

Дело дошло до того, что в феврале 1641 года к Дежневу и Моторе пришли два стадухинских спутника — Платон Иванов и Павел Семенов — и заявили, что Стадухин хочет «итти... к зимовью и хочет-де разграбить, а служилых людей побить, и они-де, Платко и Павел, того не хотя, от него, Михайла, отошли».

К счастью, Стадухину скоро надоело на Анадыре. Он не мог не понимать, что главенства не добьется, что не удастся ему сладить с Дежневым и Моторой ни силой, ни угрозами и решил поискать «новых неведомых землиц».

9 февраля со своим отрядом он направился на реку Пенжину. «Река безлесная, — пишет он про нее, — а людей по ней живет много род, словут коряки». С Пенжины Стадухин перешел на Гижигу, или, как он ее называет «Изигу». Со своими «невеликими людьми» Стадухин не мог собрать

здесь ясака, но уверяет, что тут возможна в будущем «прибыль немалая в ясачном сборе». С реки Гижиги «морем пришел я, — пишет Стадухин, — в судне на Вирямду реку, и Товуем зовут ту же реку». Взял там Стадухин трех аманатов и собрал сорок соболей ясака. Ввиду «безлюдства» на Товуе он переправился на реку Охоту. В Охотском острожке взятых им аманатов он передал тамошнему приказчику.

Как свободно вздохнули Дежнев с Моторой после ухода буйного и наглого Стадухина! В новый поход со Стадухиным пошли далеко не все его спутники, — часть их, в том числе и небезызвестный Василий Бугор, перешли к Дежневу.

Весной 1651 года, вскоре после ухода Стадухина, Дежнев с Моторой предприняли поход к верховью Анюя на ходынцев. Был бой, «а на той драке, — пишет Дежнев, — пятидесятника Шалама Иванова ранили смертною раною, а помер он на Анандыре реке того же году июля в 5 день». Ранили еще несколько казаков.

Особенно отличились в бою Ветошка, Бугор и Кокоулин.

Так в боях и походах проходило время. Летом прибавились новые неприятности и заботы.

Дежнев, который старался жить по-хорошему с туземцами, вносившими ясак, пишет, что родичи захваченных им аманатов «по прежним своим угодьям стали жить по старому». Захваченного после отчаянного боя в Анаульском острожке аманата Когюню Дежнев отпустил на волю.

Неожиданно к ясачным туземцам пришел «анаульский же мужик Мекерко с родниками своими» и «многих побил на смерть». В ноябре Мекерко совершил второй набег, во время которого убил Когюню и всех его родичей.

Услыхав об этом, анаульский аманат Колупай и его родственник Лок 7 декабря били челом Дежневу, «чтобы... шли б на того Мекерку мы, служилые люди и промышленные, и их бы смирили ратным боем, что побил-де он, Мекерка, отца и родников наших, а вперед-де он, Мекерка, тем же обычаем и вас, государевых служилых и промышленных людей, хочет побивать».

Дежнев с Моторой решили заступиться за своих ясачных. В начале 1652 года они пошли в поход на Мекерку. Пробовали его усовестить, но он, по словам Дежнева, «учинился не послушен». Бой кончился неудачно: убили Семена Мотору, ранили Кокоулина, Ветошку, Сидорова. Русские захватили только женщин и детей. Мужчины с Мекеркой прорвались и ушли. После смерти Моторы начальство над отря-

дом перешло к Дежневу, а «товарищем» (заместителем) его стал Никита Семенов.

Летом 1652 года Дежнев открыл знаменитую «коргу» — отмель, куда «вылегали» в большом количестве моржи.

Описание этой драгоценной отмели дают Дежнев и Ветошка.

«И того ж 160 году, — пишет Дежнев, — пошли мы в судах на море, чтоб где государю учинить прибыль большая, и нашли усть той Анандыру реки корга, за губою вышла в море («далеко», добавляет еще Ветошка — *В. С.*), а на той же корге заморной зуб зверя того (старые клыки моржей — *В. С.*), и мы, служилые и промышленные люди, того зверя промышляли и заморной зуб брали, а зверя на коргу вылегает добре много, на самом мысу вкруг с морскую сторону на пол версты и больше места, а в гору сажен на тридцать и на сорок, а весь зверь с воды с моря на землю не вылегал, в море зверя добре много у берегу».

Зверя на этой отмели было так много, что «промышленные люди поморцы и они сказывают, что в Русском-де Поморье столь много того зверя нет».

«Коргу» открыли 29 июня, но пробыли там недолго — всего до 17 июля. Причиной этого, по словам Дежнева, было то, что запасами продовольствия отряд не располагал, а рыбная ловля — основной источник питания, — находилась высоко на порогах Анадыря. Длительная задержка на «корге» грозила голодной смертью.

После этого начали ходить на «коргу» для добычи драгоценного «рыбьего зуба» каждый год.

Между прочим, Дежнев заметил, что «во 162 году (1654 году — *В. С.*) зверь вылегал пожже, первой промысел был о Ильине дни (20 июля — *В. С.*), а потому вылегал пожже, что льды от берегу не отнесло».

В марте или апреле 1653 года отряд Дежнева ходил в поход на чуванцев, живших в верховьях Анадыря. «...и они люди оленные сами ушли и жен и детей увезли». Казаки захватили только несколько ребятишек. Вскоре чуванцы «скопяся многие люди», неожиданно напали на русских, убили служилого человека Ивана Пуляева, четырех промышленников, многих поранили и отбили своих детей.

Пуляев, бывший целовальником в дежневском отряде, на случай своей смерти, распорядился все «статки» передать в государеву казну. Из перечисления этих «статков» видно, что служилые люди неплохо нажились на Анадыре.

Уже пришло время отправить «государеву казну». Летом 1653 года Дежнев и Семенов добыли лес, построили кочи и хотели было итти в Якутск морем, проделать обратно дежневский путь. Но от этого пришлось отказаться «и яз Семейка, — объясняет Дежнев — с товарыщы то ведаем, что море большое и сулои великие о землю близко, без доброй снасти судовой, и без доброго паруса и якоря, итти не смели, и иноземцы говорят: не по вся-де годы льды от берегов относит в море».

Отправлять государеву казну «горою через Камень» Дежнев также не решался, — нехватало охраны, «многие служилые и промышленные люди на государевых службах побиты». Самым безопасным казалось ему принять следующее предложение туземцев. Приходившие к Дежневу зимой и весной 1654 года родичи аманата Чекчоя обещали за железо доставить государеву казну в следующем 1655 году на Анюй реку на оленях.

10 апреля 1654 года снова ходили в поход на чуванцев. На этот раз взяли двух аманатов — Легонту и Пондонзя. Пондонзя или Подонец, — писал Дежнев, — «на той имке... резал меня, холопа твоего Семейку, в грудь ножом».

27 апреля пришла с Колымы новая партия русских, под начальством Юрия Селиверстова. Не заходя в зимовье, Селиверстов набросился на родичей Чекчоя, отнял у них корм, промысловое оборудование, «самих их иных ранил и на смерть убил». После этого он направился к морю и натолкнулся на ранее найденную Дежневым «коргу». Решив присвоить ее, Селиверстов послал в Якутск отписку. «Писал де он Юрья в Якуцкой острог, — сообщает Дежнев, — что ту коргу и морского зверя и заморную кость зверя того приискал он Юрья преж сего, как был с Михайлом Стадухиным». Чтобы опровергнуть эту ложь, Дежнев сообщал, что Стадухин во время своего похода в 1649 году на Погычу реку, не доходил не только до Анадыря, но и до Большого каменного носа. Этот нос обошел он, Дежнев. В этой челобитной Дежнев и описал со всеми подробностями Северо-Восточный мыс, обойденный им. Не будь злосчастной «корги», мы, пожалуй, и не узнали бы о плавании Дежнева вокруг Чукотки.

Русских на Анадыре было мало. С Селиверстовым пришлось помириться. Видимо, Дежнев счел, что «худой мир лучше доброй ссоры». Он даже дал Селиверстову два коча и карбас, «чтоб у них государева служба, без судов и без

снасти, в год не застоялась». На добычу моржовой кости в 1654 году обе партии пошли вместе, хоть и жаловался потом Селиверстов, что «Семен Дежнев с товарищи... мне, Юшку, не дадут на государя промышлять на той корге тое кости моржевого зуба» (№ 11, стр. 9—12).

По сообщению Дежнева и Селиверстова, во время их пребывания на «корге», к ним тайно приходили коряки «убойства для».Чтобы обезопасить себя от нападений, русские решили прогнать коряков, живших недалеко от «корги». В крепком острожке они нашли четырнадцать юрт. «Бог нам помог, — пишет Дежнев, — тех людей разгромили», но пленных было мало, захватили лишь несколько женщин и детей, остальные все пробились и ушли, «потому что они люди многие... а мы были люди невеликие, всех нас было двенадцать человек».

В этом бою Дежнев «отгромил якутскую бабу»[1], ехавшую с Федотом Алексеевым на втором коче. Она рассказала Дежневу, что их коч выкинуло на берег, но где — она не знает.

Федот Алексеев и Анкудинов «померли цынгою». Часть других спутников перебили туземцы. Остались только «невеликие люди». Они кое-как починили коч и, по образному выражению «якутской бабы», «побежали в лодках с одною душою» (с голыми руками) неведомо куда.

По сообщению Миллера и Крашенинникова, этот коч выбросило на берег около реки Камчатки. Участники Первой Камчатской экспедиции Беринга (1728 год) видели на реке Федотовке остатки двух русских зимовий.

О плавании русских на Камчатке помнили еще во времена Атласова, то есть через пятьдесят лет. Камчадалы вначале приняли русских за неведомых богов. На несчастье, новоявленные «боги» разодрались до крови. После этого их божественное происхождение было подвергнуто большому сомнению, так как, по поверьям камчадалов, боги не имеют крови. С тех пор камчадалы стали смотреть на пришельцев как на обыкновенных людей, перестали их бояться, и скоро все русские были перебиты.

Немало сил пришлось потратить Дежневу для управления своими своевольными служилыми людьми. Они плохо слушались своего начальника, а любая попытка проявить строгость приводила к тому, что они убегали к Селиверстову. Очень

---

[1] Достоверность «отгрома якутской бабы» Дежневым и ее рассказа нельзя считать вполне доказанной. (*Прим. ред.*)

досадил Дежневу Евсейка Павлов, перешедший к нему из отряда Стадухина. На него непрерывно жаловались промышленные люди — от Евсейки им «обида великая». Хотели судить его, а «он, Евсейко, под суд не даетца», — пишет Дежнев, — мутит служилых и промышленных людей.

После какой-то особенно злой «обиды» Терентия Никитина Евсейку поставили на суд. Он держал себя на суде нагло. «...и я, Семейка, — пишет Дежнев, —за то невежество хотел его, Евсейка, ударить батогом». Суд кончился довольно неожиданно — Евсейка убежал к Селиверстову.

Большой неприятностью было то, что Дежневу не удалось отправить с родичами аманата Чекчоя собранный им ясак. Возвратившись из поездки, Чекчой 11 марта 1655 года подал челобитную, в которой сообщал, что приходили к его родичам с реки Пенжины немирные коряки, побили многих людей, взяли в плен жен и детей и отогнали оленей.

«...и всегда, — жаловался Чекчой, — нам от тех людей всякая обида и убойства и грабеж, и нам-де те люди не в мочь, и чтоб их государь пожаловал, послал бы на тех людей своих государевых всяких служилых людей, с ними ясачными людми вместе, и тех бы коряцких людей смирил».

Родичи Чекчоя, испытав погром Селиверстова и коряков, «государевы казны за Камень на Анюй реку не повезли», но обещали сделать это в 1656 году. Тогда «и ясак-де государев заплатим против прошлого... году... с прибылью».

Дежнев попытался отправить государеву казну на Колыму с казаками, но те постарались увильнуть от этого. Ветошка откровенно заявил, что станешь меня силком гнать «и яз-де отойду к Юрью Селиверстову, а казны-де мне волотчи не можно». В своей челобитной царю Ветошка объясняет причину отказа казаков везти государеву казну:

«А потому, — пишет он, — твоя государева ясачная и десятинная соболиная казна и рыбья зубу в нынешнем во 163 году (1655 году — *В. С.*), весною, не вышла (не вывезена — *В. С.*), что мы, холопи и сироты твои, кормом нужны, ядим мы красную заморную рыбу, а ныне по плесам кормимся, и поднятца с твоею государевою казною не могли».

В пору споров о доставке ясака Дежнев составил небольшое («государевых всяких дел писать не на чом, бумаги писчей нет») описание долины Анадыря реки. Он писал:

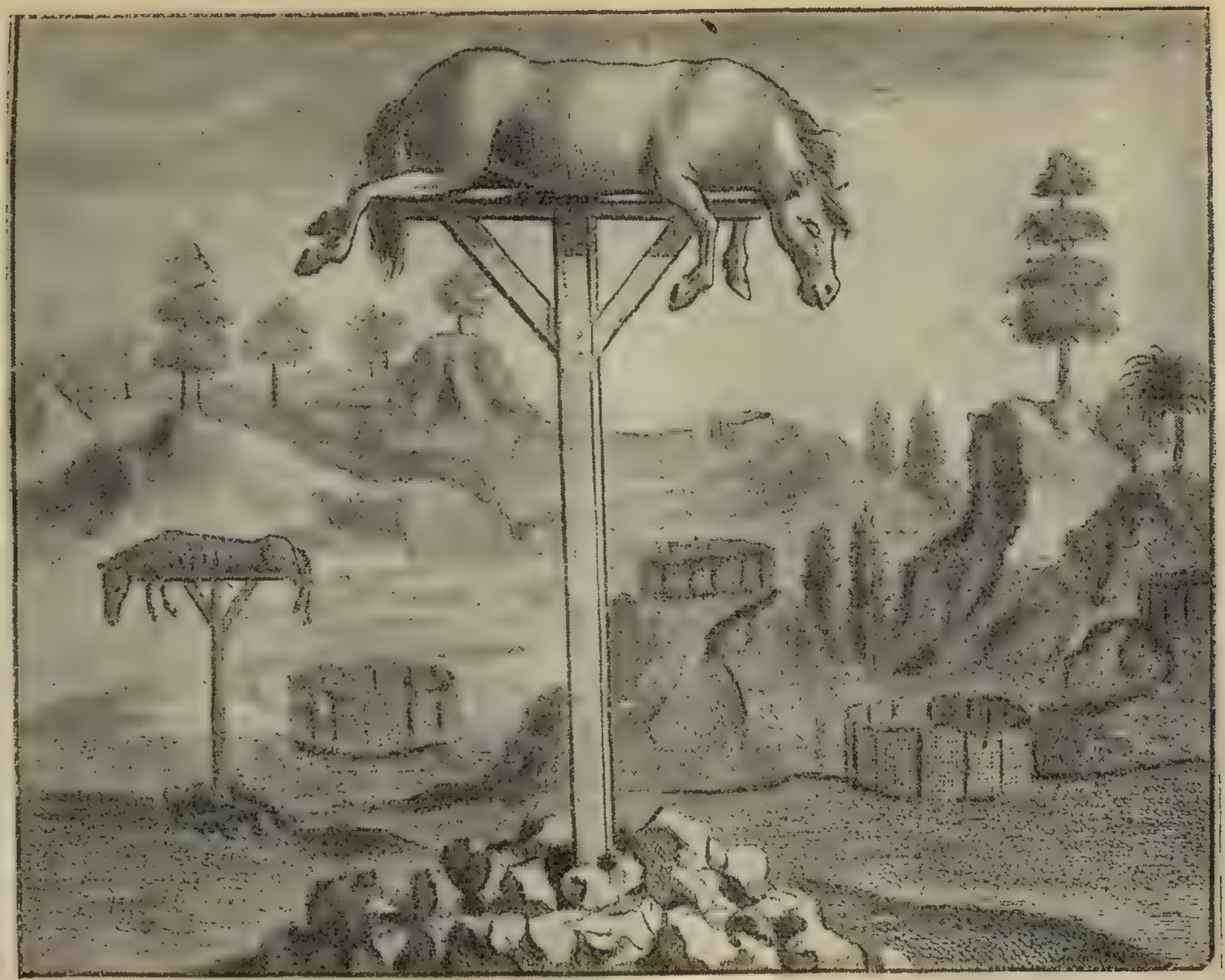
«А река Анандырь не лесна и соболей по ней мало, с вершины малой листвяк днищей на шесть или на семь (на расстоянии 6—7 дней пути — *В. С.*), а иного черного лесу

Зэгэтэ-або—Охота загоном на оленей у бурят.

Гравюра из книги Избранта Идеса „Путешествие в Китай". Лондон, 1706, Three years travels from Moscov over-land to China (by E. Isbrants Ides, ambassador from the Czar Moscovy to the Emperor of China).

Бурятское селение.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".



Погребение у тунгузов (эвенков).

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".

Бурят с женой и дочерью.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария"

нет никакого, кроме березняку и осинника, и от Малого Маена (Маин — правый приток Анадыря — *В. С.*) кроме талника нет лесу никакого, а от берегов лесу не широко, все тундра, да камень; а той реки Анандыре чертеж с Онюя реки и за Камень (горы — *В. С.*) на вершину Анандыру и которые реки впали большие и малые и до моря и до той корги, где вылягает зверь; а ходу с вершины Анандыру до ясачного зимовья с Камени грузными нартами недели две или больше». Дальше описывалось рыболовство: «а рыбы красной приходит много, и та рыба внизу Анандыру от моря идет добра, а вверх приходит худа, потому что та рыба замирает вверху Анандыру реки, а назад к морю не выплывает... рыбы добываем мы мало, потому что сетей добрых у нас нет, емлем мы новые сети ценою в долг рублев по пятнадцати и больши..., а людей у нас заводных пришло мало, платным и сетяным и всяким заводом должитца не у кого».

Любопытно, что популярная в тех местах кета совсем не нравилась казакам. Полагая, что туземцы разделяют их вкусы, казаки своих аманатов рыбой не кормили, чтоб «им с того нужного (съедаемого по нужде — *В. С.*) корму оцыжав не помереть...».

Дежнев не ограничился этим коротеньким географическим очерком, он составил и «чертеж» — карту Анадыря и Анюя реки «и которые реки впали большие и малые и до моря и до той корги, где вылягает зверь».

ГЛАВА XI

СТУДЕНОЕ МОРЕ

В дошедших до нас челобитных казаки очень скупо рассказывают о своих походах, считая их делом обыкновенным. К счастью, сохранилось довольно подробное описание похода служилого человека Тимофея Булдакова в 1649 году из Якутска в Колымское ясачное зимовье. Оно дает довольно полное представление об испытаниях, выпадавших на долю казаков во время плаванья по «Студеному морю» (№ 10, стр. 280—283).

Забрав с собой «государево денежное и хлебное жалованье» для колымских казаков, порох, свинец, медь и другие припасы, Тимофей Булдаков отправился вниз по Лене на коче. Из-за противных ветров одним летом до моря не дошли и зазимовали в Жиганске. 2 июля 1650 года выплыли

к морю и четыре недели простояли в устье реки, «потому что были ветры с моря к земли прижимные».

Дождавшись наконец «пособного» ветра, казаки дошли до Омолоевой губы (речка Омолой впадает в Борхайскую губу между Леной и Яной к югу от Янского залива). Бухта была забита льдом. С этим льдом восемь дней носило коч пока не прибило к острову. Булдаков поясняет: «тот остров поблизку от Лены реки».

У острова простояли шесть дней. Лед стало отгонять на север. Вырвавшись из него, снова «побежали» за Омолоеву губу.

Снова лед... Снова дрейфовали четыре дня... На пятый день «из того льду выбивались и просекались назад день, потому что лед вперед не пропустил».

Вернулись к устью Лены. К этому времени там собралось еще восемь кочей служилых, торговых и промышленных людей, направлявшихся в поход на «дальние реки».

Дождавшись «пособных ветров», все кочи «побежали» вместе. «...бежали с великою нужею промежь льды», — сообщает Булдаков. За Омолоевой губой «пробивались» и «просекались» во льдах к земле «заедино», рубили лед со всех кочей. Возле земли день шли по протоке на веслах. В этой протоке встретили еще четыре коча служилых и промышленных людей, возвращавшихся в Якутск с «соболиною казной». Встреча была мимолетной, так как, к счастью, подул «пособный» ветер, с которым в одни сутки дошли до устья реки Яны.

За Яной казаков снова ждали неудачи: «в те поры почали ветры быть прижимные с моря и льдом задавило». Кое-как, пробиваясь около берега, дошли 29 августа к Святому носу.

Святой нос обогнули с попутным ветром. Благополучно дошли до Хромской губы (Хромая — река между Яной и Индигиркой). Там не только около самой губы, но «и море далече» было покрыто сплошным льдом. Стали покрываться молодым льдом и свободные пространства воды. Добрались до берега.

На утро море «стало» — замерзло. Вблизи была земля. Но едва Булдаков с товарищами решил по окрепшему льду «волочитца на землю на нартах... потянули ветры отдерные от земли». Лед вместе со вмерзшими в него кочами понесло в открытое море.

Пять суток путников носило со льдом. Наконец ветер стих, льды остановились и стали смерзаться. На третий день

лед мог уже человека «вздымать». По нему можно было передвигаться. Но куда? В какой стороне земля? «...и мы учали проведывать земли в которой стороне, не убоячись смерти ходить по человеку и по два и по три», — пишет Булдаков.

Земли не нашли, но в одном дне пути отыскали коч служилого человека Андрея Горелова, направлявшегося из Якутска на Индигирку. Горелов тоже не смог точно ответить на вопрос, где лежит земля. Он считал, что суша находилась к юго-востоку. Булдаков отправил в этом направлении двух человек. Проходили день, но земли не нашли.

Вернувшись от Горелого на свой коч, Булдаков собрал на совет «бывальцев» (бывалых людей) с оставшихся пяти кочей.

Что делать? «...на землю ли государева казна волочить, или к Ондрееву кочю?».

«Бывальцы» посоветовали, что «пристойнее-де волочить государева казна к Андрееву кочю, потому что тот коч к земле ближе».

С этими вестями и наказом проведать землю отправили к Горелому трех человек. На следующее утро, построив самодельные нарты, стали готовиться к пешему походу. Сели, чтобы последний раз перед походом позавтракать поплотнее, как вдруг стало лед ломать. Поднялся сильный ветер. Кочи со льдом погнало быстрее «парусного побегу». Спустя пять суток ветер стих, льды остановились и начали «ночемержи» (разводья?) мерзнуть. Лед снова окреп.

«...не хотя на тех кочах, — как пишет Булдаков, — напрасною, нужною смертию помереть без дров и без харчю», казаки вынесли из них хлебные запасы на лед, решив пробираться к земле. «...а в море лед ходит по водам без ветру и затирает теми льды заторы большие», — эпически сообщает Булдаков.

Всем было ясно, что смерть одинаково подстерегала людей и на льду и в переломанных кочах.

Но что будет с «государевой казной?».

Булдаков обратился с просьбой о помощи к торговым и промышленным людям. Те сначала наотрез отказали «сволочить государеву казну» на берег, заявив, что они сами «перепропали вконец, и земли-де не ведаем, в которой стороне выпадем и на которое место, и будем ли живы или нет». После новых просьб торговые и промышленные попросили дать им время подумать.

Однако через несколько часов они пришли на казенный коч Булдакова и заявили, что каждый из них может взять

по одному фунту казны, «а больше-де не в мочь, не знаем-де мы и сами, что над нашими головами будет». Служилые люди согласились взять по три фунта. Булдаков взывал к их чувству долга — на коче оставались и порох, и свинец, и медь.

Служилые упорствовали:

«Идем-де мы другой год, и государево хлебное жалованье и харчь дорогою съели, и морем идучи долгое время, в море без дров и без харчю и соляной морской воды перецынжали... и больше трех фунтов государевы казны волочь нам не в мочь, потому что нарт и собак у нас нет, и далеко ли земля или близко того мы не ведаем, дойдем ли мы живы или нет».

Булдакову пришлось согласиться. Разделил между служилыми и промышленными людьми государеву казну, составил роспись, кому и сколько дал, сам навалил на себя полпуда казенной поклажи. Наугад двинулись в путь. Поломанный и помятый коч с остатками казенного добра оставили в море.

Страшен был этот поход к берегу. Лед все время двигался. «...и мы, — пишет Булдаков, — на нартах и веревках друг друга переволачивали... и, идучи по льду, корм и одежу дорогою на лед метали, а лодок от кочей с собою не взяли, потому что морем идучи оцынжали, волочь не в мочь, на волю божию пустились».

Девять дней, девять ужасных дней, тащились они, проваливаясь в ледяную воду, вытаскивая друг друга на веревках. До земли все же добрались. Вышедши на берег, «поделали нартишка и лыжишка» и отправились к устью Индигирки, а отсюда «с великою нужею» пошли вверх по реке до Уяндинского зимовья.

Несколько раньше туда прибыл Горелый, тоже спасшийся со своего «растертого» льдами коча.

Характерно, как торговцы пользовались казацкой нуждой. В Уяндинском зимовье жил торговый человек Стенька Ворыпаев, у которого было пятьсот пудов муки. Услыхав, что к зимовью идет большая партия голодных людей, он всю муку спрятал и скупил у окрестных туземцев корм. Пришедшие спутники Булдакова умоляли Стеньку продать им муки в долг, предлагали по пяти рублей за пуд, что во много раз (по свидетельству одного из современников, мука стоила чуть ли не десять копеек пуд) превышало ее стоимость, «кабалы на себя давали» [1].

---

[1] Не имея чем заплатить другому, человек давал кабалу, обязывался работать на займодавца, делался из вольного подневольным. Кабала была срочная и вечная.

Ворыпаев ничего не хотел отпускать в долг, требуя уплаты наличными. Служилые люди отдали все свои деньги, весь свой «заводишко», платье снимали, а Стенька «муки не продал, хотел нас поморить голодною смертью», — пишет Булдаков. Наконец сделка состоялась, он продал пяти казакам по полтора пуда муки на человека по пяти рублей за пуд. Булдакову же не дал ничего. «И мы, Тимошка, — горько пишет он, — со служилыми людьми на Индигирке жили до великого поста и ели лиственишную кору и у промышленных людей, у кого выпрашиваем, юколишка и рыбенки небольшое место, и тем, живучи, питались».

От этой голодовки у казаков развилась цынга. И все же Булдаков не переставал заботиться о «государевой казне». Ближе к весне он снарядил двух казаков вместе с торговыми и промышленными людьми на поиски коча, но тот, видимо, затонул.

Великим постом Булдаков с казаками двинулись к месту своего назначения. От Индигирки шли через гору до Алазеи целый месяц. Ослабевшие люди, питаясь корой, едва избежали смерти. На Алазее приняли их по-товарищески. Отдохнув и набравшись сил, отряд через неделю пришел в Колымский острожек, который Булдаков и принял у боярского сына Власьева.

ГЛАВА XII

ЧЕРТЕЖ ВСЕЙ СИБИРИ

Описание и чертеж Дежнева, о котором мы упомянули, не был исключением. Завоевывая Сибирь, русские внимательно изучали эту огромную страну. Правительство безотлагательно требовало от сибирских служилых самого детального описания вновь открытых «землиц» и их чертежей.

Едва лишь окончилась борьба с Кучумом, как из Москвы полетел строгий наказ тюменскому голове, чтобы он «о всем подлинно отписал и острог и крепости начертил на чертеже и, всякие угодья расписав, прислал к нам к Москве».

В 1604 году в Кетский острог пришло распоряжение, чтобы оттуда «новому городу, и городовым всяким крепостям, и пашенным землям, и всяким угодьям роспись (описание) и чертеж прислали».

Скоро служилые люди по собственной инициативе, без напоминаний стали составлять чертежи и географические описания страны.

Сибирский казак Иван Петлин совершил в 1620 году путешествие в Китай. По возвращении он писал в своем отчете:

«И про Китайское царство и про Обь реку великую, и про иные государства жилые и кочевные улусы проведал и привез к государю царю к Москве чертеж и роспись про Китайскую область».

Заняли русские Лену, и снова идут в Москву самодельные карты: «Роспись против чертежю рекам и порогам от Енисейского острогу вверх до Ленского волоку... и сторонним рекам, которые впали в Тунгуску и в Илим реку», «Роспись против чертежу от Куты реки вверх по Лене реке и до вершины, и сторонним рекам, которые впали в Лену реку».

Знаменитый Ерофей Хабаров доносил в 1650 году, что «в тех князь Лавкаевых в городах и в улусах луга великие и пашни есть, а леса по той великой реке Амур темные, большие, соболя и всякого зверя много», и добавлял: «да послали мы, холопи твои, ко государю его князь Лавкаевых городов и земли чертежи». Михайло Стадухин после пребывания на Анадыре и похода на Гижигу и Пенжину тоже закончил свою отписку 1659 года (№ 11, стр. 122) указанием, что «книги и чертеж земли и рекам с ними же (с людьми, отвозившими ясак — *В. С.*) посланы».

В делах Сибирского приказа упоминаются сотни чертежей, составлявшихся в течение XVII столетия. Это были чертежи городов, уездов, волостей, разных «землиц», речных систем. Кроме того, накопился громадный и драгоценный географический материал с описаниями различных областей Сибири. Он содержался в «писмовых» и «переписных» книгах сибирских уездов, «ясачных книгах», «статейных списках» посольств в зарубежные страны, материалах очевидцев — многочисленных отписках и челобитных служилых людей. Необычайно интересны и часто весьма верны отписки.

Ознакомление с Сибирью настолько подвинулось, что московское правительство приказало тобольскому воеводе Петру Годунову составить карту Сибири, которая была исполнена в 1667 году и даже отпечатана. К карте приложена обстоятельная записка под названием «Чертеж всей Сибири, збиранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича». В записке приведены расстояния между отдельными пунктами: «мера верстами и милями и конною ездой», и в меньшей степени — географические сведения.

Вот, например, статья девятая:

«А от Нерчинского острогу до устья Архуни реки ходу 3 дни; и в том месте сошлись реки Шилка и Архуня и от того места пошла река зовом Амур; Архуня река пала из великаго озера Салара, а в том озере рыба всякая волская, а кочуют около того озеру китайские дикари Таргачинские люди и питаютца рыбою. А Амуром рекою до китайскаго Лапкаева городка ходу день, и в том городке китайские люди, боясь великих государей людей, не живут».

Любопытны в статье четырнадцатой замечания о плодородии на Амуре: «И по тем по всем рекам (речь идет о системе Амура — *В. С.*) живут даурские люди, и городки у них во многих местах построены, и яровой всякой хлеб сеют и яблоки, и груши, и гарбузы, и дыни, и огурцы и всякой руский овощ по Амуру реке родится» (№ 37, стр. 25—38).

В 1672 году карта Сибири вышла новым, исправленным изданием под названием «Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никанского» с объяснительной запискоїї к нему «Список с чертежа Сибирския земли».

Конечно, первые карты Сибири полны ошибок. Об этом знали современники, но все же эти карты давали первоначальное представление о «неведомых землицах». Они открывали Сибирь и не только русским, но и западноевропейским географам.

В 1696—1701 годах над сибирской картографией работал в Тобольске Ремизов, автор замечательного географического атласа Сибири. Из материалов, собранных Сибирским приказом в конце столетия, было составлено «Описание новыя земли Сибирского царства». Главным образом по русским источникам работал и амстердамский бургомистр (1632 год) Николай Витсен, написавший знаменитое в свое время исследование «Северная и Восточная Тартария».

В своей «Истории русской литературы» (т. I, стр. 269). А. Н. Пыпин, рассказывая о русских землепроходцах, пишет, что, «...открывая новые земли, неизвестные тогдашней Европе, русские не увеличивали научного знания». Было так мало общей любознательности, что для этих странствий не было сделано никакого описания. «Западной Европе приходилось, например, открывать северные русскне земли». Это утверждение совершенно неверно. Именно русскне, казакн и промышленники XVI—XVIII веков, эти зачастую совершенно невежественные люди, отличались высокой любознательностью, интересом ко всему — землям и людям — предста-

Карта торговых путей Московского государства в XVI — XVII в. в.

Собрание Музея народов СССР

вавшему пред ними в дебрях Сибири. Многочисленные дошедшие до нас отписки и сказки, допросы и расспросные речи и т. п. содержат исключительно ценные географические и этнографические сведения, свидетельствующие не только о любознательности, но и о высокой наблюдательности русских. Достаточно, к примеру, упомянуть, что первыми этнографическими данными о Камчатке история обязана казаку Атласову; то же следует сказать и о Курильской гряде, и об Алеутских островах, и о всей Северо-Западной Америке. Русские землепроходцы раскрыли перед Западной Европой неведомый, громадный мир. Они не только завоевали его,

«головы свои складывая», «помирая голодной, нужной смертью, но по мере своих сил описали его и часто очень неплохо; они нанесли на карты «от века неведомые землицы». Нет, не Западная Европа, а русские отважные люди показали миру по-настоящему необъятную Сибирь!

ГЛАВА XIII

В АНАДЫРСКОМ ОСТРОЖКЕ

С Селиверстовым у Дежнева установились, как мы отмечали, мирные отношения. Но это был «худой мир». Ходил Селиверстов вместе с Дежневым в походы, вместе забирали аманатов: «в 163(1655 — *В. С.*) году, марта в 22 день, — писал Дежнев, — взяли мы в аманаты, для государева ясаку, ходынского мужика, имянем Меягин, сына его родного с ним же, Юрьем Селиверстовым, вместе».

Однако Селиверстов держал камень за пазухой. 22 марта вместе ходили в поход, а 26 марта он вдруг объявил воеводский наказ, данный ему два года назад в Якутске на имя Стадухина.

Этим приказом велено было выслать в Якутск Семена Мотору, Федота Ветошку, Никиту Семенова, Артемия Федотова, Анисима Костромина и Василия Бугра. Воеводское приказание было понятно. За исключением Бугра, все перечисленные люди пришли с Моторой. Стадухин, злобствуя на их отказ итти под его началом, наговорил на них «всякое безделье ложно», подавал бесконечные челобитные... «взводя на нас напрасное воровство». Видимо, эти доносы подействовали, и якутский воевода приказал выслать всех спутников Моторы для наказания.

Спутника же Стадухина, Бугра, приказано было выслать в Якутск для ответа по старым грехам.

Василию Бугру много пришлось испытать от «воеводского насильства». В своей челобитной 1649 года (№ 10, стр. 208—213) он рассказывал, как первый якутский воевода Петр Головин «по тому, государь, своему ложному составу пытал нас, холопей твоих, многих, и в тюрьму и за приставы пересажал, и животов наших разорял, и всяким людем жесточь большую показал». Только в 1645 году, по царскому указу, арестованные, в их числе и Бугор, были выпущены и возвращены на службу.

В 1646 году Головина сменил новый якутский воевода

Василий Никитич Пушкин. Думали служилые люди, что вздохнут они, но оказался хрен редьки не слаще.

«А преж, государь, того мы, холопи твои, — горько жаловался Бугор, — от Петра Головина терпели напрасно кнут и огонь и всякой позор, наготу и голод; а он, государь, Василей Пушкин потомуж (попрежнему — *В. С.*) учал заводить». Новый воевода еще похвалялся: «я-де не Петр Головин, всем исподтиха выведу, а на кого-де руку наложу, и ему-де от меня свету не видать и из тюрмы не бывать».

Выдал воевода служилым людям жалованье за два года, но половину велел принести себе и своим товарищам. Эта выдача прошла сравнительно благополучно. Когда в 1647 году Бугор с товарищами попробовали было подать челобитную о государевом жалованье, на другой же день за такую, по мнению воеводы, «предерзость» «служилого человека Васку Бугра бил батоги до полусмерти, а на третей день за тож челобитье, середи площади... бил батоги служилого человека Степанка Борисова, да и впредь... Василей Пушкин угрожал ссылкою и кнутом и тюрмою».

Эта челобитная говорит и о многих других безобразиях воеводы. Не будучи в силах дальше терпеть воеводского управления, Василий Бугор со своими товарищами сбежали из Якутска.

Рассказывая далее о своих походах и «службишках» на Яне, Индигирке, Колыме, Бугор опровергал навет воеводы «будто мы, холопи твои, тебе, государю, изменили... сбежали на море... от насилства и налоги Василья Пушкина с товарыщи, а тебе государю не изменили, пошли на твою государеву службу, да и впредь тебе, государю, изменить, в иные ни в которые государства, в Тотары и в Мунгалы и в Андары отъехать не хотим, и умереть хотим за тебя, государя, и служить тебе, государю, головами своими до смерти, и новых землиц приискивать, и прибыли тебе, государю, чинить, сколко милосердый бог помощи подаст».

Вместе с Василием Бугром, который был десятником, бежали еще один десятник — Симон Головачев, два более важных служилых — пятидесятники Иван Редкин и Шаламко Иванов, девятнадцать простых казаков.

В Москве к побегу отнеслись удивительно мягко: «...будет те казаки вперед объявятся, — писали из Сибирского приказа, — и их про то (побег — *В. С.*) роспросить». Только «распросить» — «почему-де лежали», но не подвергать «сыску». В Москве великолепно знали, чего стоили оба якутских вое-

воды — и Головин, и Пушкин. О них уже было начато следствие, знали, как жилось при их воеводском управлении служилым людям. Именно поэтому на побег, вероятно, смотрели сквозь пальцы.

Воевода доносил, что казаки бежали «своровав, не хотя твоей, государевой, службы служить, и покиня город ночною порою, отняв у торгового человека, у Василья Щукина, кочь и пограбя у промышленных людей хлебные запасы и малые суда — лодки» (№ 22, стр. 48). Не довольствуясь этим, казаки, плывя вниз по Лене, грабили, якобы, всех попадавшихся на пути служилых и промышленных и ясачных людей. У тех взяли паруса, у других снасти, у иных «сети пущальницы». В ясачных улусах грабили «животы», отнимали жен, дочерей, забирали коров, быков... Встретив на Лене около Жиган коч казанских торговцев Акинфиева и Колупаева, на котором плыл их приказчик с одиннадцатью покрученниками, беглецы забрали коч целиком, со всеми товарами и имуществом. Вот за это-то и требовали Бугра к ответу в Якутск.

Когда Селиверстов огласил воеводский приказ, Дежнев заступился за своих товарищей. Он знал, что якутская администрация требует высылки Семенова, Ветошки и других по клеветническому доносу Стадухина, знал, конечно, и причины побега Бугра из Якутска. Теперь он решил всячески противиться их отправке.

«В нынешнем во 163 (1655 — *В. С.*) году, марта в 26 день, — писал он, — в ясачном зимовье охочей служивой человек Юрья Селиверстов прочитал наказную память... а велено... по той наказной памяти с Анандыру реки выслать служивых людей Семена Мотору с товарыщи, да торгового человека Анисимка Костромина, да промышленного человека Ивана Бугра с товарыщи, и яз Семейка от государевы казны тех людей не отпустил, потому что служили мы государеву службу с ними вместе, и что есть государевы казны в сборе и мы тое государеву казну и отпровадим вместе».

Этим Дежнев как бы показывал, что хочет отвечать вместе со служилыми «своего полку».

Селиверстов рассказывал о бешенстве Дежнева после оглашения наказной памяти. Дежнев негодовал на якутскую администрацию, которая поверила ложным доносам Стадухина. Он подозревал, что во всех интригах замешан и Селиверстов.

Селиверстов сообщал:

«Семен Иванов Дежнев стал меня, Юшка, бранить, и воеводу Дмитрея Андреевича Францбекова вором называл и меня Юшка, «стакался-де ты, Юшко, с таким же вором воеводою да и наказную-де память дал такой же вор».

Чувствуя заступу Дежнева, все подлежавшие высылке, по словам того же Селиверстова, «того государеву указу и наказные памяти не послушали, учинились силны».

В 1656 году все же гроза грянула и над Дежневым и над Селиверстовым.

На Анадырь был прислан из Якутска приказчиком стрелецкий и казачий сотник Амос Михайлов с тридцатью служилыми людьми. В наказной памяти Амосу Михайлову (№ 11, стр. 70—80) было велено «росписатца» с Дежневым, Никитой Семеновым (товарищем Дежнева и его заместителем по службе) и Юрьем Селиверстовым — принять от них зимовья, служилых людей, аманатов, государеву казну, воинские и другие припасы, документы и т. д. Главное внимание наказа обращено было на прием собранной на Анадыре ценной моржовой кости и на дальнейшую ее добычу.

А кости к этому времени служилые люди набрали немало. В царской грамоте на имя якутского воеводы говорится, что «в прошлом де во 164(1656 — *В. С.*) году писали к вам с новоприискной с Анандыря реки охочие служилые люди Сенка Дежнев да Юшко Селиверстов, что де они на усть тое Анандыря реки на взморье упромышляли моржевого зуба, Сенка Дежнев с товарищи 239 пуд, Юшко пятьдесят пуд» (№ 11, стр. 99—100).

Якутские власти, повидимому, подозревали Дежнева с товарищами в злоупотреблениях при сборе этой кости и ее утайке. Амосу Михайлову приказали взять черновые отписок и челобитные и разобрать «их рознь и про всякие государевы дела», «что они сверх того Сенка и Никитка, и Юшка, и служилые люди, будучи в Анандырском зимовье, обиды и насилства каким русским людем и иноземцом чинили, и они же служилые и торговые и промышленные и всяких чинов люди у иноземцов женок и девок и робят куплею не имали ль и насилством не отымали ль?»

А ежели окажется, что Дежнев, Семенов и Селиверстов по этому сыску виноваты, то этот сыск «прислать в Якутцкой острог за поруками... и Сенке, и Никитке, и Юшке, и иным всяким людем, которые будут посланы, велеть явитца в Якутцком остроге, в приказной избе, столнику и воеводе Михайлу Семеновичю Лодыженскому да дьяку Федору

Тонково; а будет по них по всех поруки не будет, и их потому ж прислать с приставы, с кем пригоже».

Из веры вышел не только Дежнев, но и все его товарищи по службе на Анадыре. Амосу Михайлову приказано было их «ни на какие государевы не посылать бы службы, а на службы бы [посылать] тех служилых людей, которым с тобою велено быть» (из числа тридцати казаков, которые пришли с Михайловым).

Есть основание предполагать, что Селиверстова из Анадыря выслали. У него были запутанные расчеты с казной, по которым он оказался должен довольно большую сумму. Воевода Ладыженский с дьяком Тонково в 1653 году «того Юшку в тех деньгах велели сыскать». Селиверстов признал этот долг государевой казне и начал его выплачивать. Сделать он это мог, только будучи в Якутске.

Не знаем, был ли выслан из Анадыря Никита Семенов, но для Дежнева весь этот сыск «о воровстве» кончился благополучно. Его оставили на Анадыре в прежней должности — начальника острожка.

Об этой службе Дежнев говорил только в общих чертах в своей челобитной 1662 года: «И после того твоим, великого государя, счастием не по один год в аманаты Ходынсково рода мужиков... и под тех аманатов и под их братью и родников и с их улусных людей и по нынешний 170 год збираетца твой, государев, ясак не малой».

Три года пробыл Дежнев начальником Анадырского острожка и только в 1659 году передал его вместе с аманатами Курбат Иванову.

Сдав острожек, Дежнев прожил на Анадыре еще два года, занимаясь промыслом моржовой кости для себя, и наконец в 1662 году, как сообщает якутский воевода Голенищев-Кутузов, прибыл вместе со своим верным сподвижником по славному морскому походу Артемьем Салдатом в Якутск, из которого вышел двадцать лет назад, в 1642 году.

ГЛАВА XIV

К ИСТОРИИ СПОРОВ ОБ ОТКРЫТИИ ДЕЖНЕВА

В 1736 году отписка Дежнева от 1655 года была найдена Миллером в якутском архиве. Он заинтересовался ею и по достоинству ее оценил.

В 1758 году в ежемесячном журнале «Сочинения и пере-

воды, к пользе и увеселению служащие», издаваемом Академией Наук, Миллер опубликовал материал о Дежневе и первым сообщил, что Дежнев открыл пролив между Азией и Америкой.

Позднее отписка Дежнева и другие челобитные, касающиеся похода Дежнева, были опубликованы в четвертом томе «Дополнений к актам историческим».

Но далеко не сразу Дежнев завоевал признание. Против правильной оценки заслуг отважного казака выступил известный историк Сибири Словцов (№ 36, стр. 56—59) и сравнительно недавно американский исследователь Гольдер в книге «Russian Expansion on the Pacific. 1641—1850.» (Русская экспедиция на Тихом океане. 1641—1850») [1].

Словцев посвятил свой труд тому же Миллеру. Он просит прощения у него за то, «что бессмертие, каким ты наделил казака Дежнева, он прекращает по недоказанности права».

Чем же «прекратили бессмертие казака Дежнева» Словцов и почти полностью поддерживающий его Гольдер?

Раньше чем разобрать их возражения, посмотрим, как Дежнев описывает свой поход.

В первой, дошедшей до нас отписке [2], которую Дежнев послал с Анадыря в апреле 1655 года, он писал о своем походе.

«В прошлом во 156 (1648 — *В. С.*) году, июня в 20 день, с Ковыми реки послан я, Семейка, на новую реку, на Анадырь, для приписку новых неясачных людей. И в прошлом же во 157 (1648 — *В. С.*) году, месяца сентября в 20 день [3], идучи с Ковыми реки морем, на пристанище торгового человека Федота Алексеева чухочьи люди на драке ранили, и того Федота со мною, Семейкою, на море рознесло без вести, и носило меня, Семейку, по морю после Покрова Богородицы всюда неволею, и выбросило на берег в передней конец за Анандыр реку; а было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны, и голодны, наги и босы, а шел я, бедной Семейка, с товарыщи до Анандыры реки ровно десять недель, и попали на Анандыр реку внизу близко моря... А с Ковыми реки итти

---

[1] Издана в Кливлэнде, 1914 г.

[2] Нам неизвестно, действительно ли эта челобитная первая. Правильнее сказать, что эта челобитная — первая из дошедших до нас.

[3] Так как год в XVII столетии начинался с 1 сентября, то 20 сентября 7157 года будет тем же 1648 годом, что и 7156 год.

морем на Анандыр реку есть нос, вышел в море далеко, а не тот нос, которой от Чухочы реки лежит, до того носу Михайло Стадухин не доходил, а против того носу есть два острова, а на тех островах живут чухчы, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб, а лежит тот нос промеж сивер на полуношник, а с Рускую сторону носа признака: вышла речка, становье тут у чухочь делано, что башни из кости китовой, и нос поворотит кругом к Онандыре реке подлегло, а доброго побегу от носа до Онандыри реки трои суток, а боле нет, а идти от берегу до реки недале, потому что река Анандырь пала в губу» (№ 11, стр. 25—26).

В другой отписке, поданной в 1655 году Дежневым совместно с Никитой Семеновым, он рассказал о неудачной попытке Стадухина пройти морем с Колымы реки на восток. Дежнев писал:

«...не доходил он, Михайло, до Большого Каменного носу, а тот нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди чухчи добре много, против тогож носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных, а не тот, что есть первой Святой нос от Колымы, а тот Болшой нос мы, Семейка с товарыщи, знаем, потому что розбило у того носу судно служивого человека Ерасима Онкудинова с товарыщи, и мы, Семейка с товарыщи, тех розбойных людей имали на свои суды, и тех зубатых людей на острову видели ж, а от того носу та Анандырь река и корга далеко» (№ 11, стр. 21).

Вот первые сведения, найденные и опубликованные Миллером о знаменитом походе Дежнева.

Словцов не верит, что Дежнев на таком убогом суденышке, как кочь, с неопытной командой, очень мало знакомой с морем, смог одолеть тяжелый путь чуть не в две тысячи километров — «пройти водяную черту, не пройденную однакож ни Лаптевым, ни Шалауровым, ни Биллингсом, ни Врангелем» (№ 36, стр. 59).

Словцова удивляет, как мог простой казак совершить подвиг, раз он оказался не под силу таким людям, как Лаптев и Биллингс. Что ответить на это? Разве казаки впервые плавали по «Студеному морю»? В большинстве своем они — потомки поморян, которые уже давно ходили на своих утлых кочах до Груманта (Шпицбергена), на Новую Землю, проторили дорогу из Белого моря в далекую Мангазею.

Среди сибирских казаков — их потомков — не один был «по морю староход и знатец», не один встречался, «которому морской ход за обычай и который морские пути знает».

Дежнев со своими товарищами проделал трудный путь. А разве легок путь Ивашки Реброва, который первым осмелился пробраться с Лены до Яны и Индигирки? Разве легко было всем другим служилым людям, не раз плававшим по тому же страшному «Студеному морю» с Колымы реки до Лены? Разве они не герои?

Ни один из них не хвалился тем, что сделал, ни один не старался возвеличить себя. Путь «Студеным морем» был для них обычным и обыденным, сотни лет им ходили смелые мореходы — поморы; из года в год ходили они сами, Чем же тут хвалиться?

Не хвалится своим плаваньем и Дежнев. Разрешив географическую загадку, Дежнев и не подозревал этого.

О своем плавании Дежнев говорит так мало и так скромно, что даже Словцов нашел нужным упрекнуть его за отсутствие подробностей в описании этого плавания. Ни в одном слове отписок и челобитных Дежнева нельзя найти того, что Словцов назвал «дерзостью» и «бахвальством» («Немудрено ему было в отписках и расказах бахвалить с дерзостью»). Дежнев пишет об этом замечательном походе только для того, чтобы опровергнуть сообщение хвастунов Михайла Стадухина и Юрия Селиверстова, пытавшихся без каких-либо оснований присвоить себе честь открытия «Большого Каменного носа» и «Анадырской корги». Не будь хвастливых заявлений Стадухина и Селиверстова, мы, вероятно. не узнали бы из отписок Дежнева даже этих ничтожных сведений о его знаменитом морском плавании, которые знаем теперь.

Если же считать, что Дежнев не придавал значения своему морскому плаванию и расказывал о нем лишь мимоходом, то нет оснований сомневаться (как это делает Словцов) в правдивости его рассказа, не к чему называть его сказкой, с презрением говорить, что «Вся повесть его не отличается от сказок, какими казаки XVII века не уступают старым испанским морякам», упрекать в «дерзости» и т. д.

Дежнев, конечно, не предполагал, что его челобитные будут найдены спустя более чем восемьдесят лет в архивах и принесут ему громкую славу.

Он вовсе не стремится доказать, что первым прошел

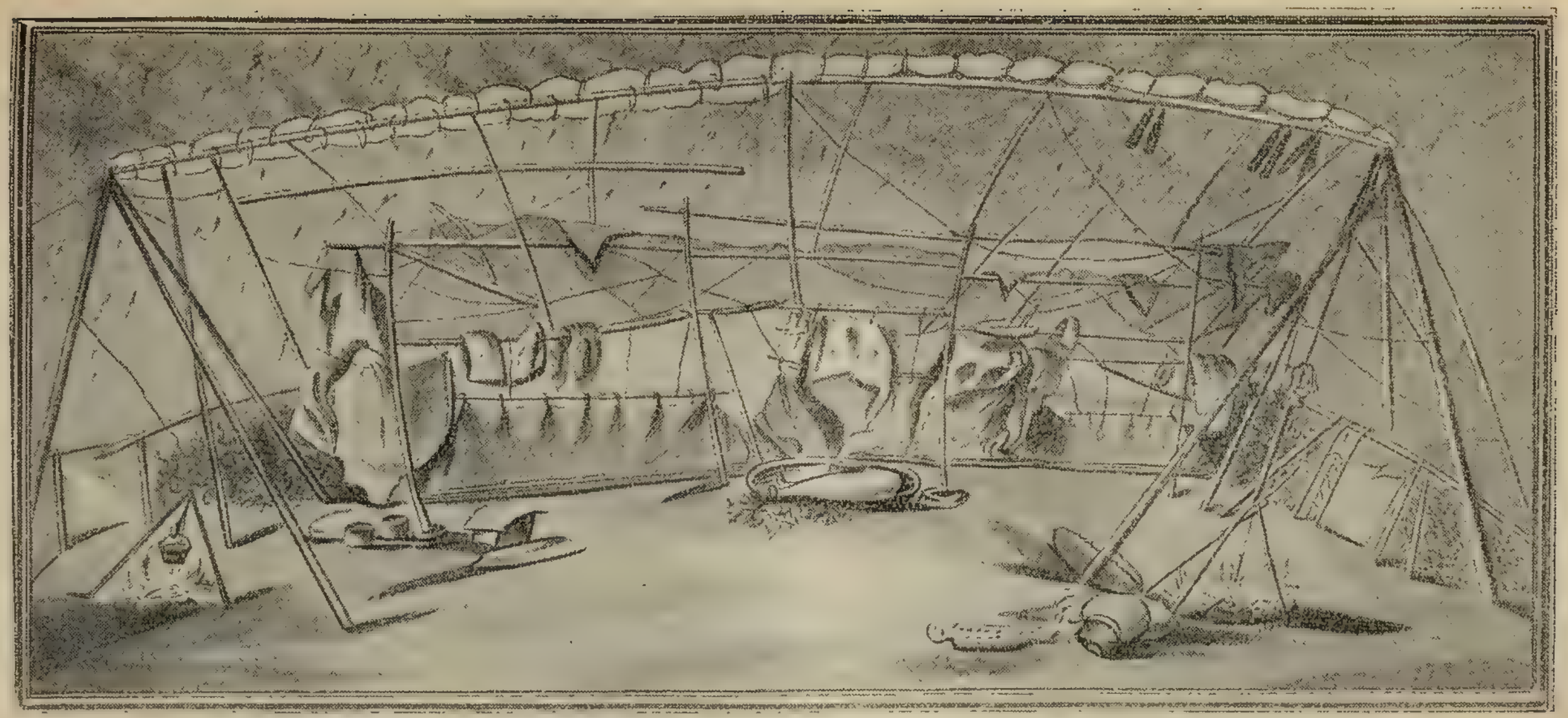
Татуировка чукотской женщины.

Рисунок художника Луки Воронина — рисовальщика экспедиции Биллингса—Сарычева 1785—1792 гг., приложенный к рукописи участника экспедиции доктора К. Мерка „Описание чукчей, их обычаев и образа жизни" (Хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

Лука Воронин в 1785 г. окончил Академию Художеств и получил звание „художника по зверям и птицам". Сарычев в своей книге „Путешествие капитана Биллингса" (СПБ, 1811) писал о нем: „...сей спутник капитана Биллингса, рисовальный мастер Воронин, служит ныне при чертежной Адмиралтейского департамента. Он во время путешествия через Чукотскую землю снимал многие рисунки, служащие к объяснению описания по естественной истории, деланного доктором Мерком".

Зимнее подземное жилище чукчей, построенное из китовых костей.

Рисунок художника Луки Воронина, приложенный к рукописи К. Мерка „Описание чукчей, их обычаев и образа жизни".

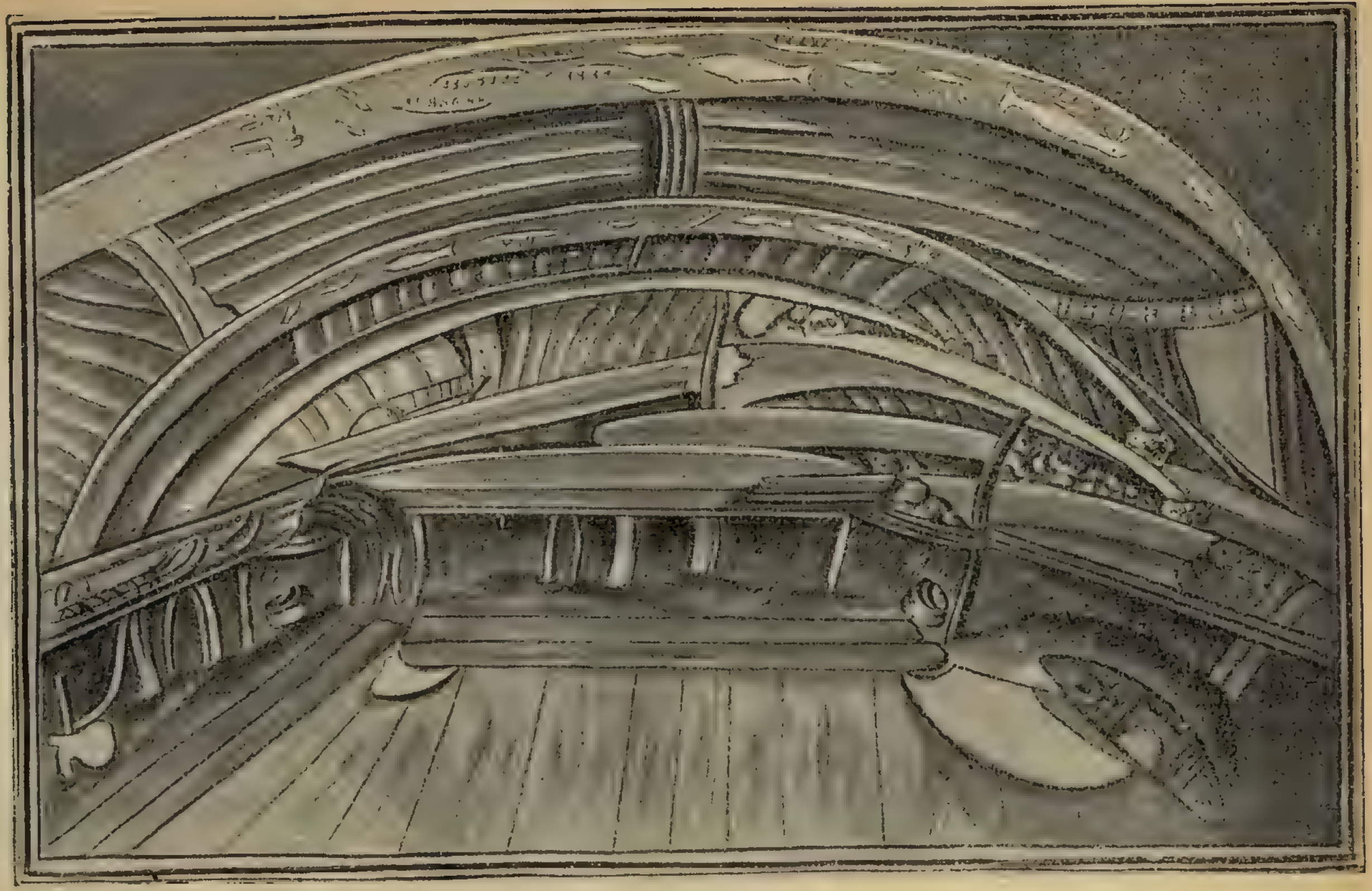


Летняя яранга чукчей из оленьих шкур, натянутых на деревянные стойки.

Рисунок художника Луки Воронина, приложенный к рукописи К. Мерка „Описание чукчей, их обычаев и образа жизни".

В рукописи Мерка дано следующее описание устройства подземных жилищ чукчей.

„Принятые у оседлых чукчей зимние жилища называются кайгит, у оленных же чукчей—клейрат. Это—землянки, они устраиваются всегда на возвышенном месте или на холме, по нескольку штук рядом, а вблизи на тех же местах стоят их летние яранги. ... Снаружи юрты покрыты дерном, закруглены и возвышаются над уровнем почвы на несколько футов, сбоку расположено четырехугольное отверстие, через которое можно спуститься внутрь юрты. ... Вокруг входа расположены стоймя по всей окружности, кроме только места для прохода, китовые челюсти шириной по полторы сажени, высотой до семи футов. Сверху они прикрыты китовыми ребрами, а поверх того дерном. ... Землянка углублена в землю на 5 футов, а сверх того на 3 фута высоты уложена земляная стенка поверх китовых челюстей, установленных по всем сторонам четырехугольной юрты. На упомянутых китовых челюстях покоятся четыре отдельные одинаковые челюсти, уложенные вдоль от самого входа на некотором расстоянии друг от друга и образующие потолок юрты. ... Некоторые из китовых ребер, образующих потолок, окрашиваются по бокам в белый цвет и на них изображаются фигуры: киты, байдары и прочее, что ими делается при празднествах".



Внутренний вид подземного жилища чукчей.

Рисунок Луки Воронина, приложенный к рукописи К. Мерка „Описание чукчей, их обычаев и образа жизни".

пролив, отделяющий Азию от Америки. Для него важнее другое — доказать, что «ту коргу и морского зверя и заморную кость зверя того» открыл он со своими товарищами и никто другой. Дежневу не было никакой нужды выдумывать описание своего похода кругом Чукотки, если бы он (как предполагает Словцов, а вслед за ним и Гольдер) прошел морем с Колымы очень немного, а отсюда отправился на Анадырь сухим путем. Зачем было Дежневу скрывать этот путь? Будь Словцов и Гольдер правы, Дежнев так бы и записал, что дошел морем, скажем, до Чаунской губы, а там кочи «льдом притиснуло», или их «заморозе взял» и «доволкся» он до той Анадырь реки, сушей. Дежнева интересовал самый короткий путь до знаменитой корги. Лежал ли этот путь морем или по суше, не все ли равно? Поэтому обвинение Дежнева во лжи совершенно отпадает.

Словцов доходит до того, что приписывает Дежневу положительную нелепость.

Из рассказа Дежнева мы знаем, что после боя с чукчами оба коча вскоре разнесло бурей. Коч Федота Алексеева исчез неизвестно куда, а дежневский после того, как его долго «неволею» гоняло по морю, наконец «выбросило на берег в передний конец, за Анандырь реку». Сообщение, как видим, до предела ясное. А по пересказу Словцова, получается, что во время боя с чукчами, оставленные без присмотра кочи были унесены в море и одно из них выброшено к югу, будто бы за Анадырем к Олюторской губе. А казаки после боя и потери кочей идут к Анадырю сухим путем, и приходят туда через десять недель. Изложив все это, Словцов негодует — как мог Дежнев за сотни верст видеть, куда был выкинут его коч. «Можно ли так далеко видеть, — возмущается он, — и так наугад говорить, когда лучше бы запросто понимать, что судно или затерто во льдах, или исчезло из глаз за островом, за мысом. Да и до того ли было при стычке, чтоб наблюдать за судном»? (№ 36, стр. 58).

Словцов, а за ним и Гольдер видят противоречие в том, что, по Дежневу, от «Большого Каменного носу» до устья Анадыря «побегу морем» не более трех суток, и вместе с тем не менее времени займет и сухопутное путешествие.

Словцов прав, указывая на это противоречие. Но противоречие это мнимое. Дело в том, что Словцов основывался только на работе Миллера, а Миллер в этом случае не точно

передал рассказ Дежнева. По Миллеру, так и выходит, что и морем, и сухим путем от мыса до Анадыря можно добраться за трое суток. Между тем в подлинной отписке от 1655 года Дежнев говорит: «...а доброго побегу от носа до Онадыри реки трои сутки, а боле нет, а итти от берегу до реки недале, потому что река Анандырь пала в губу» (№ 11, стр. 26).

Как видим, смысл слов Дежнева совершенно иной. Три дня ходу пешком вовсе не от носа до Анадыря, а от берега моря, от той самой «корги», из-за которой Дежнев «сварился» со Стадухиным и Селиверстовым, до устья Анадыря, так как эта река впадает не прямо в море, а в губу. Действительно, от Русской Кошки (дежневской «корги»), отделяющей Анадырский лиман (или губу) от Анадырского залива, и до устья реки Анадырь по суше километров 80—100, то есть примерно трое суток ходу. Непонятно, почему Гольдер, следуя за Словцовым в опорочении Дежнева, не удосужился вникнуть в подлинные слова Дежнева, которые ему должны быть хорошо известны!

Отрицая, что Дежнев обогнул Чукотку, Словцов, и Гольдер считают, что стычка происходила или около Чаунской губы, где группа островов могла в перспективе показаться раздвоенной, или при мысе Шелагском, к которому также подходит сбивчивое описание Дежнева. Мыс Шелагский тоже лежит между севером и востоком, также «поворачивается кругом до Анадыря» и там (около Кекурного мыса) тоже есть два острова. И от этого места Дежнев с товарищами мог за десять недель добраться до залива Креста.

Однако при внимательном изучении отписок Дежнева становится совершенно ясно, что «Большой Каменный» или «Чукоцкий» нос — несомненно нынешний мыс Дежнева. Два острова против «Носа» — острова Диомида. Судно, направляющееся с Колымы на Анадырь, подойдя к мысу Дежнева, видит эти острова на створе, а против мыса Шелагского — островов нет никаких, так как острова Айон и Раутон лежат, если итти с Колымы, с правого борта.

«Зубатые чукчи» Дежнева — эскимосы, которые раньше носили в прорезях нижней губы украшения из моржовых клыков, камней и кости. В семидесятых годах прошлого столетия эти украшения были еще довольно широко распространены. Эскимосы протыкали нижнюю губу близ углов рта и вставляли втулки в виде округлых бляшек размером от 36 до 50 миллиметров, у щеголей они иногда доходили до 90 мил-

лиметров. Эти бляшки оттягивали вниз нижнюю губу, обнажая зубы и десны. Чукчи, никогда не носившие подобных украшений, прозвали эскимосов ротастыми, а русские — зубатыми.

Гольдер, желая опорочить показания Дежнева, пишет, что острова Диомида лежат так далеко от мыса, что Дежнев никак не мог видеть, какие украшения носят жители этих островов.

Конечно, Дежнев не мог за десятки верст увидать эти пятисантиметровые втулки в губах эскимосов. Но он говорит другое: ...«мы... тех зубатых людей на острову видели». Видимо, негостеприимно встреченные чукчами, русские подходили к островам Диомида за водой или пищей и там встретились с «зубатыми» людьми.

Не понял Гольдер и выражения Дежнева, что его после бури «выбросило на берег в передней конец за Анадыр реку».

Повидимому, передним концом Дежнев называл свое плавание к югу от устья Анадыря, а под «задним концом» подразумевал свой сухопутный поход к устью той же реки.

Рассмотрим еще одно возражение Гольдера. Он утверждает, что если бы Дежнев вышел 20 июня с Колымы, то не успел бы достичь морем Анадыря. Один переход от низовьев Колымы до берега моря занимал, якобы, целый месяц, так как река вскрывается раньше моря. Это утверждение опровергает Л. С. Берг. По его данным, в 1912 году устье Колымы очистилось от льда 2 июня. 19 июня льды в море были видны лишь на горизонте. Когда 24 июня 1909 года экспедиция министерства торговли вышла на берег около устья Колымы, море от этого устья до мыса Летяткина было совершенно свободно от льдов (№ 5, стр. 100).

О том же говорят и более поздние данные. Так, в 1933 году Колыма у ее устья очистилась от льда 9 июня, а в 1935 году — 7 июня. Море от устья Колымы до мыса Летяткина освободилось от льдов в 1933 году 23 июня, а в 1935 году — 16 июня. Все это показывает полную возможность плавания с конца июня от устья Колымы до Берингова пролива. Правда, наиболее благоприятным временем для такого плавания являются первая половина июля и август, но иногда, как мы видим, оно возможно и в первой половине июня[1]. Таким удачным годом был год похода Деж-

[1] Даты до 1917 года даны по старому стилю, после 1917 года — по новому.

нева (1648), и ему, следовательно, вполне могло хватить времени, чтобы достичь устья Анадыря.

После находки Н. Н. Оглоблиным ряда новых документов о Дежневе, в частности его челобитной 1662 года, всякие сомнения о подвиге Дежнева можно отбросить. В своей челобитной Дежнев писал: «И я, холоп твой, с ними, торговыми и промышленными людьми шли морем, на шти (шести— *В. С.*) кочах, девяносто человек; и прошед Анандырское устье, судом божиим те наши все кочи море разбило».

Рассказывая о гибели других кочей вместе с путниками, Дежнев о себе сообщал: «А я, холоп твой, на Анандыр реку доволокся всего двенатцатью человеки» (№ 25, стр. 303).

Картина совершенно ясная. Дежнев прошел морем Анадырское устье, единственный коч, уцелевший после бури, выкинуло на берег, и он, с оставшимися товарищами, зимним путем, на лыжах с партами, пошел назад и кое-как «доволокся» на Анадырь реку.

Ясно и то, что, идя морем с Колымы, на Анадырь можно попасть (пройти мимо устья) единственным путем — через Берингов пролив. Следовательно, никаких сомнений, что этот пролив был в 1648 году пройден Семеном Ивановичем Дежневым, быть не должно.

Перейдем к следующему возражению, направленному против Дежнева. Словцов утверждает, что «если бы обход Чукотского носа был истинен, честь принадлежала бы не седоку, а хозяину, правившему судном» (№ 36, сноска на стр. 58). Таким хозяином он считает Федота Алексеева, а Дежнева только «седоком». Эту точку зрения поддерживает В. Ю. Визе в своей книге «Северный Морской путь», вышедшей в 1940 году.

И это возражение неверно. Задумав экспедицию, торговые и промышленные люди били челом властям Колымского острожка, чтобы служилый человек Семен Дежнев был отпущен с ними «для государевых всяких дел», то есть в качестве «приказного человека», ведавшего в этом походе «государево дело». И тогда, в XVII столетии, «государево дело» ревниво ставилось выше любых, самых важных частных дел. Не может быть и речи о том, что представитель этих «государевых дел» был на втором плане. Дежнева отпустили не одного, а с товарищем — Герасимом Анкудиновым, но товарищ воеводы ли, дьяка ли, товарищ любого начального человека в ту эпоху — не равноправное с ним лицо,

а помощник его и заместитель. Следовательно, во главе экспедиции был Дежнев, и только он.

Несомненно и то, что Дежнева просили в эту экспедицию не без его ведома, что он принимал самое деятельное участие в ее организации. Из его последних челобитных видно, что он был заинтересован и в промышленной стороне похода, что не только у Федота Алексеева были частные интересы.

Во второй своей челобитной 1664 года Дежнев писал: «А поднимался я... на ту твою, великого государя, службу, на те новые реки своими деньгами и своими подьемы».

Были ли сборы Дежнева обычным «подьемом» служилого человека, или чем-то большим? Одна из следующих фраз той же челобитной разъясняет, о каком «подьеме» говорит Дежнев. После того как разбило его коч, он «от морсково розбою обнищал и обдолжал великими неокупными долги» (№ 25, стр. 305. Вторая челобитная Дежнева).

С коча удалось кое-что спасти, во всяком случае самое дорогое — оружие и часть плотницких инструментов. Что же из лично принадлежащего дежневского имущества могло пропасть при гибели коча? Припасы? Часть одежды? Но от этого «обдолжать великими неокупными долги» нельзя. Несомненно, Дежнев затратил на эту экспедицию гораздо больше. Он, видимо, на свои средства строил коч, нанимал из промышленных людей «покрученников», покупал для них «запас» — провизию, товары и т. п. Вот чем объясняется отчаяние Дежнева при гибели коча. Понятно, почему ему пришлось войти в «великие долги».

Словцов, называя Федота Алексеева хозяином всего похода, забывал, что таких «хозяев» было немало: на своем коче «хозяином» был Дежнев, на другом — «хозяевами» были приказчики гостя Василия Гусельникова — Астафьев с Андреевым и т. д. Федот Алексеев упоминался Дежневым во главе торговых и промышленных людей («Федот Алексеев с товарищи») потому, что он был приказчиком богатого гостя и, видимо, вложил в это предприятие самую крупную сумму, почему и считался как бы представителем интересов торгово-промышленных людей.

Вообще о единоначалии в этом походе говорить нельзя. Над большинством торговых и промышленных людей главенствовал Федот Алексеев, а «начальными людьми у казаков были Семен Дежнев и Герасим Анкудинов. Руководство экспедицией делили таким образом все

трое. Поэтому честь открытия пролива между Азией и Америкой должна принадлежать и Федоту Алексееву вместе с Герасимом Анкудиновым, оба они прошли с Дежневым этот пролив. Но затем триумвират, как мы знаем, распался — и Федот Алексеев и Герасим Анкудинов погибли. Не будь этой гибели, дойди они вместе с Дежневым до Анадыря, их имена были бы также славны, как Семена Дежнева. Имена Федота Алексеева и Герасима Анкудинова стоят на первом месте в скорбном списке погибших в этом беспримерном плавании 66 человек. Во главе экспедиции, хотя и предпринятой по инициативе и на средства частных лиц, а не администрации, остался один Дежнев, который и довел ее до конца.

Еще одно соображение приводится против Дежнева: открытие им пролива между Азией и Америкой, даже если оно и состоялось, было никчемным. Один он только узнал, что существует морской путь из Северного Ледовитого в Тихий океан, а современники его, да и их ближайшие потомки ровно ничего не знали ни о Дежневе, ни о его походе, пока Миллер в 1736 году не открыл описания Дежнева.

И это соображение неверно. На карте 1667 года восток Сибири омывается морем, в которое впадают реки Лена, Камчатка и Амур. Путь из устья Лены в устье Амура по этой карте совершенно свободен, никаких препятствий на нем нет.

То же и на карте 1672 года. Но в сопровождавшем эту карту «Списке с чертежа Сибирския земли», опубликованном Титовым (№ 37, стр. 41—54), эти преграды обозначены. Здесь впервые появляются сведения о «Камени», или, как его после называли, «Необходимом носе».

«...лежит камень, — уверяли составители «Списка»,—кругом всея земли, от Мангазейского моря (Мангазейское море — Северный Ледовитый океан в пределах Западной Сибири — *В. С.*) и до Амурского и тот камень протянулся в море, и около его обойти никто не может для того, что льды великие притискают и ростирают».

Итак, преграда есть и притом немалая. Но это не значит, что совсем нет прохода из Ледовитого океана в Тихий. Проход есть, но путь по нему очень тяжел.

Составители «Списка» еще раз вернулись к описанию этого района (№ 37, стр. 53—54). Они писали:

«А от усть Колыми рек и кругом земли мимо устей рек

Ковычи и Нанаборы[1] и Ильи и Дури до каменной перегарды, как бывает что льды перепустят и до того камени парусом добегают об одно лето, а как льды не пустят, и по 3 года доходит... А через тот камень ходу день: а как на него человек взойдет, и он оба моря видит — Ленское и Амурское; а перешед через камень, приходят на реку Анадыр и тут промышляют кость рыбью. А на той земли живут Гилянские люди (гиляки — *В. С.*); а противо устья Камчатки реки вышол из моря столп каменной высок без меры, а на нем никто не бывал (мыс Столбовой на восточном берегу Камчатки — *В. С.*). А которыя реки в Гилянской земли, и тем рекам имена подписаны. А к реке Анадыру есть два волока: к реке Ламу (Лама — река Охота — *В. С.*) да на реку Блудную; а Лама река пала в Амурское море, а Блудная пала в Колыму реку, а Колыма в Ленское море; а меж рек Нанаборы и Ковычи протянулся в море нос каменной, и тот нос наспу обходят».

Как видим, представление о топографии северо-востока Азии у составителей «Списка» хотя и сбивчивое, но все же в основе своей довольно верное.

Оказывается, от устья Колымы до устья рек Анадыря, Илын — словом, рек, впадающих в Тихий океан, добраться морем («добежать парусом») в одно лето при благоприятной ледовой обстановке можно, а если льды не пропустят, и в три года не дойти. И опять этот же «камень», который далеко выходит в море. Если на этот «камень» взойти, то сразу можно увидеть оба моря — Ленское (Чукотское) и Амурское (Тихий океан). «Каменный нос» не так уж безнадежен, его «наспу», но все же обходят. В этих указаниях чувствуется влияние дежневских сведений и его счастливого плавания, когда он ухитрился в одно лето дойти морем от Колымы до Анадыря, чувствуется и тщетность других попыток. Словом, «Каменный Нос» хоть и с трудом, но обойти можно.

Дошло до нас относящееся ко второй половине XVII столетия «Сказание о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с Китайцы» (№ 37, стр. 109—112). Автор его представляет себе северо-восток Азии в виде

---

[1] Л. С. Берг (№ 5, стр. 103) считает, что под Ковычей составители «Списка» подразумевают реку, впадающую в Берингово море к западу от мыса Олюторского или Анапон. Что касается Нанаборы, то речь идет об Анадыре. Берг отмечает, что на карте Исбранте Идеса 1704 года Анадырь фигурирует под названием Анаборы. Все же это лишь догадки и так их следует и принимать.

длинного гористого мыса. Он не сомневается в том, что моря, в которые впадают Лена и Амур, соединяются. Правда, этот путь опасен, почти невозможен из-за льдов. Вот что он пишет:

«...а от устья Лены реки и до устья Амура реки морем плавать нельзя для того, что по морю ходят льды великие, да и вышеименованную каменную гору, которая идет от Байкала и до моря далеко, обходить нельзя же, льдами разбивает, как ветр бывает и льды, и краями великими зашатаются; и пустится по морю шум и вал великой, что никоими мерами невозможно друг от друга голосу слышать».

В 1659 году приехал в Москву католический патер Юрий Крижанич, хорват по происхождению. Страстный панславист, он видел в Москве центр славянства. Но в Москве Крижанич прожил недолго. За интриги или иные прегрешения он был сослан в Тобольск. Ссылку Крижанича обставили благовидно. Он был отправлен в Тобольск не в качестве опального, а с тем, «чтобы быть ему там у государевых дел, у каких пристойно». Ему положили большое по тем временам жалованье — семь рублей с полтиною в месяц.

Крижанич был широко образованным человеком. Он окончил Венскую семинарию, учился в знаменитом университете Болоньи, где, кроме богословских, изучал и юридические науки. Кроме своего родного языка, знал латинский, греческий, немецкий, итальянский и еще до приезда в Москву неплохо изучил русский язык.

Плодом его шестнадцатилетнего пребывания в Тобольске (Крижанич возвратился из ссылки в 1676 году) явился ряд интереснейших работ и среди них записка о Сибири «Historia de Sibiria», написанная по латыни [1].

В этой записке есть сведения и по интересующему нас вопросу. Крижанич пишет (стр. 214):

«Было и другое сомнение: соединено ли Ледовитое море с Восточным океаном, омывающим с востока Сибирь, затем южнее области Даурию и Никанию и, наконец, царство Китайское; или же моря эти, то есть, Ледовитое море и Восточное, или Китайское, отделены друг от друга каким-нибудь материком, простирающимся от Сибири на восток? Сомнение это в самое последнее время было разрешено воинами Ленской и Нерчинской области: они, собирая с туземцев дань, прошли всю эту страну до самого океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли и что сказанные моря ни-

[1] Текст ее и перевод помещены в книге Титова (№ 37, стр. 115).

Завоевание и колонизация Сибири в XVI–XVII в.в.
Этапы колонизации
Вторая половина XVI в.
Первая половина XVII „
Вторая половина XVII „
Граница Российской Империи к концу первой половины XVIII в.
Основные пути продвижения с р. Оби на р. Лену и в Забайкалье
Важнейшие экспедиции
Ермака в 1581—82 гг.
Пояркова в 1643—46 гг.
Дежнева „ 1648—49 „
Хабарова „ 1649—51 „
Псков
Новгород
Архангельск
Холмогоры
Пустозерск 1501
Вел. Устюг
Соль-Вычегодская
Киев
Москва
Березов 1593
Обдорск 1595
Соль-Камская
Казань
Пелым 1593
Верхотурье 1598
Сургут 1594
Уфа
Тобольск 1587
Тюмень 1586
Оренбург 1743
Орск
Тара 1594
Нарым 1596
Енисейск 1619
Омск
Томск 1604
Красноярск 1628
Братский остр. 1631
Кузнецк 1618
Верхоленск 1642
Иркутск 1652
Нерчинск 1658
Албазин 1655
Семипалатинск 1718
Усть-Каменогорск 1720
В. Удинск 1665
Селенгинский 1665
Мангазея 1601
Туруханск 1607
Хатангское
Жиганск 1632
Вилюйск 1634
Якутск 1632
Олекминский остр.
Удский остр.
Верхоянск 1638
Н. Колымск 1644
Ср. Колымск
В. Колымск
Анадырь 1649
Нижне-Камчатск
Верхне-Камчатск
Охотск 1649
Амгинское зимовье 1693
Тобол
Иртыш
Енисей
Н. Тунгузка
Лена
Алдан
Амур

чем друг от друга не отделены, но что Сибирь, Даурия, Никания и Китай (или Сина) с востока омываются одним сплошным океаном. На вопрос же некоторых: могут ли корабли от гавани св. Михаила Архангела (Архангельска — *В. С.*), или же от устья реки Оби и города Березова, плывя беспрерывно около берегов Сибири, Даурии и Никании, приплыть к Китаю, — упомянутые воины отвечали, что в Ледовитом море лед никогда не тает вполне, но в течение всего лета по водам плавают в большом количестве огромные глыбы льда, сталкиваясь между собою; поэтому глыбы эти (особенно при сильном метре) могут уничтожить какое угодно судно».

Эта блестящая по точности запись совершенно убедительно свидетельствует о том, что в Сибири великолепно знали, что Ледовитое море и Восточное ничем друг от друга не отделены. Ясно также, что были сведения о плавании Дежнева от Колымы до Анадыря и что распространились они по Восточной Сибири очень быстро. Об этом-то и написал Крижанич, не упоминая только имени Дежнева.

После Полтавской битвы был взят в плен шведский офицер Табберт, более известный под фамилией Страленберга. Послан он был на жительство в Сибирь, где пробыл тринадцать лет — с 1709 по 1722 год. В Сибири он много путешествовал, многим интересовался и несомненно слышал об открытиях русских в северо-восточной Азии. В 1715 году Страленберг составил в Тобольске карту Сибири, которая была у него украдена. Вторую, вычерченную им в 1718 году карту отнял князь Гагарин. Неутомимый швед начертил третью карту, которую поднес после заключения Ништадтского мира Петру Великому.

Возвратившись на родину, он опубликовал в 1730 году карту России в качестве приложения к своему труду «О севере и востоке Европы и Азии». На этой карте есть очень интересные для нас сведения: против устья Индигирки Страленберг поместил надпись, где говорится, что «отсюда русские, пересекая море, загроможденное льдом, который северным ветром пригоняет к берегу, а южным отгоняет обратно, достигли с громадным трудом и опасностью для жизни области Камчатки» [1].

Эта надпись также убедительно говорит, что в Сибири знали о плавании Дежнева, но, видимо, забыли имя скромного якутского казака.

---

[1] Копия этой карты имеется в книге: Багров Л. С., Карты Азиатской России, Петроград, 1914 год.

Работы Страленберга, как и Крижанича, следует считать очень серьезным и точным историческим источником.

Наконец, Л. С. Берг сообщает (№ 5, стр. 109 и 119), что на двух анонимных картах, вышедших в Голландии в 1726 и 1727 годах, также имеются указания на плавания русских вокруг северо-восточной оконечности Азии.

Задолго, следовательно, до опубликования Миллером сведений о Дежневе, задолго до путешествия Беринга, не только в Сибири, но и в Западной Европе было известно, что между Азией и Америкой существует пролив; данные о походе Дежнева стали таким образом достоянием западноевропейской географической литературы и картографии.

Наконец, и сам Беринг свидетельствует, что в Сибири хорошо знали о возможности пройти морем с Колымы на Анадырь. В одном из своих представлений из Енисейска, еще на пути к Тихому океану, он пишет:

«Ежели б определено было итти с устья Колымы до Анадыра, где пройти всемерно возможно, о чем новые Азийские карты свидетельствуют, и жители сказывают, что преж сего сим путем хаживали, то могло б быть исполнено желаемое (разрешение вопроса о том, соединяются ли Азия с Америкой — *В. С.*) с меньшим коштом» — с меньшими затратами, с меньшей тратой времени, чем намеченное путешествие для открытия пролива от Охотска (№ 32, стр. 548—549).

ГЛАВА XI

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В МОСКВУ

После двадцатилетней службы на дальних сторонних реках, где не раз пришлось Дежневу «в те многие годы всякую нужу и бедность терпеть, сосновую и лиственную кору есть и всякую скверну приимать», он прибыл в 1662 году вместе со своим спутником по плаванию Артемием Салдатом в Якутск.

Они доставили «костяную казну — рыбий зуб», «что промышляли на корге на великого государя, что собрали в пошлину и что нашли в статках» служилого человека Ивана Пуляева и промышленного человека Ефима Меркурьева.

К «костяной казне» Дежнева воевода присоединил привезенный с Колымы моржовый клык. «Костяная казна» в Якутске собралась немалая — 196 пудов $17^1/_2$ гривенок (фунтов).

Розыск Амоса Михайлова об анадырской службе Дежне-

ва окончился для Дежнева счастливо: никаких злоупотреблений — «воровства» — за ним не оказалось.

Дежнев попросил заплатить ему «государево жалованье» за девятнадцать лет, — видимо, за год он получил раньше. В Якутске не нашлось для этого ни хлеба, ни овса, ни денег. Выдали ему полностью только соль, которой он получил по $1^3/_4$ пуда за год.

Решив добиться честно заслуженного им жалованья, Дежнев написал челобитную. В ней он перечислял все походы, бои, раны, тяготы и «нужи» и просил заплатить ему «государево денежное и хлебное жалованье». Кроме того, «за мое службишко, и за кровь и за раны, и за многое терпенье, — писал он дальше, — пожалуй государь, меня, холопа своего, прибавочным жалованьем, чем тебе, великому государю, бог известит».

В конце Дежнев просил, чтобы эта челобитная, поданная в Якутском остроге, была переслана в Москву (№ 25, стр. 304. Первая челобитная Дежнева).

Желанье Дежнева было исполнено. Его челобитную, «выписку» по ней якутской съезжей избы и «отписку» воеводы Голенищева-Кутузова отправили в Москву с якутским казаком Ларионом Ламою, который и доставил все эти бумаги в Сибирский приказ 1 декабря 1663 года.

Но якутские власти решили послать в Москву с «костяной казной» и самого Дежнева.

В то время существовал обычай посылки в Москву наиболее отличившихся в том или ином предприятии людей. Так было и с Дежневым, открывшим богатые залежи моржовой кости на Анадырской отмели и не опороченным ничем за тридцать лет службы.

Тронулся Дежнев со своей «костяной казной» в Москву вернее всего в начале зимы 1662 года. Точное время его приезда в Москву неизвестно. Обычно туда добирались из Якутска за год с лишним. Дежнев со своими обозами протащился наверняка более полутора лет, так что в Москву он прибыл весной или даже летом 1664 года.

Все сибирские служилые люди подавали по приезде в Москву челобитную о выдаче им «выходного жалованья и поденного корма» — за приезд в Москву.

Эта челобитная Дежнева не сохранилась. Не сохранилась и другая челобитная, в которой он просил заплатить соболями за сданную в казну лично ему принадлежавшую моржо-

вую кость весом 31 пуд 39 фунтов. Дошла до нас только «выпись» Сибирского приказа, где говорится, что за 31 пуд 39 гривенок принадлежащей Дежневу кости «выдано ему, Сеньке, против его челобитной соболями на 500 рублев».

23 сентября 1664 года Дежнев подал челобитную, которая дошла до нас. Очень коротко и неполно рассказав о своей службе, так как «о той моей службе к тебе, великому государю, из Якутцкого острогу писано [1]», Дежнев писал, что «поднимался я, холоп твой, на ту твою, великого государя, службу, на те новые реки своими деньгами, и своими подъемы, а твоего, великого государя, жалованья мне, холопу твоему, денежному и хлебново и соляново со 151 (1643 — *В. С.*) году по 170 (1661 — *В. С.*) год ничего не дано».

И далее: «...будучи на той твоей, великого государя, службе, поднимаючи(сь) собою, и служа тебе, великому государю, многое время, без твоего, великого государя, жалованья, имаючи иноземцов в аманаты, голову свою складывал, раны великие приимал и кровь свою проливал, холод и голод великий терпел и помирал голодною смертью, и на той службе будучи от морского розбою (от крушения коча в море — *В. С.*) обнищал и обдолжал великими неокупными долги, и в тех долгах в конец погибаю».

Немногого просил Семейка за все «подъемы», и за аманацкое иманье (поимку заложников — *В. С.*), и за раны, и за кровь, и за морские разбои, и за всякое нужное терпение». Он уже не мечтал о «прибавочном жалованьи» — наградных, о которых просил в первой челобитной, посланной в Москву из Якутска. Теперь Дежнев просил только о выдаче ему законного жалованья за девятнадцать лет службы, «чтоб мне, холопу твоему, — писал он тревожно, — в кабальных долгах на правеже убиту не быть и впредь бы твоей, великого государя, службы не отбыть и в конец не погибнуть» (№ 25, стр. 305. Вторая челобитная Дежнева 1664 года).

Раньше служилым людям выдавали их заслуженное жалованье в Москве сполна, причем за хлеб платили деньгами: за «четь» (четверть) ржи — семь алтын четыре деньги (алтын — три копейки, деньга — полкопейки, следовательно 23 копейки), а за «четь» овса по четыре алтына — 12 копеек. Соответствующую справку по челобитной Дежнева и составил Сибирский приказ. Дежнев получал в год пять

---

[1] Дежнев ссылается на свою первую челобитную от 17 июня 1662 года.

рублей денег, 5 1/8 чети ржи и 4 чети овса. Всего Дежневу причиталось получить 128 рублей 5 копеек (в том числе за хлеб 33 рубля 1 алтын и 4 деньги). После уценки и пересчета меди на серебро оказалось, что Дежнев должен получить 126 рублей 6 алтын 5 денег — 126 рублей 20 1/2 копеек.

Сумма эта показалась настолько большой, что Сибирский приказ не решился ее выдать самовольно.

Был составлен доклад царю с изложением всего дела. Только 28 января 1665 года, через четыре месяца после подачи Дежневым челобитной, начальник Сибирского приказа окольничий Родион Стрешнев доложил о дежневской просьбе царю. Тот «слушав сее выписки и челобитья ленского казака Сеньки Дежнева, пожаловал — велел ему, Сеньке, свое государево годовое денежное жалованье и за хлеб на прошлые годы со 151 году по 170 год, на 19 лет за его службу, что он в тех годех был на ево, государеве, службе на Анандыре реке для государева ясачного збору и приску новых землиц, и, будучи на государеве службе упромышлял кости рыбья зубу 289 пуд, цена по 60 рублев пуд, и ясак на великого государя збирал, и аманаты имал, и на те прошлые на 19 лет государева годового денежного и хлебного жалования нигде не имал, и за ту ево, Сенькину многую службу и за терпение пожаловал великий государь самодержец, велел ему на те прошлые годы выдать из Сибирского приказу треть деньгами, а за две доли суконами» (№ 25, стр. 295—296).

Милостливая резолюция вполне понятна. За годы своей службы Дежнев «упромышлял» для государевой казны 289 пудов «рыбьего зуба» по 60 рублей за пуд. Помимо собранной пушнины, он доставил «прибытку» казне на 17 340 рублей — сумму, для того времени громадную. По исчислению тех же приказных по установленным ими ценам на рожь и овес — 17.340 рублей — это свыше 300.000 пудов ржи или около 560 000 пудов овса [1]. Стоило ли говорить о 126 рублях жалованья, да еще вполне заслуженных.

Любопытно, что было решено это жалованье выдать Дежневу не одними деньгами, а и сукном. Мы не знаем, было ли это сделано по просьбе Дежнева, или навязано властями. На следующий день после царской резолюции ему выдали

---

[1] В XVII столетии цена четверги ржи, установленная приказом, равнялась 23 копейкам, а овса — 12 копейкам. В четверти тогда считалось 4 пуда (позднее 8 пудов).

деньгами 38 рублей 22 алтына 3 деньги (38 рублей 67½ копеек) и 97 аршин сукна — половину темновишневого, половину — светлозеленого — по тридцать алтын за аршин, всего на сумму 87 рублей 17 алтын 3 деньги (87 рублей 52½ копейки). Об этой выдаче тут же сообщили грамотой якутскому воеводе, чтобы он эту «московскую дачу» подписал за Дежневым в якутских расходных книгах.

Дежнев осмелел. 13 февраля того же 1665 года он подал новую челобитную. Рассказав в общих чертах о своей службе и впервые упомянув, что до Якутска он служил раньше еще в Тобольске и Енисейске, Дежнев писал, что он уже двадцать лет служит приказным человеком «вместо атамана». Еще в 1639 году он был отправлен начальником отряда в Оргуцкую волость против князя Сахая. В следующих походах Дежнев был товарищем начального человека, наконец, все последнее время службы — начальником Анадырского острожка. Однако до приезда в Москву числился он простым служилым человеком.

В челобитной он просил царя: «пожалуй меня, холопа своего, за ту мою службу, и за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль: вели, государь, меня поверстать в свою, великого государя, службу по Якуцкому острогу в сотники, или как тебе, великому государю, господь бог о мне известит». Кроме того, задумывая, видимо, новые походы, Дежнев просил еще, чтобы ему было позволено покупать ежегодно «про свой обиход» в Якутске по 300 пудов хлеба (№ 25, стр. 305—306).

Сибирский приказ, помимо обычной «выписи» о службе Дежнева, дал справку, что в Якутске полагается содержание трех стрелецких и казачьих сотников. Все эти места были заняты (Ларион Трофимов, Амос Михайлов, посланный в 1656 году «прикащиком» на Анадырь, и недавно назначенный из пятидесятников Терентий Смирнягин). Оставалась свободной в Якутске только должность атамана, почти равная сотнику. Ее-то и решили дать Дежневу.

«173 году, февраля в 25-й день, — гласит этот приговор, — по указу великого государя, окольничий Родион Матвеевич Стрешнев, слушав сее выписки, приказал: за ево, Сенькину, службу и за приск рыбья зуба, за кость, и за раны, поверстать в атаманы, и оклад ему учинить против ево братьи отаманов — 9 рублев денег, да хлеба 7 чети ржи, да 4 чети овса, да 2 пуда с четью (с четвертью — *В. С.*) соли, и о том ему дать на Лену в Якутцкий острог государеву гра-

моту — велеть ему быть в отпускех, а на нынешний на 173 год государева жалованья денежного и хлебного и соляного новой придачи по окладу ему давать не велеть, потому что ему на нынешней на 173 год денежное жалованье дано на Москве — казачей оклад, а хлебное и соляное жалованье прежней ево оклад велеть дать в Сибири на Лене».

Это распоряжение через несколько дней, 28 февраля, было послано якутскому воеводе.

Почти одновременно с третьей Дежнев подал и свою четвертую челобитную о разрешении взять с собою в Якутск из Устюга племянника Ивана Иванова с его женой.

«...во 173-м году, — писал он, — по твоему, великого государя, указу волокусь я, холоп твой, в Якутцкой острог, на твою, великого государя, службу, а племянник мой Ивашко Иванов живет на Устюге еликом ни в тегле, ни в посаде — скитаетца меж двор и с женою своею с Татьянкою Григорьевою дочерью... вели, государь, того моего племянника Ивашку с женою ево Татьянкою с Устюга Великого взять с собою в Сибирь в Якуцкой острог и вели, государь, о том дать свою, великого государя, проезжую грамоту».

И эта просьба Дежнева была удовлетворена. «Будет (если — *В. С.*) он вольной, — ответили ему, — а не тяглой, и ничей не крепостной, и никому никакова до него дела не будет, и государевых будет долгов и тягл на нем нет», то он может взять своего племянника и его «женишку» Татьяну. Сибирский приказ выдал «государеву грамоту» устюжскому воеводе. Она была вручена самому Дежневу, так как он собирался заехать в Устюг, чтобы захватить племянника с женой.

Собираясь в обратный путь, Дежнев заранее, в первой половине февраля, подал обычную челобитную об отпуске из Москвы и о выдаче подорожной. В Ямской приказ была отправлена «подорожная память», чтобы Дежневу давали «подводы с саньми и с проводники, а летом водою лодку и кормщика и гребцов против подвод, по указу». Дежнев настолько вошел в доверие московской администрации, что ему было поручено доставить из Москвы в Якутск, «государеву денежную казну». Доставку «денежной казны» доверяли только очень верным людям.

Получив «проезжую грамоту» от Москвы через Устюг до Якутска, Дежнев в начале марта, пользуясь последними зимними днями, отправился в далекий путь.

ГЛАВА XVI

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА В МОСКВУ И СМЕРТЬ ДЕЖНЕВА

Дежнев прибыл в Якутск, надо думать, только летом 1666 года. О четырехлетней службе нового атамана, к сожалению, ничего неизвестно. Мы не знаем, ходил ли он в какие-нибудь новые походы, был ли государевым прикащиком» в одной из волостей, или, что менее всего похоже на неугомонного Дежнева, прожил все эти четыре года в Якутске.

Но с 1670 года снова появляются сведения о жизни Дежнева. Н. Н. Оглоблиным найден ряд документов о его второй поездке в Москву (№ 25, стр. 298—300).

В 1670 году якутский воевода — стольник князь Иван Борятинский с дьяком Стефаном Ельчуковым поручили Дежневу отвезти в Москву «соболиную казну» и разные документы якутской приказной избы за прошлые годы, «денежные и хлебные сметные и пометные списки», «ясачные книги», «именные окладные книги».

Сопровождали Дежнева два целовальника — Иван Самойлов и Гаврило Карпов и «для береженья» несколько якутских казаков. Среди них, между прочим, был Нефед Стадухин, сын Михайлы Стадухина. Видимо, под старость враги примирились, и Стадухин отпустил с Дежневым в Москву своего сына.

Тронулись в путь вверх по Лене на лодках 20 июля 1670 года. В Илимский острог приехали 2 сентября. Илимский воевода Сила Аничков осмотрел «соболиную казну» и с ужасом увидел, что у восьми сум и семи мешков, куда были сложены дорогие меха, печати якутского воеводы срезаны и сняты и что «в сумы и мешки хожено». Дежнев объяснил, что срез печатей был вызван крайней необходимостью: сумки и мешки с мехами дорогой подмокли, пришлось останавливаться, снять «для высушки казны» печати и сушить меха. Воевода запечатал сумки и мешки своей илимской печатью и в тот же день отправил Дежнева с сопровождавшими его людьми «на судах» дальше.

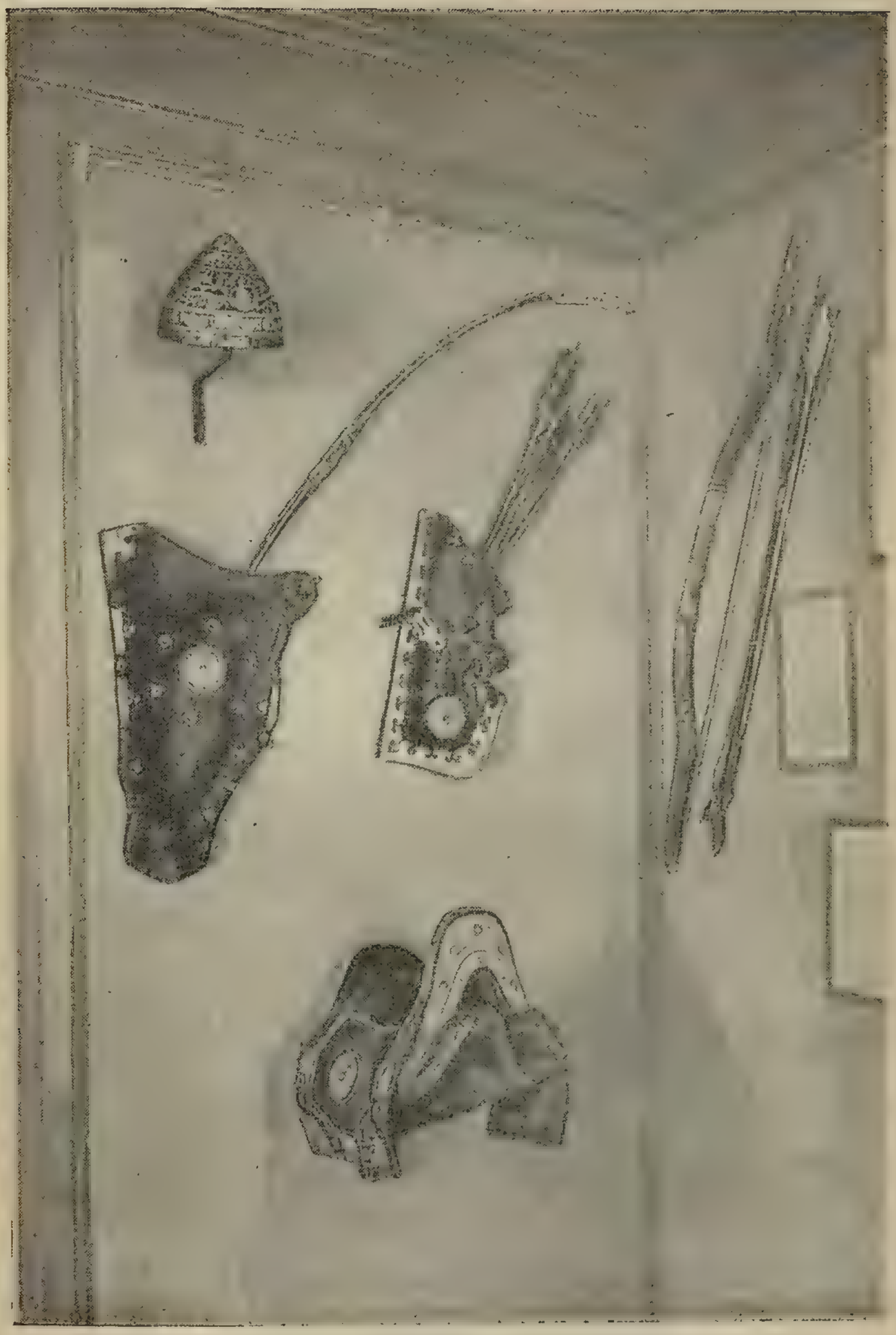
В Тобольск приехали почти через год — 26 июня 1671 года. Тобольские воеводы князь Иван Репин с товарищами тоже осматривали якутскую «соболиную казну» и проверяли ее «против росписи» — по описи якутского воеводы. Все оказалось в наличности, но некоторые меха были подмочены

Езда бурят на оленях.

Гравюра из книги Избранта Идеса „Путешествие в Китай".

Чукотский воин.

Рисунок художника Луки Воронина, приложенный к рукописи К. Мерка „Описание чукчей, их обычаев и образа жизни".



Бурятское оружие XVI—XVII веков.
Экспозиция Государственного исторического музея в Москве

Тунгуз (эвенк) в охотничьем вооружении.
Гравюра XVIII века. Собрание музея народов СССР.

и подгнили. Дежнев объяснил, что когда плыли по Лене, шли «дожди великие». От этих дождей и подмокла «мягкая рухлядь». Воеводы приложили к мешкам тобольские печати, и Дежнев со своими спутниками, отдохнув в Тобольске около полутора месяцев, в августе тронулся в дальнейший путь.

В Верхотурье прибыли в ноябре. На верхотурской «заставе» таможенный и заставной голова Сила Садилов, осматривая «соболиную казну», заметил, что некоторые из холщевых мешков с мехами во многих местах «испробиты и плачены» — на мешках дыры и на них поставлены заплаты.

Голова не удовлетворился устным объяснением и потребовал у Дежнева с его целовальниками письменного объяснения — «скаски».

Дежнев, Самойлов и Карпов написали эту «скаску». Они объяснили, что во время пребывания в Тобольске мешки с мехами были сложены в государев амбар. Часть мешков «мыши испробили во многих местах», да и за дорогу мешки продрались. Эти «мышьи пробоины» и дыры пришлось в дороге зашивать и штопать. «Скаску» вместе со своей отпиской осторожный голова отправил в Сибирский приказ.

Наконец, 25 декабря 1671 года добрались до Москвы. Путь от Якутска занял год и пять месяцев. Несмотря на большой праздник, Дежнев в тот же день явился в Сибирский приказ и сдал все присланные с ним документы якутского воеводства.

Меха у него принимали 29 декабря «ценовщики соболиной казны» — оценщики мехов гость Остафий Филатьев с товарищами. Была составлена «приемная роспись», из которой видно, что вся посланная из Якутска «соболиная казна» привезена в Москву в целости, никаких злоупотреблений со стороны Дежнева и его спутников не было, а вскрытие мешков со срезами печатей было признано правильным.

Поездка с «соболиной казной» явилась последней «службишкой» старого казака. Дежневу было около шестидесяти лет. Жизнь, полная лишений, голодовок, сказалась, как и многочисленные раны. Дежнев захворал и умер в Москве в 1679 году. В окладной книге денежного, хлебного и соляного жалованья ружников и служилых людей города Якутска появилась запись: «Семен Дежнев во 181 году на Москве умре, а оклад его в выбылых» (№ 26, стр. 61).

Так окончилась жизнь знаменитого землепроходца, впервые открывшего пролив между Азией и Америкой, жизнь полная смелых походов, боев и тяжелых лишений.

Понял ли кто-нибудь во времена Дежнева значение его открытия? Едва ли.

Не подозревал о всей важности своего морского пути от реки Колымы до Анадыря и сам Дежнев. Сомнительно даже, знал ли он о существовании Америки и о том, как важно найти пролив, который отделяет ее от Азии. И сам Дежнев и царское правительство из всего его беспримерного похода оценили только открытие «новоприискной землицы» с дорогой моржовой костью, сулившей государевой казне большие прибыли.

При существовавшем тогда уровне географических познаний в Московской Руси такое отношение к походу Дежнева понятно.

Непонятно другое: как не вспомнили о Дежневе, когда в 1778 году Джэмс Кук предложил назвать этот пролив Беринговым.

Миллер, разбираясь в сибирских архивах, натолкнулся на документы о дежневском походе и опубликовал их еще в 1758 году. Следовательно, еще за двадцать лет до предложения Кука было известно, что первым прошел пролив между Азией и Америкой не Беринг, а Дежнев.

Что же, забыли о нем? Нет, наверно, помнили, да промолчали, не желая возвеличивать худородного казачишку перед заслуженным иностранцем — командором Витусом Берингом.

Нам, советским людям, дорог этот «худородный казачишка». Он славный представитель «всевыносящего», по выражению Некрасова, русского племени. Ни холод, ни голод, ни раны, ни «великие тяготы» не останавливали его при осуществлении поставленной задачи.

В бою Дежнев — первый. Он не щадил себя. После боя старался действовать «не жесточью», а лаской. Дежнев ссорился с товарищами, поступающими слишком жестоко с туземцами, кормил аманатов, а сам питался лиственной корой да чем «бог пошлет». Только этой чертой дежневского характера можно объяснить редкий в истории завоевания Сибири случай, когда туземцы, с которых только что был взят ясак, заступились за русских, как это было с отрядом Дежнева на Оемоконе.

Через 250 лет после своего изумительного похода Дежнев получил, наконец, признание. По предложению Русского географического общества, по инициативе его предсе-

дателя академика Шокальского, сыгравшего исключительную роль в увековечивании памяти славного русского казака Дежнева — землепроходца и пионера освоения бескрайних просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока, самый восточный мыс Азии был переименован в 1898 году в мыс Дежнева.

Русский народ дал мировой культуре немало блестящих путешественников и выдающихся исследователей. Почетное место среди них занимает якутский казак Семен Иванович Дежнев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андриевич, В. К.* История Сибири. Составлена по данным представленным Полным собр. законов. Ч. I. Период от древнейших времен до установления главенства г. Тобольска и основания Иркутского острога. Ч. 2. Период с 1660 г. до воцарения имп. Елизаветы Петровны. СПб. 1889.

2. *Бахрушин, С. В.* Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века. В книге «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири», в. 2, Петроград, 1922, стр. 18—83 (К-т Севера при РГО и Северная колонизационная экспедиция).

3. *Бахрушин, С. В.* Ясак в Сибири в XVII веке — «Сибирские огни», Новосибирск, 1927, № 3, стр. 95—129.

4. *Беляев, И. Д.* О географических сведениях в древней России «Записки Русского Географического о-ва», 1852, кн. VI.

5. *Берг, Л. С.* Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. «Записки по гидрографии» т. II, XLIII, вып. 2, 1919, стр. 77—141.

6. *Берх, В.* Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны. СПб, 1821, ч. I, стр. 87—90.

7. *Вернадский, Г. В.* Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири XVII века. — Журнал министерства народного просвещения», Петроград, 1915, апрель, ч. 56, стр. 332—354.

8. *Врангель, Ф,* Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану, между Карским морем и Беринговым проливом, до 1820 года. «Журнал для чтения воспитанникам военноучебных заведений». 1838, т. XV, кн. 59, стр. 354—384; кн. 60, стр. 472—525 (О Дежневе, стр. 290—302).

9. Дополнения к актам историческим, т. II, СПб, 1846.

а) Наказная память Ленских воевод Василья Пушкина и Кирила Супонева служилому человеку Осипу Боярщине с товарищами, о сборе ясака с тунгузов и о выдаче в казну с пахотных служилых людей и крестьян десятинного хлеба. 1644, сентября 30, № 73, стр. 175—180.

б) Наказная память Ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова служивым людям Максиму Телицину с товарищами, отправленным на реку Юганду для ясачного сбора с инородцев и открытия новых земель. 1641 августа 28 № 95, стр. 256—258.

в) Наказная память десятнику Елисею Бузе, отправленному на реку Индигирку для открытия реки Нероги, впадающей в Северный океан. 1642 г., № 98, стр. 262.

10. Дополнения к актам историческим, т. III СПб, 1848.

а) Распросные речи служилого человека Михаила Стадухина о реках Колыме и Чюхче, о живущих по ним инородцах и о неизвестном острове на Ледовитом океане близ устья реки Колымы. 1647 апреля 22. № 24, стр. 99—100.

б) Челобитная якутских служилых людей Василия Бугра с товарищами, о притеснениях их воеводою Васильем Пушкиным, с испрашиванием прощения в самовольном оставлении ими Якутска и странствовании по рекам Яне, Индигирке и Ковыме, для приска новых земель и ясачного сбора с инородцев. 1649 июня 9 — сентября 1, № 56, стр. 208—213.

в) Отписка служивого человека Тимофея Булдакова, о плавании его по Ледовитому морю, о прибытии на Колыму и о принятии в свое ведение Колымского ясачного зимовья, 1651 в марте. № 79, стр. 280—283.

г) Наказ якутскому воеводе Михаилу Ладыженскому, об отправлении им воеводской должности. 1651 после 1 мая. № 83, стр. 297—317.

11. Дополнения к актам историческим, т. IV СПб, 1851.

а) Челобитная служивых людей Василья Бугра и Евсевия Павлова, о даче им жалованья за службу на реках Яне, Индигирке, Колыме и Анадыре. 1655 после 26 марта. № 4, стр. 8—9.

б) Отписка якутскому воеводе Ивану Акинфову служивого человека Юрия Селиверстова, о прибытии его на реку Анадыр, о моржевом промысле и проч. 1655 после 30 марта. № 5, стр. 9—12.

в) Челобитная служивых и промышленных людей Федора Емельянова Ветошки с товарищами, о назначении им денежных и хлебных окладов за службу на реке Анадыре. 1655 прежде 4 апреля. № 6, стр. 12—16.

г) Отписка якутскому воеводе Ивану Акинфову служивых людей Семена Дежнева и Никиты Семенова, о походе их на реку Анадыр, о военных действиях против инородцев и проч. 1655 г. апреля 4 и после 15. № 7, стр. 16—27.

д) Отписка якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому сына боярского Кирилла Ванюкова, о посылке служилых людей на реку Индигирку, Мому и Хромую. 1656 после 25 июня. № 25, стр. 56—57.

е) Наказ стрелецкому сотнику Амосу Михайлову, о заведывании служивыми и промышленными людьми на реке Анадыре, о сборе ясака и приискивании новых земель. 1656 июля 20. № 30, стр. 70—80.

ж) Грамота якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому, о сборе моржевой кости по берегам Восточного океана, по реке Лене и проч. 1658 января 30. № 45, стр. 99—100.

з) Отписка казачьего десятника Михаила Стадухина о пребывании его на реках Анадыре, Акляе, Изиге и Тавуе. 1658 марта 1. № 47, стр. 120—122.

и) Выписка из воеводского наказа отправленному на Ковыму реку подьячему Семену Аврамову, 1664 июля 26. № 144, стр. 381—384.

к) Выписка из воеводского наказа таможенному целовальнику Дмитрию Колуге, отправленному на реку Ковыму. 1661 июля 15. № 150, стр. 403—404.

12. Дополнения к актам историческим, т. VII, СПб, 1859.

а) Акты, относящиеся до ясачного якута Балтуги Тимиреева и его действий против царских служилых людей. 1676—1679 ноября 30. № 3, V, стр. 8—35.

б) Наказ ясачному сборщику Василию Тарасову 1677 г. августа 13. № 23—II, стр. 139—145.

в) Отписка якутского воеводы Приклонского о верстаньи казаков. 1676 г. № 74, XIX, стр. 364—365.

13. Дополнения к актам историческим, т. XI СПб, 1869.

а) Распросные речи в Енисейской приказной избе промышленных людей. 1684, апреля 20. № 24, стр. 80—84.

14. *Иорданский, Н.* Дежнев «Русский биографический словарь» (т. Дабелов-Дядьяковский). 1905 г. стр. 164—166.

15. *Ключевский В. О.* Сказание иностранцев о Московском государстве. Петроград, 1918.

16. *Козьмин, Н. Н.* Администрация государевой пашни в Сибири в XVII веке. В кн. «Очерки прошлого и настоящего Сибири» СПб. 1910.

17. *Миллер, Г. Ф.* Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». СПб, 1758 январь—ноябрь (Сведения о Дежневе помещены в январской книге, стр. 3—27.

18. *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб. 1905.

19. *Небольсин, Павел.* Покорение Сибири. Историческое исследование. СПб. 1849. (В книге приведены в приложении: 1) Первоначальная Сибирская летопись; 2) Летопись Саввы Есипова; 3) Строгановская летопись (в извлечении); 4) Неизвестная рукопись XIX столетия; 5) Отрывок из «Повествования о Сибири» латинской рукописи последней четверти XVII ст.; 6) Извлечение из «Нового летописца» скорописи XVIII века).

20. Новгородская первая летопись «Полное собрание русских летописей», т. III, СПб, 1841.

21. Новгородская четвертая летопись «Полное собрание русских летописей, т. IV, СПб, 1848.

22. *Оглоблин, Н. Н.* Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века. «Журнал министерства народного просвещения», СПб 1903, 347, стр. 38—62.

23. *Оглоблин, Н. Н.* К русской историографии. Герард Миллер и его отношения к первоисточникам. «Библиограф», 1889, № 1. стр. 1—11.

24. *Оглоблин, Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768). 4 части. Москва 1895—1901.

1 ч. Документы воеводского управления. Москва, 1895.

2 ч. Документы таможенного управления. Москва, 1898.

3 ч. Документы по сношениям местного управления с центральным. Москва, 1900.

4 ч. Документы центрального управления. Москва, 1902.
То же — «Чтения в Московском о-ве истории и древностей российских». Книга 2 (1895 г.), книга 1 (1898 г.), книга 3 (1900 г.), книга 4 (1902 г.).

25. *Оглоблин, Н. Н.* Семен Дежнев (1638—1671 гг.). Новые данные и пересмотр старых. — «Журнал министерства народного просвещения», ч. 272, 1890 г. декабрь, стр. 249—306; СПб. 1890. В приложении приведены:
а) Первая челобитная Семена Дежнева, 1662 г.
б) Его вторая челобитная от 23 сентября 1664 г.
в) Третья челобитная, 13 февраля 1665 г.
г) Четвертая челобитная, 25 февраля 1665 г.

26. *Оглоблин, Н. Н.* Смерть С. Дежнева в 1673 г. — «Библиограф», 1891, № 3—4, стр. 60—62.

27. *Огородников, В. И.* Из истории покорения Сибири. Покорение юкагирской земли. «Труды Гос. института народного образования в Чите», кн. I, Чита, 1922, стр. 249—352.

28. *Огородников, В. И.* Из истории инородческих волнений в Сибири. «Вестник просвещения». Журнал министерства просвещения. Чита, 1922. № I, стр. 1—20.

29. *Оксенов, А. В.* Сношения Новгорода Великого с Югорской землей. Историко-географический очерк по древнейшей истэрии Сибири. «Литературный сборник» (Изд. редакции «Восточного обозрения»), СПб, 1885, стр. 425—445.

30. *Оксенов, А. В.* Политические отношения Московского государства к Югорской земле. «Журнал министерства народного просвещения», 1891, ч. 273, № 2, стр. 245—272.

31. *Платонов, С. Ф.* Прошлое русского севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Петроград, 1923.

32. *Полонский, А. С.* Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 г. «Записки гидрографического департамента», ч. VIII, СПб, 1850.

33. Русская историческая библиотека, т. II, СПб, 1875. Наказ стольнику Петру Головину и дьяку Ефиму Филатову, посланным в Сибирь на реку Лену, для строения острога и приведения в русское подданство сибирских инородцев. 1638, августа 6. № 213, стр. 960—972.

34. *Садовников, Д.* Наши землепроходцы. Рассказы о заселении Сибири (1581—1712) Москва, 1874.

35. *Самойлов, В. А.* Семен Дежнев. «Исторический журнал», 1938, № 11, стр. 69—80.

36. *Словцов, П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб, 1886.

37. *Титов, А.* Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. Москва, 1890.

38. *Токарев, С.* Колониальная политика Московского государства в Сибири в XVII веке. «История в школе», Москва, 1936 г., № 4, стр. 73—99.

39. *Фирсов, Н. Н.* Чтения по истории Сибири. Вып. I. Москва, 1921.

40. *Фишер, И, Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб, 1774.

41. *Шокальский, Ю, М.* Семен Дежнев и открытие Берингова пролива. «Известия ИРГО», т. XXXIV, 1898, вып. IV, стр. 495—500.

Ниже приводится список литературы (не претендующий, конечно, на полноту), в которой имеются сведения и ссылки о походах Дежнева

Берг, Л. С. Открытия русских в Тихом океане. В книге «Тихий океан», Ленинград, 1926, стр. 1—24.

Васильев, А. В. Забайкальские казаки. Исторический очерк. т. I, Чита. 1916.

Гриц, Т. Рыбий зуб. Изд. «Молодая гвардия». Москва, 1930.

Замечательные русские люди Ерофей Хабаров и Семен Дежнев.— СПб, Изд. журн. «Досуг и дело», 1881.

Зеленин, А. Якутский казак Семен Дежнев. «Научное обозрение», 1898, №12, стр. 2181—2193.

К-р, А. Семен Дежнев и 250-летие со времени открытия пролива, именуемого Беринговым. «Землеведение», 1898 (1899), кн. III—IV, стр. 190—196.

Костомаров, Н. И. Сибирские землепроходцы XVII века. В книге Н. И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Кн. 2, СПб., изд. 6-е, 1912.

Мамыкин-Невструев. Завоеватели Восточной Сибири — якутские казаки. М. 1883.

Оглоблин, Н. Н. Семен Дежнев. «Московские ведомости», 1889, № 321.

Рагоза. Анадырская округа. «Военный сборник», отд. I, 1894, № 8, стр. 352—370, № 9, стр. 151—166.

Садовников, Д. Подвиги русских в Сибири. Ерофей Хабаров и Семен Дежнев. (Рассказы о завоевании и заселении Сибири). М. 1906.

Середонин, С. М. Исторический очерк завоевания Азиатской России. В книге «Азиатская Россия» т. I, СПб., 1914, стр. 1—38.

Сильницкий, А. И. Заслуга Семена Дежнева (Историческая справка). «Труды Приамурского отд. ИРГО». т. III, 1895 (1896), стр. 1—6.

Турбин, С. Семен Дежнев. — «Росинки», 1869. № 7, стр. 370—385.

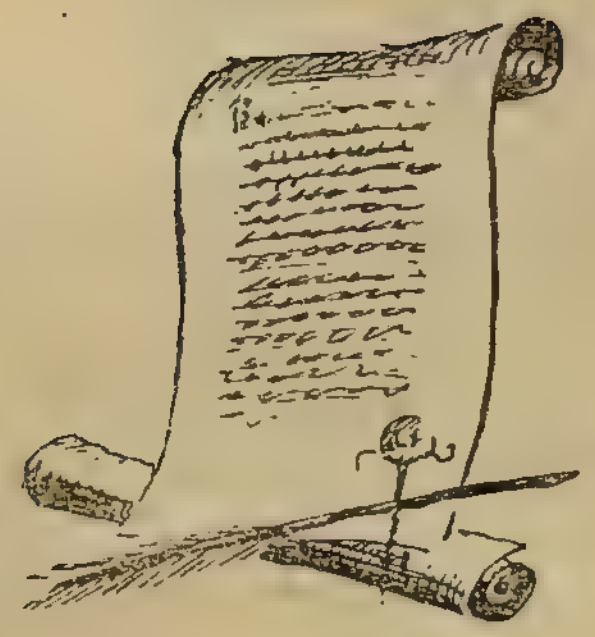
Усов, П. Берингово море и Беринтов пролив. В книге «Живописная Россия», т. XII, ч. 2, СПб. М., 1895, стр, 155—172.

Чукчи и земли их с открытия этого края и до настоящего времени. «Журнал министерства внутренних дел, «1851, ч. 34, № 6, стр. 456—490.

Краткие сведения об экспедиции Дежнева содержатся в учебнике для VIII класса средней школы по Истории СССР, стр. 212 и в т. I. учебника для вузов, стр. 580.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТПИСКИ И ЧЕЛОБИТНЫЕ СЕМЁНА ДЕЖНЕВА О ЕГО ПОХОДАХ И ОТКРЫТИЯХ



Подлинные отписки Дежнева (особенно первая, от 1655 года) составлены довольно сумбурно. Описывая какой-нибудь эпизод своей жизни на Анадыре, Дежнев и Семенов нередко переходят к следующему, затем снова возвращаются к первому эпизоду, излагают события, скажем, 1654 года, потом 1651 года, затем снова 1654 года и т. д.

Чтобы облегчить пользование документами, ниже дается указатель по годам с ссылкой на страницу, на которой описаны события этого года, а самый текст челобитных разбит на абзацы.

При чтении документов следует учесть, что в XVII столетии год начинался не с 1 января, а с 1 сентября. Применялось старинное летосчисление от сотворения мира, которое якобы совершилось 1 сентября 5509 года до нашей эры. Для перевода старого счета лет на современное надо при переводе дат с 1 сентября по 31 декабря высчитывать 5509 лет, а при переводе дат с 1 января по 31 августа — 5508 лет.

1648

Описание похода Дежнева с Колымы на Анадырь (июнь—октябрь). Поход его после гибели кочт к верховьям Анадыря (октябрь—декабрь) (стр. 139).

1649

Плавание весной вверх по Анадырю, встреча с анаулами, бой с ними, ранение Дежнева, постройка зимовья (стр. 140).

Поход Никиты Семенова из Колымского острожка в верховья Анюя, разгром ходынцев, захват пленников, их рассказ на допросе о «захребетной» реке Анадыре, организация экспедиции на Анадырь под начальством Семена Моторы (стр. 124—125). Неудачный морской поход Стадухина на Погычу реку, возвращение его 7 сентября в Колымский острожек, организация своего отряда для похода на Анадырь (стр. 125).

1650

Поход отрядов Моторы и Стадухина из Колымского острожка на Анадырь. Захват 24 марта в верховьях Анюя отрядом Дежнева ходынского аманата (стр. 126).

Стадухин забирает в плен Семена Мотору и выпускает только после того, как вымучивает подписку, что Мотора будет подчиняться Стадухину (стр. 126).

Встреча 23 апреля Моторы с Дежневым, их соглашение служить «сообча» государеву службу (стр. 127).

Поход Стадухина на Анадырь, погром им объясаченных уже раньше анаулов, попытка Дежнева заступиться за своих ясачных.

Дежнев с Моторой, избегая дальнейших стычек со Стадухиным, уходят на поиски реки Пенжины. Не найдя ее, возвращаются обратно (стр. 127).

Стадухин посылает осенью отряд вниз по Анадырю. Уничтожение этого отряда анаулами (стр. 127). Зимой Дежнев идет на тех же анаулов. Бой (стр. 127—128).

1651

12 января Стадухин грабит одну из дежневских партий, которая везла припасы голодающему отряду Дежнева (стр. 129).

1 февраля. Перебежавшие к Моторе двое служилых людей сообщили ему, что Стадухин хочет разгромить дежневский отряд (стр. 136).

В феврале переходят от Стадухина в отряд Дежнева Бугор и другие (стр. 138).

Поход весной в верховья Анюя на ходынцев, захват аманата Чекчоя (стр. 126).

Анаульский князец Мекерко громит родичей дежневских аманатов анаулов первый раз, видимо, летом, второй раз в ноябре (стр. 128).

7 декабря. Анаульские аманаты бьют челом Дежневу, прося защиты их родичей и смирения Мекерки.

1652

Поход в начале года на анаульского князца Мекерку.

Смерть Семена Моторы в бою.

Находка летом (в июне) в устье Анадыря «корги» с моржовыми лежбищами. Описание «корги» (стр. 129).

1653

Поход в марте или апреле на чуванцев. Бой с ними. Смерть Ивана Пуляева, исполнявшего должность целовальника в дежневском отряде

3 мая. Неудачное ходатайство о новом целовальнике.

Перечисление оставшегося после убитого Ивана Пуляева имущества, завещанного им в государеву казну, указание, кому проданы эти «статки» и за сколько (стр. 135—136).

Находка летом леса, постройка из него судов. Намерение Дежнева отправить собранный ясак в Якутск морем. Отказ от этого намерения.

1654

Обещание ходынцев—родичей аманата Чекчоя—отвезти собранный ясак в 1655 году за железные изделия (стр. 130—131).

10 апреля. Захват у чуванцев двух аманатов (стр. 131).

27 апреля. Приход с Колымы Юрья Селиверстова. Юрий Селиверстов громит родичей дежневского аманата Чекчоя (стр. 131).

Посылка Селиверстовым отписки в Якутск, в которой он утверждал, что «коргу» открыл не Дежнев, а он, Селиверстов, вместе со

Стадухиным во время плавания на Погычу реку в 1649 году. Возражения Дежнева, описание им Большого Каменного носа и его «признаков».

Поход летом на коряков, живущих около «корги». Бой с ними (стр. 133). Дежнев отгромил у коряков «якутскую бабу», приехавшую с Колымы вместе с Федотом Алексеевым (стр. 140).

Описание Анадыря, рыбной ловли, составление карты (стр. 139—140).

Жалобы промышленников на Евсейку Павлова (стр. 141).

16 ноября. Посылка аманата Чекчоя к его родичам с поручением уговорить их платить ясак (стр. 132—133).

21 ноября. Сбор вместе с Селиверстовым ясака с ходынцев (стр. 138).

1655

10 февраля. Попытка послать служилых людей с ясаком. Отказ их 25 марта выполнить это приказание (стр. 137).

19 марта. Челобитная аманата Чекчоя и его родичей о том, что их погромили коряки с Пенжины, почему они и не могут заплатить ясак и увезти государеву казну. Просьба смирить коряков (стр. 132—133).

22 марта. Захват вместе с Селиверстовым аманата у ходынцев.

26 марта. Селиверстов объявляет наказную память о высылке с Анадыря Семена Моторы, Костромина и Бугра. Отказ Дежнева подчиниться этому приказанию (стр. 137).

15 апреля. Дежнев отпускает анаульских аманатов, которые едут в горы купить соболи для уплаты ясака. Убийство одного из аманатов ходынцами.

Третий набег на родичей анаульских аманатов князца Мекерки.

Перечисление собранного с 1650 года ясака (стр. 134—135).

Перечисление посланных с Анадыря челобитных (стр. 137).

Перечисление имен лиц, посланных с настоящими отписками.

1655 апреля 4 и после 15.

ОТПИСКИ ЯКУТСКОМУ ВОЕВОДЕ ИВАНУ АКИНФОВУ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ СЕМЕНА ДЕЖНЕВА И НИКИТЫ СЕМЕНОВА О ПОХОДЕ ИХ НА РЕКУ АНАДЫР, О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ ИНОРОДЦЕВ и проч.

I. Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии столнику и воеводе Ивану Павловичю Акинфиеву да дьяку Осипу Степанову с новые реки Анадыру служилые и промышленные люди Семейка Дежнев да Микитка Семенов челом бьют.

В прошлом во 157 [1] году, Колымы реки от сына бояр-

[1] Здесь и ниже в челобитных опущена цифра тысячелетий, по старому летосчислению, т. е. 157 год, следует читать 7157, а по новому летосчислению 7157—5508 = 1649 г. н. э.

ского Василья Власьева да целовалника Кирила Коткина посланы служилые и промышленные яз Микитко с товарыщи вверх Анюя реки на неясачных людей, и государевым счастьем нашли мы неясачных людей Ходынцов и их громили, а взяли мы, для государева ясаку, того погрому лутчего мужика, именем зовут Ангара, и отдали на Колыме реке сыну боярскому Василыс Власьеву да целовальнику Кирилу Коткину, а на роспросе тот мужик сказал и того погрому ясыри: есть де за Каменем новая река Анандыр, а подошла де та река Анандыр к вершине Анюя реки близко. И по тем роспросным речам прибрались охочие промышленные люди, а били челом государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а челобитную подали на Колыме реке сыну боярскому Василью Власьеву да целовалнику Кирилу Коткину, чтоб их государь пожаловал, отпустил в те новые места, на ту захребетную реку Анандырь, отпустил бы для приску вноз ясачных людей и приводу под царскую высокую руку... Анадырь; а иные промышленные люди подавали челобитные во 158 году ему Семену Моторе, чтоб служилым и промышленным людем по той наказной памяте... с ним Семеном; да с ним же Семеном посланы служилые люди.

И в прошлом во 157 году, Ленского острогу служивой человек Михайло Стадухин пошел морем с Колымы реки вперед на Погичу реку, а в прошлом во 158 году сентября в 7 день пришел с моря назад наКолыму реку, а с Колымы он Михайло писал в Ленскей острог воеводам Василью Никитичю Пушкину с товарыщи, что бежали де они Михайло с товарыщи и с беглыми служивыми людми морем вперед семеры сутки, а людей де нашли неболших Коряков и языков переимали, а на роспросе языки сказали, что люди де впереде есть, а реки де впереде никакой не знаем; и он Михайло, послыша те роспросные речи и покупя тогож нашего погрому ясырей, учал смышлятца в теж новые места, на туж Анандыр реку, где отпущены мы, служилые и промышленные люди, и учал он Михайло с товарыщи и с беглыми служивыми людьми, с Ярофейком Киселевым с товарыщи, изгонять и всяко угрожать, и дорогою, идучи по Анюю и по Анандырю рекам, корм, и оружие, и всякой промышленной завод, собаки и нарты, силно имал и между нами рознь чинил, чтоб та государева служба заложить, завистию своею не хотя нас видеть в царском ми-

лостивом призреньи; да он же Михайло на Колыме реке товарыщев наших, промышленных людей Матюшку Калинина да Кирилка Проклова, с беглыми служилыми людми били и ясырю у него Кирилка взяли силно, напрасно, а в той его Михайлове обиде и во всей его похвалбе подана у нас на Колыме реке в ясачном зимовье служилым людям Мокею Игнатьеву да Ивану Иванову Пермяку изветная челобитная.

А как мы пошли с Колымы реки и вверху Анюя реки на Каменю, перенял аргишницы иноземские, за ними... в поход ходили, и государевым счастьем взяли Ходынского мужика в оманаты доброго, именем зовут Чекчо, а братьев у него четыре брата родных, а он пятой, и иных родников много, а взяли мы того аманата марта в 24 день, а к родникам своим посылал Чекчо и велел им быть к нам на кош с государевым ясаком в четвертой день; а тот Михайло Стадухин пришел с Колымы реки вверх Анюя реки марта в 26 день и стал станом своим подле нас близко, а как те иноземцы пришли к нам с ясаком и взяли мы государева ясаку под того аманата девять соболей, и тот Михайло с товарыщи в теж поры об ясачном сборе учинил стрелбу из оружья, не ведомо для чего, и тех иноземцов отогнал, а мы его Михайла унимали и он нас не послушал; а чаяли, что мочно было с тех иноземцов государева ясаку и больше того взять, потому что иноземцов было немало, человек с полста и болше.

А как мы перешли на Анандыр реку, и он Михайло по первой своей похвалбе, идучи дорогою, росплоша приказного у нас служиваго человека Семена Мотору силно к себе взял и держал у себя он девять ден; а пришел он Семен к нам на дороге в десятой день, а сказал он Семен: садил де меня Михайло Стадухин в колоду, а вымучил де у меня в колоде он Михайло таково писмо, чтоб мне Семену с товарыщи на Анандыре государевы службы особне не служить, кроме его Михайла, и быть под началом у него Михайла.

Да апреля в 23 день на Анандыре реке Семен Мотора с товарищи дошли до ясачного зимовья Семейки Дежнева с товарищи, с промышленными людми двенадцать человек, и яз Семейка Дежнев с товарыщи с ним Семеном Моторою с товарыщи стали государеву службу служить с того числа вместе и аманатов кормить собща, а у меня Семейки

с товарыщи два аманата Анауляне, взяты вновь, Колупай имя одному, а другому Негово; а тот Михайло Стадухин, обошед то ясачное зимовье, погромил Анаулских мужиков, а на погроме побил их Анаулей много и тех ясачных мужиков Колупая и Негова отцов и родников их погромил; и яз Семейка с товарыщи пришел к тому Анаулскому острожку к нему Михайлу с товарыщи и стал ему говорить, что делает он негораздо, побивает иноземцов без розбору; и он Михайло говорил: то де люди не ясачные, а толко де они ясачные, и ты де поди к ним, и зови их вон из острожку и государев ясак возми с них; и яз Семейка стал им иноземцом говорить, чтоб без боязни вон вышли и дали б государев ясак, и тех Анаулских аманатов родник стал подавать из юрты государю в ясак ополники соболи; и он Михайло учал, ополники из рук вырвав, меня Семейку бить по щекам в том, что яз стал государеву службу служить с Семеном Моторою с товарыщи собща, потому что мы люди не великие, и стал он Михайло на нас риитца и всякими обычаями изгонять. И мы служивые и промышленные люди Семен Мотора и яз Семейка Дежнев с товарыщи, служилыми и с промышленными людми, бегаючи и укрываючись от его Михайловы изгони, пошли мы осенью нартяным путем вперед на захребетную реку Пянжин, для приску и приводу под государеву царскую высокую руку вновь неясачных людей, и у нас на ту реку ведомых вожей не было, а ходили мы три недели и реку не нашли, и мы, видя нужную голодную и холодную смерть, назад на Анандыр воротились.

Да в прошлом во 159 году, осенью, по полой воде послал он Михайло служивых и промышленных людей девять человек вниз Анандыру вниз реки к Анаулям, и те иноземцы Анаули тех служилых и промышленных людей побили всех, а сами они сбежали вниз Анандыру реки далеко и с государевым ясаком к ясачному зимовью не пришли; и мы ходили к ним Анаулям вниз Анандыру реки, а у них сделан острожек, и мы их из острожку вызывали, чтоб они государю вину свою принесли и ясак бы государев с себя дали; и они Анаули стали с нами дратца, и как нам Бог помог взять первую крайнюю юрту и на острожек взошли, и мы с ними бились на острожке ручным боем, друг за друга имаяся руками, и у них Анаулей на острожке норовлено готовый бой, колье и топоры сажены на долгие

деревья да и ножи, потому что за убойство Руских людей ждали они на себя Руских людей, и убили они у нас служилого человека Суханка Прокопьева, да трех человек промышленных, Путилка Афанасьева, Евтюшку Материка, Кирилка Проклова, да служилых людей Пашка Кокоулина на том приступе топором и кольем изранили в голову и в руку, и он Пашко немочен был всю зиму, да Артюшку салдатка ранили из лука в лоб, да промышленных людей Терешку Микитина ранили из лука в переносье, да Фомку Семенова да Титка Семенова на съемном бою изранили кольем, и Бог нам помог тот их острожек взять и их Анаулей смирить ратным боем; а для государева ясаку взяли мы лутчего мужика Когюню, а тот Когюня и с родниками сказали, что прежде сего мы государева ясаку с себя не плачивали.

И тех прежних Анаулских аманатов отцы их Каллик и Обый, с родниками своими, по прежним своим угодьям стали жить по старому, и пришед на них Анаулской же мужик Мекерко с родниками своими летом тайным обычаем, тех аманатов отцов побили и всех родников их на смерть; и в прошлом 160 году, месяца ноября, тот же Мекерка с родниками, тайным же обычаем пришед, и Когюню и родников его всех побил на смерть же и... их; и декабря в 7 день Анаулской аманат Колупай да родник его Лок били челом государю, чтобы их государь пожаловал, шли б на того Мекерку мы служилые люди и промышленные и их бы смирили ратным боем, что побил де он Мекерка отца и родников наших, а вперед де он Мекерка тем же обычаем и вас государевых служивых и промышленных людей хочет побивать; и Семен Мотора и я Семейка Дежнев с товарищи на того Мекерка с родниками в поход ходили и призывали его Мекерку под государеву царскую высокую руку, и он Мекерка с родниками учинился не послушен, и стали нас стрелять и убили служивого человека Семена Мотору, а служивого Пашка Кокоулина ранили в плечо и в стегно из лука, да Федотка Ветошку из лука ж ранили в колено, да промышленного человека Стенку Сидорова из лука ж ранили в руку, и мы жен и детей их всех поимали, а он Мекерка с родниками ушли, иные ранены.

И торговой человек Онисимко Костромин и промышленные люди Васка Бугор с товарыщи били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю веса Русии,

Способы передвижения в Сибири. Езда на нартах с парусом и езда на собаках.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".

Якуты зимой. Езда на лыжах, на собаках и в санях на оленях.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".

а челобитную подали за руками нам Семейке и Микитке, чтоб нам быть у твоей государевы казны, и у аманатов и у всяких государевых дел по наказной памяти, которая дана на Колыме реке от сына боярского Василья Власьева да целовалника Кирила Коткина Семену Моторе, и их промышленных людей ведать нам Семейке и Микитке.

Да во 159 году, генваря в 12 день, шли от нас снизу Анандыру товарыща наши промышленные люди Мишка Захаров да гостиной сотни торгового человека Василья Гуселникова приказчиков его Безсонка Астафьева да Офонки Андреева покрученик их Ефимко Меркурьев Мезеня, да Петрушка Михайлов, Фомка Семенов вверх Анандыру реки, в ясачное зимовье ко государеву аманату Чекчю и к товарищем нашим, к Семену Моторе с товарыщи, с кормом и с одеженком и со всяким борошнишком, а те наши товарыщи, живучи у государевы казны и у аманата, помирали голодною смертию, кормились корою кедровою, а что было небольшое место свежей рыбы, и то пасли и кормили помаленку государева аманата, чтоб ему, с нужи оцынжав, не помереть, и нам бы за то от государя в опале и в казне не быть: и послыша то Михайло Стадухин, что идут в ясачное зимовье товарыщи наши, и он Михайло, перенял на дороге, товарыщев наших пограбил, корм, и оружье, и платье, и собаки и нарты, и всякой борошен и завод силно взяли, а их товарыщев наших били, и в том у них бою и грабеже изветные челобитные поданы до умертвия; а во 160 году под того аманата Чекчоя взяли государева ясаку...

И того ж 160 году пошли мы в судах на море, чтоб где государю учинить прибыль болшая, и нашли усть той Анандыру реки корга, за губою вышла в море, а на той корге много вылягает морской зверь морж и на той же корге заморной зуб зверя того, и мы служилые и промышленные люди того зверя промышляли и заморной зуб брали, а зверя на коргу вылегает добре много, на самом мысу вкруг с морскую сторону на пол версты и больше места, а в гору сажен на тридцать и на сорок, а весь зверь с воды с моря на землю не вылегал, в море зверя добре много у берегу, а потому всего зверя на землю не выжидали, что ясачное зимовье вверху Анандыри реки и рыбные ловли высоко в шиверах, а корму у нас нет, и того б рыбного промыслу не проходить и не опоздать и голодною смертью не поме-

реть бы; а на..... пришли 160 году канун Петрова дни и Павлова верховных Апостол, а с корги мы пошли вверх по Анандырю июля в 17 день, а зверей промышлять ходили четырежды и зверь прилегает скоро на землю; а во 162 году зверь вылегал пожже, первой промысел был о Ильине дни, а потому вылегал пожже, что льды от берегу не отнесло; а которые промышленные люди Поморцы и они сказывают, что в Руском де Поморье столь много зверя того нет; а положили мы в государеву казну служилые и промышленные того рыбья зубу весом три пуда, а числом четырнадцать.

А во 161 году мы Семейка и Микитка с товарыщи лес добыли, а хотели с государевою казною отпустить морем в Якуцкой острог, и яз Семейка с товарыщи то ведаем, что море болшое и сулои великие о землю близко, без доброй снасти судовой, и без доброго паруса и якоря, итти не смели, и иноземцы говорят: не по вся де годы лды от берегов относит в море; а горою через Камень государевы казны с невеликими людми через многие неясачные люди розных родов выслать не смели, потому что служивые и промышленные люди на государевых службах побиты, а иные промышленные люди отошли к Михайлу Стадухину: Матюшка Кальин, Калинко Куропот, Ивашко Вахов, Ивашко Суворов, Семейка Зайко, Богдашко Анисимов, а кто для чего ушел, и тому записка покойного Семена Маторы, а с записки список под сею отпискою; да в прошлом во 161 году ходили мы в поход на неясачных людей Чуванзей, и они люди оленные, сами ушли и жен и детей увезли, а которые были робята небольшие, и они после того скопяся многие люди, и тех робят отбили, да служивого человека Ивашка Пуляева убили да четырех человек промышленных, Мишку Захарова (до гостиной сотни торгового человека Василья Гусельникова приказчиков его Филку Данилова ранили в плечо, да Васку Маркова в стегно, Платка Иванова в руку), покрученика Ефимка Меркурьева Мезеню, Ивашка Нестерова, Фомку Кузмина; и потому та государева казна не выслана, чтоб она не утерялась, и царскому бы величеству в иноземцах поносу не учинить и служивые б и промышленные люди не погибли; а в прошлом во 162 году, зимою и весною, ясачные люди Ходынцы, аманата Чекчоя братья и

родники их, говорили, что де во 163 году перевезем де государеву казну всю через Камень на оленях на Анюй реку, толко де родником нашим дадите ль железа всякого делного?

И того ж 162 году, апреля в 27 день, с Колымы реки пришел охочей служивой человек Юрья Селиверстов, а с ним охочие служилые и промышленные люди, и тех ясачных иноземцов Чокчоевых родников он Юрья, дошед к ним от ясачного зимовья во днище или как те иноземцы многие приходили в ясачное зимовье по вся дни, и он Юрья, обошед ясачное зимовье, тех иноземцов розгромил, корм и всякой их промышленный завод поимал, а самих их иных ранил и на смерть убил, и в аманаты взял ясачного мужика Лулаи и брата его родного Чокчоева Кеоту. Да того ж 162 году он Юрей, отходя к морю, при собе изготовил с отписками в Якуцкой острог промышленного человека Аверку Мартемьянова от нас тайно, зависти ради не хотя он Юрья нас холопей и сирот государевых видеть в его царском милостивом призренье, а сам он Юрья нашего службою и происком хочет быть в государеве жалованье, писал де он Юрья в Якуцкой острог, что ту коргу и морского зверя и заморную кость зверя того приискал он Юрья преж сего, как был с Михайлом Стадухиным, а не мы служивые и промышленные люди; и то он писал ложно, потому, знато, что в прошлом во 158 году писал с Колымы реки Михайло Стадухин: ходил де он Михайло с товарыщи с Колымы реки морем вперед на Погычу реку, и он Михайло бежал де по морю семеры сутки, а реки де не дошли никакой, нашол де он Михайло Коряцких людей небольших и языков де переимал, а на роспросе языки людей впереде сказали, а реки де впереде не знают никакой; и он Михайло с товарыщи и с беглыми служивыми людми воротились на Колыму реку, и он Юрья был с ним же Михайлом, и что он Юрья писал ложно, потому что не доходил он Михайло до Болшого каменного носу, а тот нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди Чухчи добре много, против того ж носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных, а не тот, что есть первой Святой нос от Колымы, а тот Болшой нос мы Семейка с товарыщи знаем, потому что розбило у того носу судно служивого человека Ерасима Онкудинова с товарыщи, и мы Семейка с товарыщи тех розбойных людей имали на

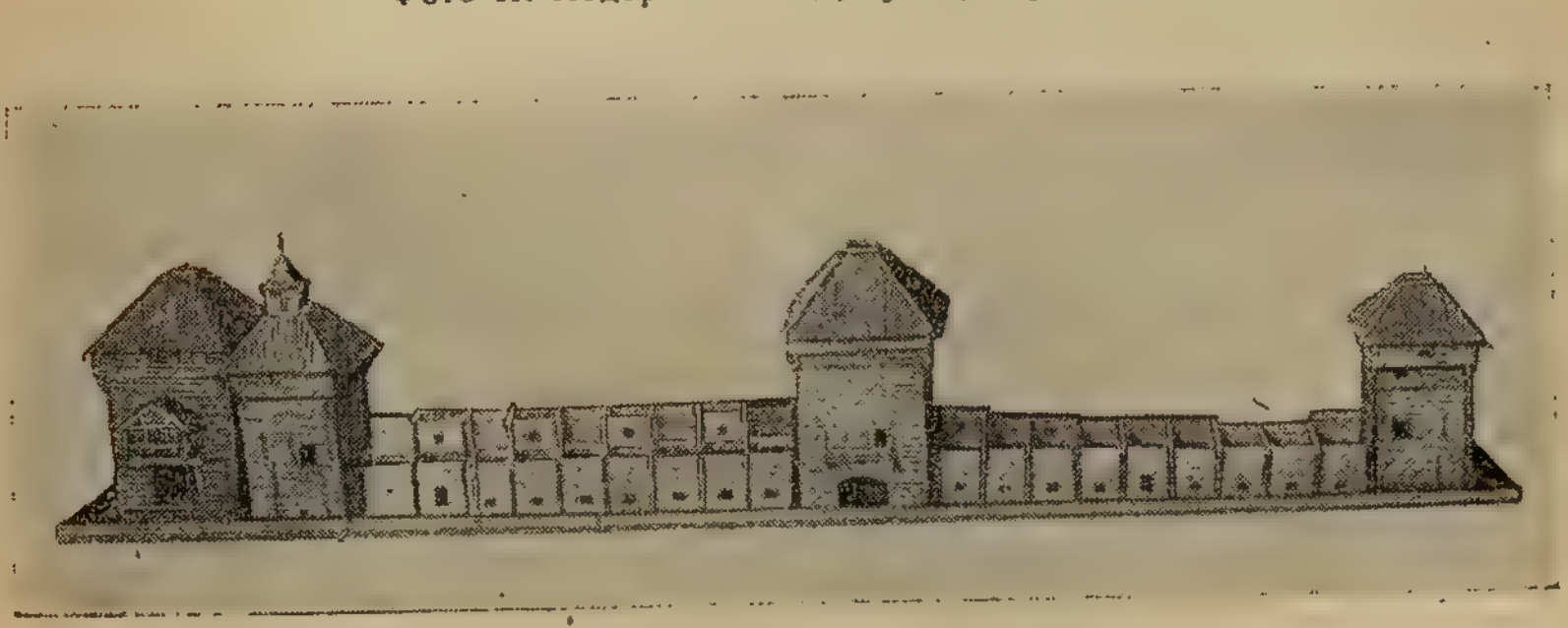
свои суды, и тех зубатых людей на острову видели ж, а от того носу та Анандырь река и корга далеко. Да мы ж Семейка и Микитка с товарыщи, с служивыми и промышленными людми, для государевы службы дали ему Юрью с товарыщи два судна, деланые готовые кочи, со всею снастью... и карбас, чтобы у них государева служба, без судов и без снасти, в год не застоялась и путем бы не испоздать к морскому промыслу, и чтоб государеве казне учинилась прибыль болшая, а приняв суды, он Юрья сам смотрил и людей и товарыщев своих досматривать посылал, и те суды к морскому ходу [пригодны], а в тех судах и в снасте и в карбасе он Юрья нам и отпись дал; и он Юрья одно судно потерял своим небереженьем, опоздав поры гораздо, к тому судну послал невеликих людей, а под то судно с горы вода подошла, и круг жить стало не можно и то судно он Юрья покинул; и мы тех его Юрьевых товарыщев, которым было быть на том судне, розняли их по иным своим судам, и пошол он Юрья к тому морскому промыслу с нами вместе.

Да того же 162 году, апреля в 10 день, взяли мы для государева ясаку из неясачных людей Чуванзей два мужика, одному имя Легонта, а другому Пондонзя, а взято с них государева ясаку соболь да пластина соболья, а иные родники их, которые с теми Ходынскими ясачными людми, которых он Юрья громил, вместе были, хотели притти с государевым ясаком в ясачное зимовье, детей своих в перемену привести, и они от того Юрьева погрому убояся отошли к иным родникам своим в даль, а как он Юрья юрты взял, и он на юртах жил три недели; да в нынешнем во 163 году, как пришли в ясачное зимовье те иноземцы, ясачные люди аманат Чекчо с братьями и с родниками своими, и мы у них про тех Чуванзей спрашивали: для чего они с государевым ясаком в ясачное зимовье не пришли? и Чекчой с братьями сказали: видели де мы родников их невеликих людей две юрты, и они де пошли сыскивать иных своих родников, а хотели они быть с государевым ясаком вместе.

А тот Чекчой, в нынешнем во 163 году, ноября в 16 день, посылан был к родникам своим, чтоб они государевым ясаком промышляли и пришли б в ясачное зимовье, а оставливал он Чекчой в свое место в аманаты жену свою да двух робят, сынов своих, а пришел он Чекчой в ясач-

Сторожевая башня эпохи завоевания Лены русскими казаками. Один из немногих исторических памятников старого Якутска.

Фото Н. Подорольского. Якутск, март 1937 г.



Якутский острог.

Модель работы неизвестного мастера XVII века. Из экспозиций Государственного исторического музея в Москве.

Подвижной редут.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".

ное зимовье с братьями и с родниками своими марта в 19 день; и бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а нам Семейке и Микитке с товарыщи подал челобитную, что в нынешнем де во 163 году, осенью, приходили де из за Камени от Пянжина реки многие немирные Коряцкие люди, и наших де родников многих побили да и нас де погромили, жен и детей наших поимали и оленей де отогнали, и всегда де нам от тех людей всякая обида и убойства и грабеж, и нам де те люди не в мочь, и чтоб их государь пожаловал, послал бы на тех людей своих государевых всяких служилых людей, с ними ясачными людми вместе, и тех бы Коряцких людей смирил, а мы де в нынешнем во 163 году для того государевым ясаком промыслить не могли и государевы казны за Камень на Анюй реку не повезли, что де на нас в нынешнем году пало два погрома, один де от Руских людей от Юрья с товарыщи, а другой де от Коряцких людей, а повезем де мы государеву казну и ясак де государев заплатим, против прошлого 162 году, вперед во 164 год и с прибылью.

Да прошлого ж 162 году на корге ходили мы на Коряцких людей, что от той корги живут недалеко и на коргу под нас тайно убойства для приходят и зверя морского моржа промышляют для корму, и мы яз Семейка с товарыщи на них ходили, и дошли их четырнадцать юрт в крепком острожке, и Бог нам помог, тех людей розгромили всех, и жен их и детей у них поимали, а сами они ушли и жен и детей лутчие мужики увели, потому что они люди многие, юрты у них большие, в одной юрте живет семей по десяти, а мы были люди невеликие, всех нас было двенадцать человек; а на той драке того ж Пашка ранили из лука, а он убил мужика из пищали в висок.

А река Анандырь, не лесна и соболей по ней мало, с вершины малой листвяк днищей на шесть или на семь, а иного черного лесу нет никакого, кроме березнику и осинника, и от Малого Маена кроме талника нет лесу никакого, а от берегов лесу не широко, все тундра да Камень; а той реки Анандыре чертеж с Онюя реки и за Камень на вершину Анандыру и которые реки впали большие и малые и до моря и до той корги, где вылягает зверь; а ходу с вершины Анандыру до ясачного зимовья с Камени

грузными нартами недели две или больше. А государевых всяких дел писать не на чом, бумаги писчей нет... и чтоб государь нас пожаловал, своим государевым аманатом для рыбной ловли, сетями нового заводу на мережы и на пущалницы, а большой промысел здесь пущалницами, потому что река каменная, крутая, коли бывает осень дожлива, и той осени езов у нас не живет, что вода велика; а рыбы красной приходит много, и та рыба внизу Анандыру от моря идет добра, а вверх приходит худа, потому что та рыба замирает вверху Анандыру реки, а назад к морю не выплывает, а белой рыбы добываем мы мало, потому что сетей добрых у нас нет, емлем мы новые сети ценою в долг рублев по пятнадцати и болши; а государевых аманатов тою красною рыбою кормить мы не смеем, потому, чтоб им, с того нужного корму оцынжав, не помереть и нам бы от государя за то в опале и в казне не быть, а пасем мы им и кормим потолику белою рыбою; а людей у нас заводных пришло мало, платным и сетяным и всяким заводом должитца не у кого.

А государева ясачного сбору со 158 году и всего, что и выше сего писано, на 158 год взято государева ясаку под аманата Чекчоя девять соболей, а во 159 году того аманата Чекчоя братья и родники его не приходили к ясачному зимовью, потому что де корму не было и они де разошлися вдаль по промыслом, а на 160 год взято под того аманата государева ясаку шесть соболей да пять пластин собольих, а на 161 взято семь соболей да пять пластин, а на 162 год взято государева ясаку четырнадцать соболей да двенадцать пластин собольих, а на 163 год взято семь соболей, да с Анаул взято на 160 год два соболя; да во 161 году с промышленных людей с их промыслов собрано десятинной соболиной казны восм соболей с пупки, да с судных дел за пошлинные денги два соболя да пластина соболья да тринадцать пупков собольих, а во 163 году собрано десятинных три соболи да пупок, а за пошлинные денги с судных дел взято пять соболей да три пупка собольи, а денежного сбору всего у нас два рубли четырнадцать алтын две денги, да покойного Семена Моторы денежного сбору два рубли двадцать девять алтын две денги, да 162 году за пошлинные денги взято соболь; а тому ясачному сбору с кого что взято, каков зверь и которого году, и десятинному сбору, и с перекупных со-

болей, и по челобитным за пошлинные денги что взято соболми и денги, и тому всему книги у нас на Анандыре реке в ясачном зимовье.

Да служивой человек Иван Пуляев убит на государеве службе, а изустную память оставил в ясачном зимовье своею рукою, что по смерти статки свои в государеву казну отписал, и мы те статки в государеву казну взяли, а что его статков, и то в его изустной памяти писано, а с той изустной памяти список с сею отпискою послан; а за ясырь его Иванову взято на промышленном человеке Сидорке Емельянове тридцать соболей, на Тренке Курсове за бабей кожан взято четыре соболи, на Пашке Кокоулине за холстишко старое, да за прядено за три пасма, за малахай недорослиной, за сумочку, за лоскутишко за сеть взято три соболи, за свечи взято из доимки пять соболей на Степанке Какакине, за ягоды да за торбосы да за огниво взята пластина соболья на Гришке Бурке, за лодку взят соболь да две гривны денег на Сидорке Емельянове, за лоскут за сеть взято две гривны на служивом человеке Васке Бугре, за икру да за мясо взято четыре соболишка на Васке Маркове, за штаны ровдужные да за таушканину да за лоскутишко за сеть взята пластина соболья на Сидорке ж, по кабале за четырнадцать соболей взято пуд кости, семь зубов, да три соболи на служилом Ивашке Яковлеве, да за восм рублев за десять алтын взято тридцать три фунта рыбья зубу, а взято на нем за одеяло шубное за три рубли да за котел да за десять чиров за пять рублев за десять алтын, ... на Семейку Дежнева кабала во шти рублях, а взял он топор, да собаку да сетку волосяную, торговой человек Анисимко Костромин взял лоскут сети, да ровгуду, два фунта свинцу, блюдо оловяное, пистолет, плат холщевой да клуб; кабала на него взята в семи рублях с полугривною, на Андрюшке салдатке за крест, да за десять . . . да за сеть за мережную да за сковороду взята на нем кабала в трех рублях в двадцати алтынех, на Семейке Дежнева за фунт за свинец, да за два клубка нитей, да за иглы, за прядено, да за платок полотняной да за собаку взята кабала в четырех рублях, на Федотке Ветошке с подпищиками за двадцать чиров, за фунт за свинец, за ладан, за холст за два алтына, за шапку вершек красной с околом, за клуб за тетивы пушалничные взята кабала в восми рублях в двадцати девяти алтынех; а его Ивана

кости рыбья зубу осталось шесть пуд, а числом сорок три кости, а иной всякой мелочи с его руки с изустной послана перепись.

Да во 159 году, февраля в 1 день, промышленные люди Платонка Иванов да Пашко Семенов, пришед в ясачное зимовье к Семену Моторе с товарыщи, известили Семену на Михайла Стадухина, что де он Михайло хочет своим войском итти к его Семенову зимовью и хочет де разграбить, а служилых людей побить, и они де Платко и Павел, того не хотя, от него Михайла отошли, а те их речи записал промышленной человек Ивашко Федоров Казанец, а в их места к речам руку приложил служивой Евсевейко Павлов, а та их записка не послана ж, а послан с той записки список; а тот Ивашка Казанец и Евсевейко Павлов пришли от него ж Михайла и челобитные подали к нам, что служить государева служба им с нами, и в прошлом во 162 году, как, пошли мы к морю, и тот Евсевей с караулу от государевы казны и от аманатов сшел служить государеву службу к охочему служивому человеку к Юрью Селиверстову; а служивой же Васка Бугор пришел к нам от него ж Михайла и служил государеву службу с нами, без челобитной, всякую рядовую, аманатов имал, и в корму и в карауле, а пришел он на Анандыре того же 159 февраля в . . . день.

А как ходили вверху Анюя реки в поход и взяли государева аманата Чекчоя, а на той драке пятидесятника Шалама Иванова ранили смертною раною, а помер он на Анандыре реке того же году июля в 5 день, а Титка Семенова ранили из лука в стегно, да служивой человек Ветошка на той драке убил мужика, да промышленной Васка Бугор убил мужика ж; а как имали Анаулские юрты, и на той драке Пашка Кокоулина служивого ранили в голову и в руку, а он Пашко откасом мужика сколол, да Тренку Курсова ранили в руку из лука; а в прошлом во 162 году на море с корги на Коряцких людей ходили, и на той драке яз Семейка убил из пищали мужика, да на той же драке Пашка Кокоулина ранили из лука в бок, а он Пашко убил из пищали мужика.

Да во 161 году, маия в 3 день, на Анандыре реке в ясачном зимовье мы служилые люди яз Семейка Дежнев да яз Микитка Семенов прошали у торгового человека у Онисимка Костромина да у промышленных у Васки Бугра

с товарищи к государеве ясачной и десятинной соболиной казне, на место убитого служивого человека Ивашка Пуляева, целовалника, и они в целовалнике отказали, не дали. Да торгового человека гостиной сотни Василья Гуселникова прикащиков его покрученика покойного Елфимка Меркурьева Мезени статки его мы пересмотрели и переписали на лицо при людях, и никто за те статки не принялся, и мы их, без государева указу, в государеву казну не взяли, и положили их в казенной анбар и караулим их до государева указу, и о тех статках как государь укажет? а роспись тем статкам с сею же отпискою.

Да в нынешнем во 163 году, марта в 25 день, в ясачном зимовье посылали мы с государевою казною служилых и промышленных людей в Якутцкой острог, и они поднятца с государевою казною не могли, «потому что де мы голодны, кормом нужны, едим де мы заморную рыбу киту», в том они и челобитную подали, за руками.

Да в нынешнем во 163 году, марта в 26 день, в ясачном зимовье охочей служивый человек Юрья Селиверстов прочитал наказную память, которая послана к Михайлу Стадухину, а велено ему Михайлу по той наказной памяти с Анандыру реки выслать служивых людей Семена Мотору с товарыщи, да торгового человека Анисимка Костромина да промышленного человека Ивана Бугра с товарыщи, и яз Семейка от государевы казны тех людей не отпустил, потому что служили мы государеву службу с ними вместе, и что есть государевы казны в сборе и мы тое государеву казну и отпровадим вместе.

Да роспись у кого сколько явлено кости рыбья зубу 160 году промыслу да 162 году промыслу, послана под сею отпискою; челобитная служилых и промышленных людей Федотка Ветошки да Онисимка Костромина с товарыщи об нужах послана ж; другая их же челобитная на Митку Васильева послана ж; челобитная служивого человека Микитки Семенова послана ж; челобитная служивых людей Пашка Кокоулина да Митки Васильева об нужах послана ж; челобитная изветная охочего служивого промышленного человека Данилка Филипова, которой пришел на Анадырь с Юрьем Селиверстовым с охочим служивым, что сказал он Данилко государево дело на него Юрья, послана ж под сею отпискою.

Да 163 году, февраля в 10 день, мы Семейка да Микитка сказали им служилым и промышленным людем, чтоб им итти с государевою казною, и они сказали: дайте де вы нам подумать до марта в 25 день; мы же Семейка и Микитка говорили в другой ряд служивым и промышленным людем, чтоб итти до светлого воскресенья за две недели, и служивой Ветошка Емельянов говорил: станите де вы меня изгонять, и яз де отойду к Юрью Селиверстову, а казны де мне волотчи не можно; и служивой Салдатко говорил и промышленные люди Онисимко Костромин да Васка Бугор с товарыщи стали говорить: будет де у нас челобитная, за руками, об нуже своей и о кормовой скудости, а Митка говорил: я де . . . и мы с той поры стали писать отписки, потому что говорили: напишите де вы отписки в Якутцкой острог, а мы подадим челобитную, поволте де вы нам ноне итти с отписками, а нашу челобитную пошлите под отпискою в Якутцкой острог; и как служивые и промышленные люди написали челобитную, и Митка узнал, что у нас отписки писаны, а бумаги стало толко, и он Митка, Евсевейковым наученьем и своим умышленьем, стал говорить: я де вам в службе не отказывал, тяну де я казну государеву, время испоздав, а железа на подарки иноземцом у нас нет и бумаги у нас писчей нет же.

Да нынешнего 163 году, ноября в 21 день, взяли мы государева ясаку с Ходынского мужика Кеото да с брата его Лулания с охочим служивым человеком с Юрьем Селиверстовым вместе пять пластин собольих, и всякую мы государеву службу служим с ним Юрьем вместе; да в нынешнем же во 163 году, марта в 22 день, взяли мы в аманаты, для государева ясаку, Хэдынского мужика, именем Меягин, сына его родного, с ним же Юрьем Селиверстовым вместе, а ясаку у него на нынешней 163 год не взято, потому что тот аманат взят поздно, а сказывают аманаты, что де отец у него доброй мужик. Да в вожах пошел от нас с теми людми с Сидорком Емельяновым да с Панфилком Лаврентьевым тот же аманат Чекчой, а в свое место он Чекчой оставил, а тот Сидорко и Панфил посланы с отписками до Колымы реки, а на Колыме реке велено те отписки отдать служилым людем или торговым и промышленным, кто будет ходоков, а отписки посланы апреля в 4 день.

II. Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии воеводе Ивану Павловичю да дьяку Осипу Степановичю Ленского острогу служилой человек Семейка Иванов Дежнев челом бьем. В прошлом во 155 году, июня в 20 день, с Ковымы реки послан я Семейка на новую реку на Анандыр для приску новых неясачных людей. И в прошлом же во 157 году, месяца сентября в 20 день, идучи с Ковымы реки морем, на пристанище торгового человека Федота Алексеева Чухочьи люди на драке ранили, и того Федота со мною Семейкою на море розносло без вести, и носило меня Семейку по морю после Покрова Богородицы всюду неволею, и выбросило на берег в передней конец за Анандыр реку; а было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы, а шел я бедной Семейка с товарыщи до Анандыры реки ровно десять недель, и попали на Анандыр реку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы бедные врозь розбрелись. И вверх по Анандыре пошло двенадцать человек, и ходили двадцать ден, людей и аргишниц, дорог иноземских, не видали, и воротились назад и не дошед за три днища до стану обночевались, почали в снегу ямы копать; а с ними был промышленной человек Фомка Семенов Пермяк, учал им говорить, что де тут нам ночевать нечего, пойдем де к стану к товарыщам; и с ним Фомкою толко пошел промышленной человек Сидорко Емельянов да Ивашко Зырянин, а досталные люди тут остались, потому что с голоду итти не могут, а приказали ему Фомке, чтоб де я Семейка послал им постеленко спалное, и парки худые и чем бы де нам напитатися и к стану добрести; и Фомка и Сидорка до стану дошли, и мне Семейке сказали, и я Семейка последнее свое постеленко и одеялишко..... с ним Фомкою к ним на Камень послал, и тех досталных людей на том месте не нашли, не ведомо их иноземцы розвезли..., а что статков записных прикащиков Безсона Астафьева и Офанасья Андреева осталось, и у тех статков оставлен был покрученик их Елфимко Меркурьев и приказано ему..., а втепоры у нас не было подьячих, записывать некому. А осталось нас от двадцати пяти человек всего нас двенадцать человек и пошли мы двенадцать человек в судах вверх по Анандыре реке, и шли до Анаулских людей, и взяли два

человека за боем, и ранили меня смертною раною, и ясак с них взяли, и то в ясачных книгах поимяновано с кого что взято и что взято государева ясаку; и болше того я Семейка у тех Анаулских людей, что взял, государева ясаку хочю, и те Анаулские люди говорили, что де у нас соболя нет, живем де не у лесу, а приходят де к нам оленные люди, и те оленные люди придут, и мы де у них соболи купим и ясак государю принесем. И пришел Михайло Стадухин, к ясачному зимовью не приворачивал и тех Анаулских людей погромил, и после того Анаулские люди Лок да Колупай . . . на прошлые на 159 год и на 160 год дать нечево, потому что де отца его Колупаева . . .; в нынешнем же де во 163 году, апреля в 15 день, Колупай и Лок пошли на Камень к оленным Ходынским мужикам для соболиного торгу на государев ясак, и того Колупая и Лока те Ходынские люди отвезли на Камень и к ясачному зимовью не бывали, и тот Лок живет по сторонним рекам, а к ясачному зимовью не бывал, а того Колупая те Ходынцы убили; а в которую пору Лок и Колупай на Камень ходили, и без них родников их побил Анаулской князец Микера всех до смерти. А с Ковымы реки итти морем на Анандыр реку есть нос, вышел в море далеко, а не тот нос, которой от Чухочы реки лежит, до того носу Михайло Стадухин не доходил, а против того носу есть два острова, а на тех островах живут Чухчы, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб, а лежит тот нос промеж сивер на полуношник, а с Рускую сторону носа признака: вышла речка, становье тут у Чухочь делано, что башни из кости китовой, и нос поворотит кругом к Онандыре реке подлегло, а доброго побегу от носа до Онандыри реки трои сутки, а боле нет, а идти от берегу до реки недале, потому что река Анандырь пала в губу.

А в прошлом во 162 году, ходил я Семейка возле моря в поход, и отгромил я Семейка у Коряков Якутскую бабу Федота Алексеева, и та баба сказывала, что де Федот и служилой человек Герасим померли цынгою, а иные товарыщи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душою, не знаю де куда. А что я Семейка государева ясаку взял соболей, и та соболиная казна на Анандыре реке. Служилого человека убитого Семена Моторы статки взял служилой человек Никита Семенов. Слу-

Парусные суда в Сибири: досчаник, каюк и коч.

Гравюра из книги Н. Витзена „Северная и Восточная Тартария".

Охота тунгузов (эвенков).

Гравюра из книги Н. Ритзена „Северная и Восточная Татария".

Сибирские казаки.

Гравюра XVIII века. Собрание Государственного исторического музея в Москве.

Езда русских на собаках в Сибири.

Гравюра из книги Избранта Идеса.

жилой человек Евсейко Павлов, который сбежал из Ленскому острогу, служил он Евсейко с Михайлом Стадухиным, и от Михайла сбежал же и служил со мною Семейкою, и от того Евсейка промышленным людем обида великая, и промышленные люди в обидах на него Евсейка бьют челом, и он Евсейко под суд не даетца; в прошлом во 161 году, в походе, бил челом на него Евсейка промышленной человек Терешка Никитин в обиде, и стал на суду говорить невежливо, о посох оперся, и я Семейка за то невежество хотел его Евсейка ударить батогом, и он Евсейка из стану побежал к ясаулу Ветошке Емельянову и промышленным людем, сказал за собою государево дело; а как пришел Юрья Селиверстов, и он Евсейко перешол убегом к нему Юрью, и от того Евсейка Павлова меж служилыми и промышленными великая смута.

ПЕРВАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ СЕМЕНА ДЕЖНЕВА, 1662 ГОД.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу, бьет челом холоп твой с великие реки Лены Якутцкого острогу служилой человек Семейка Иванов Дежнев: в прошлом, великий государь, во 146 году послан я, холоп твой, из Енисейского острогу в Якутцкой острог для твоего государева ясачного сбору, с сыном боярским с Петром Бекетовым и с служилыми людьми, и я, холоп твой, с ним Петром Бекетовым. И в прошлом во 147 г. с сыном боярским с Парфеном Ходыревым и служилыми людьми служил я, холоп твой, с ними в Якутцком остроге всякие твои государевы службы. И при нем, Парфене Ходыреве, Кангаласково роду князец Сахей убил дву человек служилых людей, Федотка Шиврина да Елфима Зипунка, и убив тех служилых людей, тот Сахейко збежал с своих жилищ в дальные места — в Оргутцкую волость, и в тое Оргутцкую волость посылан был служилой человек Иван Метлех для твоего государева ясачного збору, и сын ево Сахаев Тоглойко и того служилого Ивана Метлеха убил. И сын боярской Парфеней Ходырев посылал меня, холопа твоего, для твоего государева ясачного збору в тое ж Оргутцкую волость, и я холоп с того князца Сахея и с ево детей и с его родников и с иных Оргутцких якутов взял с них твоего государева ясаку 3 сорока 20 соболей.

И в прошлом же, великий государь, во 149 г., осенью, писмяной голова Василей Поярков послал меня, холопа твоего, из Якутцкого острогу с служилым человеком с Дмитреем Михайловым с товарищи, зимним путем, на своих лошадех, на твою государеву службу, через Камень, на Яну реку, для твоего государева ясачного збору, пятнадцатью человеки. И я, холоп твой, для твоей государевы службы купил 2 лошади, дал 85 рублев, и платьишко, и обувь, и всякой служебной завод, покупаючи в Якутцком остроге у торговых и у промышленных людей дорогою ценою: стал подьем мне, холопу твоему, больши 100 рублев. И мы холопи твои, на Яне реке с Якутцких людей твоего великого государя ясаку взяли 8 сороков 20 соболей, да 2 лисицы бурых.

И Дмитрей Михайлов с Яны реки с твоим государевым ясашным збором, с собольми, послал меня, холопа твоего Семейку, саму четверту в Якутцкой острог, к твоим государевым стольником и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарищи. И я, холоп твой, с товарищи, едучи в Якутцкой, встретя нас, холопей твоих, на дороге Ламутцкие тунгусы человек сорок и больши, и с нами, холопи твоими, учинили бой; стреляли они по нас из луков, а мы холопи стреляли по них из пищалей. И я, холоп твой, на том бою убил у них лутчево мужика до смерти, а иных тунгусов мы, холопи твои, многих ранили. А меня, холопа твоего, Сеньку на том бою те Ламутцкие мужики стрелою ранили в левую ногу по колену, а другою стрелою ранили в ту ж ногу в икру. И приехав в Якутцкой острог, твою государеву ясачную соболиную казну 8 сороков 20 соболей в съезжей избе стольнику и воеводе Петру Головину с товарищи отдали.

И в прошлом же, великий государь, во 150 г. стольник и воевода Петр Головин с товарищи послал меня, холопа твоего, из Якутцкого острогу на Оемокон реку, для твоего государева ясачного збору с служилым человеком с Михайлом Стадухиным, с товарищи 14 человек, без твоего государева денежного и хлебного жалованья, и на своих лошадех о-два-конь, и мы, холопи твои, покупаючи кони дорогою ж ценою и платьишко, и обувь, и всякой служебной подьем стал нам, холопем твоим, по сту по пятидесяти рублев. И мы, холопи твои, на Оемоконе с Тунгусково князца Чоны и с ево братьи и родников и с якутов взяли

твоего государева ясаку против прежнего с прибылью. И собрався неясачные Ламутцкие тунгусы, сот с пять и больши, кони наши перестрелили и с нами, холопи твоими, учинили бой; и мы, холопи твои, с ними бились, из оружья стреляли, а ясачные тунгусы и якуты за нас стояли и по них из луков стреляли. И божиею милостию и твоим, великого государя счастием, на том бою убили мы, холопи твои, тех ламутцких тунгусов десять человек, а иных многих переранили. А меня, холопа твоего Семейку, на том бою Ламутцкие тунгусы стрелою ранили в правую руку в локоть, а другою стрелою ранили в правую ногу в стегно. Да они ж тунгусы на том бою убили у нас Якутцкого ясачного князя Удая, да улусков мужика Тюсюка и иных многих ясачных людей побили до смерти, а иных переранили и разорили их до основанья. И мы, холопи твои, на достальных своих лошадех твою государеву ясачную соболиную казну от Оемокона реки выслали в Якутцкий острог с служилыми людьми, з Денисом Ерилом да с Иваном Кислым.

А мы, холопи твои, с Михайлом Стадухиным с товарищи, распрося у ламсково ясачново тунгуса Чоны, для приску новых неясачных людей, гдеб нам, холопем твоим, мочно было вновь тебе, великому государю, в ясачном зборе прибыль учинить, зделав кочь, сверх Оемокону реки выплыли на Индигирку реку, всего тринадцатью человеки, а по Индигирке выплыли на море.

А по сказке иноземцев ходил я, холоп твой, с Романом Немчином к служилому человеку Дмитрею Михайлову с товарищи, для совету, чтоб нам, холопем твоим, с ним Дмитреем вместе служить твои государевы службы и в ясачном зборе прибыль чинить и непокорных и непослушных иноземцов под твою царскую высокую руку приводить. И я, холоп твой, с ним Дмитреем, нашод Алазейских юкагирей неясачных мужиков, поимали в аманаты князца Манцита сына его Тойту, и с теми юкагири на той имке у нас, холопей твоих, был бой, и меня, холопа твоего, стрелою ранили в левое плечо.

И будучи на Ковыме реке я, холоп твой, з Дмитреем да с Михайлом Стадухиным и с служилыми людьми в походе нашод юкагирских мужиков Оймоков, и с теми оймоки на имке аманатов был бой, и я, холоп твой Сенька, на той имке убил у них лутчево мужика Аллаева брата, а

сына Аллаева Кениту в аманаты поимали. А меня, холопа твоего, в левую руку по завити железницею наскрозь прострелили. И под того аманата Кениту и с ево роду збирали твоего государева ясаку по три годы.

И Дмитрей Михайлов да Михайло Стадухин вместе с товарищи морем на коче пошли с твоею государевою ясачною соболиною казною в Якутцкой острог, а я, холоп твой Сенька, от них остался на Ковыме реке в острожке с служилым человеком со Вторым Гавриловым с товарищи, всего тринадцатью человеки, для твоего государева ясачного збору. И те иноземцы юкагири, видя нас, холопей твоих, немногих людей, собрався сот пять и больше, приходили к нам, холопем твоим, к острожку приступом и обсадили нас в острожке, и многих переранили, меня, холопа твоего Сеньку, в голову стрелою железницею ранили, и в острожек многие иноземцы к нам сильно вломились. И божиею милостию и твоим, великого государя, счастием, изменника Аллайка на съемном бою копьем скололи до смерти, да с ним же вместе иных многих юка(ги)рей убили до смерти, а иных иноземцов многих мы, холопи твои, ранили, и они, убоясь смерти, отошли прочь от острожку.

А Дмитрей Михайлов да Михайло Стадухин с товарищи, едучи в Якутцкой острог, встретили на море таможенново целовальника Петра Новоселова, с торговыми и с промышленными людьми, и тот Петр Новоселов из Якутцкого острогу от стольников и воевод от Петра Головина с товарищи, к служилому человеку к Дмитрею Михайлову привез наказную память, что ему Дмитрею велено быть на Ковыме реке приказным, до твоего государева указу, на тех новоприискных реках — на Индигирке, и на Алазейке, и на Ковыме, и на Собачье, и новые реки приискивать ему Дмитрею, с таможенным целовальником с Петром Новоселовым и с нами, холопи твоими, велено со всяким раденьем тебе великому государю прибыль чинить и вновь иноземцов под твою царскую высокую руку приводить и ясак с них искать.

И он приказной Дмитрей Михайлов и целовальник Петр Новоселов тебе государю радели с великим раденьем — посылали нас, холопей твоих, на непослушников неясачных иноземцов, которые тебе великому государю не послушны и не покорны и твоего государева ясаку не платили, и мы,

холопи твои, на твои государевы службы ходили на неясачных иноземцов, и голов своих не щадили, и кровь свою проливали, и голод терпели, и всякую нужу принимали, и твой государев ясак мы, холопи твои, с неясачных людей збираем с великим раденьем. И приказной Дмитрей Михайлов да целовальник Петр Новоселов посылали нас, холопей твоих, с торговыми и с промышленными людьми, человек с тритцать и больши войною на твоих государевых изменников на юкагирских мужиков, которые приходили к острожку приступом. И мы, холопи твои, с товарищи поймали в аманаты юкагирсково мужика Аливина сына Черма, а меня, холопа твоего Сеньку, на той имке те юкагири ранили в левую руку в мышку.

И после того торговые и промышленные люди били челом тебе, великому государю, а на Ковыме реке таможенному целовальнику Петру Новоселову подали челобитную, чтоб их торговых и промышленных людей, Федота Алексеева с товарищи, отпустили по твоему государеву указу на новую на Анандыр реку и на иные на сторонные реки, для приписку новых неясачных людей, гдеб тебе, великому государю, мочно было в ясачном зборе прибыль учинить. А обо мне, холопе твоем Семейке, те торговые и промышленные люди били ж челом, чтоб мне, холопу твоему, идти с ними вместе для твоего государева ясачного збору и для приписку новых неясачных людей и для твоих государевых всяких дел.

И я, холоп твой, с ними торговыми и с промышленными людьми шли морем, на шти кочах, девяносто человек; и прошед Анандырское устье, судом божиим те наши все кочи море разбило, и тех торговых и промышленных людей от того морского разбою на море пот(он)уло и на тундре от иноземцов побитых, а иные голодною смертью померли, итого всех изгибло 64 человеки.

А я, холоп твой, от тех товарищей своих остался всего двадцатью четырмя человеки, и тех товарищей моих зимним путем на лыжах, с нарты, — со стыди (то-есть — студа, стужи), и з голоду и со всякой нужи, недошед Анандыря реки, дорогою идучи 12 человек безвестно не стало. А я, холоп твой, на Анандыр реку доволокся всего двенадцатью человеки, и с теми достальными своими товарищи, не хотя голодною смертью помереть, ходил я, холоп твой, в поход к Канаульским и к Ходынским не к ясач-

ным мужиком. И божиею милостию и твоим царским счастием, поимали в аманаты дву мужиков Анаульско-во роду — Колупайка да Негово, да Ходынского роду Чокчоя, да дву Чюванских мужиков Леонту да Подонцу. И на той имке тот Подонца резал меня, холопа твоего Семейку, в грудь ножем. И под тех аманатов с их братьи и родников взято твоего государева ясаку 30 соболей.

И после того твоим, великого государя, счастием не по один год в аманаты поимали Ходынсково роду мужиков Обляку, Ондрюшку, Алдыбейка, Акинейка, Панилка, Чинчилдайка, Петрушку, и под тех аманатов и под их братью и родников и с их улусных людей и по нынешней 170 год збираетца твой государев ясак не малой, и впредь по той Анандыре реке и по иным по сторонним рекам будет збиратца твой государев ясак по вся годы перед прежним с прибавкою. И рыбей зуб кость проведали, и по вся годы промышляют моржей для кости рыбья зуба охочие служилые и промышленные люди.

И в прошлом же, великий государь, во 167 году, по твоему государеву указу, Якутцкого острогу сын боярской Курбат Иванов с служилыми людьми на Анандыре реке принял у меня, холопа твоего, острожек и аманатов.

А я, холоп твой, пощед из Енисейского острогу, служил тебе, великому государю, всякие твои государевы службы и твой государев ясак збирал на великой р. Лене и по иным дальним сторонним рекам в новых местах — на Яне, и на Оемоконе, и на Индигирке, и на Алазейке, и на Ковыме, и на Анандыре реках — без твоего государева денежного и хлебного жалованья, своими подьемы. И будучи же на тех твоих государевых службах в те многие годы всякую нужу и бедность терпел и сосновую и лиственную кору ел и всякую скверну приимал — двацать один год.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец! пожалуй меня, холопа своего, своим государевым денежным и хлебным жалован(ьем) за те за прошлые годы, а за мое службишко и за кровь и за раны и за многое терпенье пожалуй, государь, меня, холопа своего, прибавочным жалованьем, чем тебе, великому государю, бог известит! И вели, государь, сию мою челобитную в Якутцком остроге в съезжей избе своему государеву стольнику

и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову принять и под отпискою послать к тебе, великому государю, к Москве. Царь, государь, смилуйся!

ВТОРАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ СЕМЕНА ДЕЖНЕВА, ОТ 23 СЕНТЯБРЯ, 1664 ГОДА.

Царю государю . . . самодержцу бьет челом холоп твой великие р. Лены Якутцкого острогу служилой человек Сенька Дежнев: служил я, холоп твой, блаженные памяти отцу твоему . . . на Яне, и на Индигирке, и на Алазейке, и на Колыме реках, с служилыми и с приказными людьми с Дмитреем Михайловым да с Михайлом Стадухиным, и в ясачном сборе в вашей великих государей казне учинили великую прибыль. И с Колыми реки поднялся я, холоп твой, морем — проведывать новых рек, и прискал вновь, сверх тех прежних рек, новую реку Анандыр, и на той новой на Анандыре реке будучи на твоей, великого государя, службе зимовье и острог поставил, и аманатов поимал, и ясаку тебе, великому государю, и десятые (пошлины) собрал на той новой реке 6 сороков 39 соболей и пластин собольих, 7 сороков 4 пупка собольих, 15 пуд 36 фунт кости рыбьи моржевого зубу. Да я ж, холоп твой, с товарищи на Анандыре реке тебе, великому государю, челом ударили два зуба моржевые рыбьи кости, весом 32 фунта. И с той новой с Анандыря реки ясак соболи и кость рыбья тебе, великому государю, идет и по се число.

А поднимался я, холоп твой, на ту твою, великого государя, службу, на те новые реки своими деньгами и своими подьемы, а твоего великого государя жалованья мне, холопу твоему, денежного и хлебново и соляново со 151 году по 170 год ничего не дано. И в прошлом, великий государь, во 170-м году, в Якутцком остроге стольник и воевода Иван Большой Голенищев-Кутузов твое, великого государя, соляное жалованье со 151 г. по 170 г. и с твоей, великого государя, казны мне холопу твоему выдал, а денежное и хлебное твое, великого государя, жалованье для денежной и хлебной скудости на прошлые годы мне Сеньке не дано. И о той моей службе к тебе, великому государю, из Якутцкого острогу писано. И будучи на той твоей, великого государя, службе, поднимаючи(сь) собою, и служа тебе,

великому государю, многое время без твоего великого государя жалованья, имаючи иноземцов в аманаты, голову свою складывал, раны великие принимал и кровь свою проливал, холод и голод великий терпел, и помирал голодною смертью, и на той службе будучи и от морского розбою обницал и обдолжал великими неокупными долги, и в тех долгах в конец погибаю!

Милосердый государь, царь . . . самодержец! пожалуй меня, холопа своего, за мое службишко к тебе, великому государю, и за подьемы, и за аманатцкое иманье, и за раны, и за кровь, и за морские разбои, и за всякое нужное терпение своим, великого государя, хлебным и денежным жалованьем на прошлые году со 151-го и по 170 год мой заслуженой оклад сполна, чтоб мне, холопу твоему, в кабальных долгах на правеже убиту не быть и впредь бы твоей, великого государя, службы не отбыть и в конец не погибнуть! Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

ТРЕТЬЯ ЧЕЛОБИТНАЯ СЕМЕНА ДЕЖНЕВА, 13 ФЕВРАЛЯ, 1665 ГОДА.

«Царю государю . . . бьет челом холоп твой, великие реки Лены Якуцкого острогу служилой человек Сенька Дежнев: служил я, холоп твой отцу твоему . . . и тебе, великому государю, — в Сибири по Тобольску и по Енисейску, и по великой р. Лене, и по иным рекам — двадцать лет приказным человеком вместо атамана, и кровь свою проливал, и многия раны принимал, и аманатов поимал, и ясак вновь тебе, великому государю, под тех аманатов збирал, и рыбей зуб — моржевую кость проведал и промышлял, и та моя служба тебе, великому государю, ведома и в Сибирском приказе записана. Милосердый государь царь . . . самодержец! пожалуй меня, холопа своего, за ту мою службу, и за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль: вели, государь, меня поверстать в свою, великого государя, службу по Якуцкому острогу в сотники, или как тебе великому государю господь бог о мне известит, и вели, государь, мне, холопу своему, про свой обиход купить хлебных запасов про себя пуд ста по три на Ленском волоку по вся годы. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

Сибирские казаки.

Гравюра XVIII века. Собрание Государственного исторического музея в Москве.

Посольство Ивана Грозного к императору Максимилиану II в Регенсбург в 1576 году.
Фрагмент гравюры, изданной в Праге в XVI в. Из экспозиций Государственного исторического музея в Москве.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ СЕМЕЙКА ДЕЖНЕВА. 25 ФЕВРАЛЯ, 1665 ГОДА.

Царю государю . . . бьет челом . . . Сенька Дежнев: в нынешнем, государь, во 173-м году, по твоему, великого государя, указу волокусь я, холоп твой, в Якутцкой острог, на твою, великого государя, службу, а племянник мой Ивашко Иванов живет на Устюге Великом ни в тегле, ни в посаде — скитаетца меж двор и с женою своею с Татьянкою Григорьевою дочерью. Милосердый государь-царь . . . самодержец! пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, того моего племянника Ивашку с женою его Татьянкою с Устюга Великого взять с собою в Сибирь в Якуцкой острог и вели, государь, о том дать свою, великого государя, проезжую грамоту. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

СИБИРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I — Страна Сибирская	9
Глава II — Походы „встреч солнца“	17
Глава III — Землепроходцы	24
Глава IV — Аннанский пролив	31
Глава V — Приезд в Якутск	36
Глава VI — Ясак	38
Глава VII — На Яну реку	42
Глава VIII — На Индигирку	51
Глава IX — Колымский острожек	63
Глава X — В исторический поход	66
Глава XI — Студеное море	81
Глава XII — Чертеж всей Сибири	85
Глава XIII — В Анадырском острожке	89
Глава XIV — К истории споров об открытии Дежнева	93
Глава XV — Первая поездка в Москву	106
Глава XVI — Вторая поездка в Москву и смерть Дежнева	112
Список использованной литературы	116
Приложение. Отписки и челобитные Семена Дежнева о его походах и открытиях	121

Редактор *Т. Д. Селявина*
Техн. редактор *Т. В. Алексеева*

А 25133. Подписано к печати 1/XII 1945 г.
Тираж 15000 экз. Объем 12 печ. л.
Уч.-изд. 12½ л. В 1 печ. л. 40568 зн.
Цена 12 руб. Зак. 591

Отпечатано в типографии Издательства
Главсевморпути, Москва

Цена 12 руб.